

Издание редакціи журнала «ОБРАЗОВАНИЕ».

ОБЩЕСТВЕННЫЯ ОТНОШЕНІЯ

ВО ФРАНЦІИ

XVII и XVIII вѣка.

составили

по Боннемеру, Зеверту, Ковалевскому, Гуго и др.

И. Степановъ и В. Базаровъ.

Цѣна 50 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія «В. С. Балашевъ и Ко», Фонтанка, 95.
1902.

ИЗДАНИЯ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА
„ОБРАЗОВАНИЕ“.

- Счастье. Популярныя очерки по нравств. философіи проф. К. Гильти. Пер. съ нѣм. А. Острогорскаго 5-е изд. Ц. 50 к.
- Что такое нравственность? Проф. Циглера. Пер. съ нѣм. А. Острогорскаго. 3-е изд. Ц. 50 к.
- Воображеніе и память. Ф. Кейра. Пер. съ франц. Е. Максимовой. 2-е изд. Ц. 40 к.
- Аффективная память. Т. Рибо. Пер. съ франц. Е. Максимовой. 2-е изданіе. Ц. 25 к.
- Этика и политическая экономія. Проф. Ф. Юдля. Пер. съ нѣм. 2-е изданіе. Ц. 20 к.
- Исторія первобытнаго человѣчества. М. Гернеса. Пер. съ нѣм. съ пред. и прим. П. Березина, съ 45 рис. 2-е изд. Ц. 50 к.
- Исторія человѣческой культуры. І. Гонеггера. Пер. М. Чепинской. Ц. 60 к.
- Черльзъ Дарвинъ, его жизнь и ученіе. Проф. Геффлинга. Пер. съ нѣм. Ц. 20 к. (съ портрет.).
- Очерки по философіи математики. Ш. Фрейсина. Пер. съ франц. 2-е исправл. изд. Ц. 60 к.
- Этюды по философіи наукъ. А. Лаланда. Пер. съ французск. 2-е изд. Ц. 75 к.
- Мозгъ и душа. Проф. Флексига. Пер. съ нѣм. съ табл. въ 7 красокъ. Ц. 40 к.
- Гуманность въ исторіи человѣчества. В. Штальберта, пер. съ нѣм. Н. Леонтьевой Ц. 80 к.
- Исторія политическихъ ученій. Проф. Поллока, пер. съ англ. А. М. Гердъ Ц. 50 к.
- Денежное обращеніе и его общественное значеніе. М. Шиппеля пер. съ нѣм. подъ ред. и съ предисл. Петра Струве. Ц. 50 к.
- О причинахъ явленій въ органическомъ мірѣ. Т. Гексли. Съ 13 рис. и портр. пер. съ англ. съ прил. биограф. очерка Т. Гексли, Н. Березина. Ц. 60 к.
- Исторія французской литературы: XIX в., XVIII в. и XVII вѣкѣ. Проф. Лансона. Пер. съ французск. подъ ред. П. О. Морозова. Цѣна кажд. вып. 1 р.
- Статистика и наука объ обществѣ. Н. Рейхесберга. Пер. съ нѣм. А. Струве. Ц. 50 к.
- Критика новѣйшихъ системъ морали. А. Фуллье. Пер. съ франц. О. Конради и Е. Максимовой. Цѣна 1 р. 50 к.
- Очеркъ исторіи искусствъ. М. Брекера. Съ 46 рис. Пер. съ нѣмец. Н. Лемана. Ц. 1 р. 50 к.
- Очеркъ исторіи социологіи проф. Л. Гумпловича, пер. съ польск. Ц. 40 к.
- Очерки изъ исторіи нѣмецкой культуры. П. Кампфмейра, пер. съ нѣм. подъ ред. П. Струве. Ц. 60 к.
- Популярныя біологическіе очерки. Проф. В. Шимкевича съ 65 рис. и 4 портр. Ц. 1 р. 25 к.

См. 3 стр.

Изданіе редакціи журнала «ОБРАЗОВАНИЕ».

ОБЩЕСТВЕННЫЯ ОТНОШЕНІЯ

ВО ФРАНЦІИ

XVII и XVIII вѣка.

составили

по Боннемеру, Зеверту, Ковалевскому, Гуго и др.

И. Степановъ и В. Базаровъ.

Цѣна 50 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
 Типографія «В. С. Балашевъ и К^о», Фонтанка, 95.
 1902.

K-216/
f3

40642

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 4 апрѣля 1902 года.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Общественныя противорѣчія въ XVI и XVII вѣкѣ.

Чтобы понять развитіе социальныхъ идей во Франціи второй половины XVII-го и въ XVIII вѣкѣ, необходимо возвратиться назадъ, въ XVI-ое столѣтіе, прослѣдить въ общихъ чертахъ развитіе современной промышленности, рассказать исторію трудящихся классовъ—крестьянъ и ремесленниковъ,—и изобразить содержаніе философской, политической и религіозной мысли въ этотъ періодъ. Напримѣръ, утопизмъ Верасса—въ своихъ иллюстраціяхъ мы останемся въ предѣлахъ XVII-го столѣтія—своими экономическими идеями неразрывно связанъ съ развивающеюся мануфактурой, а моральными и философско-правовыми—съ тѣмъ движеніемъ, которое извѣстно подъ названіемъ кальвинизма; точно также идея объ общности имуществъ развилась у Мелье подъ вліяніемъ знакомства съ положеніемъ крестьянъ и ихъ древними семейными общинами. И было бы невозможно опредѣлить положеніе Мелье и Верасса въ исторіи развитія общественной мысли во Франціи, если бы мы не прослѣдили, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторомъ разстояніи, важнѣйшія нити, которыя выступаютъ на фонѣ великой ткани—культуры этой страны, и, переплетаясь въ названныхъ утопистахъ, являются передъ нами, какъ цвѣтки на узорѣ.

1. Кальвинизмъ и Лига.

Королевская власть во Франціи была носителемъ централизаціи и мощной опорой развивающагося современнаго государства. Ко-

роли, вовлеченные въ борьбу съ феодалами, первые значительно облегчили въ XIII вѣкѣ положеніе крѣпостныхъ на своихъ поместьяхъ, превративши крѣпостное состояніе въ полусвободу или же и въ полную свободу; короли, пользуясь своимъ чрезвычайнымъ вліяніемъ, доставили потомъ такіа же облегченія и крѣпостнымъ феодаловъ *). Они же вели борьбу противъ цеховъ и ихъ исключительности; короли подчинили себѣ цехи и, открывши продажу патентовъ на званіе мастера, создали особаго рода свободу промышленности **). Короли, борясь съ дворянствомъ и духовенствомъ, эдиктами старались воспрепятствовать безсовѣстному разграбленію учреждений, предназначенныхъ для бѣдныхъ, и снова направить ихъ богатые доходы въ надлежащую сторону, на поддержку трудящихся классовъ. Конечно, мотивы, которыми руководствовалась королевская власть во всѣхъ этихъ случаяхъ, носили обыкновенно самый эгоистическій характеръ. Она была въ высшей степени заинтересована въ томъ, чтобы сломить политическую силу феодальнаго дворянства и превратить его въ дворянство придворное ***); королевская власть встрѣчала при этомъ рѣшительную поддержку со стороны экономического развитія, которое перемѣщало центр тяжести общественной жизни изъ деревень въ города. Финансовыя соображенія, вліяніе новаго, возвышающагося класса промышленниковъ, враждебное отношеніе ко всякой независимой организованной силѣ, — таковы были причины борьбы королевской власти противъ цеховаго устройства. Точно также, стремясь урегулировать попеченіе о бѣдныхъ, королевская власть несомнѣнно имѣла въ виду свои опредѣленные интересы. Регулированіе этого дѣла было прежде всего ударомъ для финансовой силы дворянства и тѣсно связаннаго съ нимъ высшаго духовенства, которое рекрутировалось изъ его же среды; эти сословія пользовались для своихъ цѣлей богатыми денежными средствами, предназначенными для бѣдныхъ. Съ другой стороны, урегулировать попеченіе о бѣдныхъ было настоятельно необходимо во вниманіе къ буржуазіи большихъ городовъ.

*) Сравни *Картевь*, «Исторія Западной Европы въ новое время», т. I, спб. 1898 г., стр. 123—139.

**) *Э. Зевортъ*, «Исторія новаго времени», переводъ съ дополненіями проф. И. В. Лучицкаго. Кіевъ, 1883 г., стр. 258 и слѣд.

***) Сравни *Картевь*, «Исторія Западной Европы въ новое время», т. II и III. Тамъ же любопытныя параллели между политикой королевской власти во Франціи и въ Германіи. См. также *М. Ковалевскій*, «Происхожденіе современной демократіи», т. I. М. 1895 г., стр. 45—46.

Нищенствующій пролетаріатъ, у котораго отняли поддержку со стороны монастырей, изъ деревень притекалъ въ города, быстро увеличивалъ бремя налоговъ на попеченіе о бѣдныхъ и такимъ образомъ порождалъ недовольство въ классѣ собственниковъ. Но королевская власть въ своей борьбѣ противъ дворянства обыкновенно опиралась на этотъ классъ, и потому была вынуждена съ величайшей внимательностью относиться къ его интересамъ *). Упорная борьба съ дворянствомъ, растянувшаяся на столѣтія, не привела королевскую власть къ полной побѣдѣ: „старый порядокъ“, даже при Людовикѣ XIV, характеризуется компромиссомъ.

Въ шестнадцатомъ вѣкѣ въ исторію Франціи вторглись двѣ новыя силы: мануфактура и реформація. Первая была импортирована королями изъ Италіи и послужила имъ мощной опорой въ борьбѣ противъ феодальныхъ сословій; со второю, враждебной королевской власти и централизаціи, короли боролись на жизнь и на смерть. Исторію мануфактуры и ея вліянія, преобразовавшаго феодальное общество, мы прослѣдимъ въ одной изъ позднѣйшихъ главъ; здѣсь же намъ необходимо сказать нѣсколько словъ о калвинизмѣ и религіозныхъ войнахъ во Франціи XVI вѣка.

При Францискѣ I и Генрихѣ II реформація сдѣлала завоеванія только среди низшихъ классовъ городского населенія. Это доказываетъ списокъ мучениковъ, составленный Креспеномъ: на про-

*) Такъ, во введеніи къ эдикту отъ 15 января 1545 года говорится: «Такъ какъ мы въ надлежащей мѣрѣ приведены въ извѣстность, что правленіе основанными въ нашемъ королевствѣ госпиталями для бѣдныхъ до сихъ поръ велось плохо и день ото дня становится хуже, управляютъ ли ими особыя лица или прелаты нашего королевства и другіе, каковыя должны бы имѣть о нихъ попеченіе, но которые всегда старались и теперь еще постоянно стараются употреблять для себя или своихъ слугъ доходы названныхъ госпиталей и превратить ихъ въ свою собственность... и даже больше, — предоставляя зданіямъ названныхъ госпиталей разрушаться и обращаться въ руины, а сами заботятся лишь объ одномъ, какъ бы захватить себѣ ихъ доходы и изгладить и уничтожить самое имя госпиталей, чтобы получить возможность на вѣчныя времена располагать ихъ доходами по своей волѣ и усмотрѣнію, изъ чего вытекаютъ различныя печальныя послѣдствія, которыя доходятъ даже до того, что жители городовъ нашего королевства... были вынуждены облагать себя налогами на содержаніе нищенствующихъ бѣдныхъ, каковыя, однако, должны получать пропитаніе и пристанище отъ названныхъ госпиталей и благотворительныхъ учреждений...» Еще яснѣе говоритъ ординансъ Генриха III, ст. 65, май 1573 года: «И должно въ будущемъ назначать комиссарами для заведыванія и управленія доходами и поступленіями названныхъ больницъ и госпиталей только простыхъ буржуа, купцовъ и рабочихъ, но не духовныхъ, дворянъ, знать, государственныхъ чиновниковъ, ихъ подчиненныхъ или предложенныхъ ими лицъ». — Относительно законодательства о бѣдныхъ сравни *A. Monnier*, «Histoire de l'Assistance, Парижъ 1856 г.

тяженіи 40 лѣтъ въ немъ встрѣчается только два сельскихъ жителя и три дворянина. „Только глупые люди, находящіеся въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, рѣшаются открыто говорить о названной ереси и мнимой религіи и слѣдовать ей; таковы башмачники, портные и другіе ремесленники“ *). Слѣдовательно, во Франціи какъ и въ Германіи, реформація первоначально принимаетъ демократическій характеръ; но въ обѣихъ странахъ она чрезвычайно быстро теряетъ его и очень скоро уступаетъ мѣсто движенію, относящемуся къ народу съ величайшей враждебностью. Въ первое время демократизмъ церковнаго строя у французскихъ кальвинистовъ получаетъ выраженіе въ независимости отдѣльных общинъ и въ свободномъ избраніи священниковъ церковными общинами; но очень скоро вводится олигархическое исправленіе этого принципа,—пріемъ во священники обставляется извѣстными условіями **).

Прекрасное выраженіе идеѣ равенства далъ Этьенъ де ла Боэть въ своемъ извѣстномъ сочиненіи „De la servitude volontaire“: Если только въ природѣ существуетъ что-либо ясное и несомнѣнное, что-либо такое, передъ чѣмъ нельзя оставаться смѣлымъ,—то это, конечно, слѣдующее: природа, слуга Господа и повелительница человѣка, дала всѣмъ намъ одну и ту же внѣшнюю форму, сдѣлала насъ, какъ кажется, по одной и той же модели, чтобы мы взаимно признавали другъ друга товарищами или, вѣрнѣе, братьями. И если она, распредѣляя дары, которые она намъ даровала, надѣлила одного больше, чѣмъ другого, преимуществами духовными или тѣлесными,—то она все же не хотѣла послать насъ въ этотъ міръ, какъ въ поле битвы, и не послала въ него болѣе сильныхъ и мудрыхъ, какъ вооруженныхъ воиновъ въ какой-то лѣсъ, чтобы они пожирали тамъ болѣе слабыхъ. Напротивъ, слѣдуетъ думать, что она, надѣляя однихъ больше, другихъ меньше, хотѣла открыть просторъ для проявленій братской симпатіи, ибо одни въ состояніи помогать, а другіе нуждаются въ помощи. Такъ какъ эта добрая всеобщая мать дала намъ жилищемъ цѣлую землю, помѣстила насъ, такъ сказать, на квартиру въ одинъ и тотъ же домъ,—то она всѣмъ намъ дала и одинако-

*) Claude Haton, I, 81, цитир. у Weill, Les théories sur le pouvoir royal en France, Парижъ 1891, стр. 62.

**) Polenz, Geschichte des französischen Calvinismus, Гота 1857 г. II, 1, стр. 593 и слѣд.

вое образованіе, чтобы каждый могъ отражаться въ другомъ и познавать самого себя; дальше, она всѣмъ намъ сдѣлала великій подарокъ,—дала голосъ и слово,—чтобы мы могли сближаться другъ съ другомъ и еще больше дѣлаться братьями и, путемъ взаимнаго выясненія мыслей, создавать общность нашей воли; она всѣми силами стремилась вызвать къ жизни зародыши союза и общества и возрастить ихъ; и если повсюду обнаруживается, что она не до такой степени соединила насъ, какъ хотѣлось бы нѣкоторымъ,—то послѣ всего этого нельзя сомнѣваться, что по природѣ мы всѣ свободны, что всѣ мы товарищи (compagnons), и никто не въ состояніи повѣрить, чтобы природа отдала кого-нибудь въ рабство (servitude), ибо, напротивъ, она всѣхъ вводила въ товарищество“ *).

Но въ общемъ кальвинизмъ былъ движеніемъ, въ которомъ господство принадлежало аристократіи и высшей буржуазіи въ узкомъ значеніи этого слова **) Такія ярко-демократическія идеи, какъ высказываемыя Боэтье, встрѣчаются лишь въ чрезвычайно немногихъ сочиненіяхъ и памфлетахъ. Мемуары Конде содержатъ упоминаніе, что послѣ 1563 года среди простого народа говорились новыя проповѣди, и что, напр., въ Шалонѣ на Саонѣ была рѣчь о томъ, какъ расправиться съ троякаго рода паразитами: дворянствомъ, духовенствомъ и судьями ***).

Еще болѣе ясныя свидѣтельства объ этомъ демократическомъ нижнемъ теченіи содержитъ чрезвычайно интересное сочиненіе, относящееся къ 1568 году: Avertissement à la noblesse tant du parti du roi que des rebelles et conjurés. Авторъ указываетъ, что интересы дворянства и короля самымъ тѣснымъ образомъ связаны другъ съ другомъ. „Мы должны поразмыслить о томъ — и это слишкомъ справедливо, и опытъ уже слишкомъ умудрилъ насъ,—что подданные не могутъ отказать своему королю въ повиновеніи безъ того, чтобы точно такъ же не поступили съ нами и наши подданные“. Духовныя лица, говорится дальше, проникнуты ан-

*) Oeuvres complètes d'Estienne de La Boétie par L. Feugère, Парижъ 1846 г. De la servitude volontaire, стр. 26 и 27.

**) Цѣли кальвинистовъ-аристократовъ прекрасно характеризуетъ Du Cellier, Histoire des classes laborieuses en France, Парижъ 1860 г., стр. 210: «Свобода совѣсти для нихъ была связана съ правомъ разрушить монастыри и протекавшую на ихъ доменахъ жизнь духовенства, конфисковать въ свою пользу десятины и завоевать завѣдываніе религіей зависимыхъ отъ нихъ крестьянъ».

***) Mémoires de Condé, IV, стр. 392, цитир. у Weill, Les théories etc., стр. 71.

типатіями къ феодальному классу и подстрекають деревенскихъ жителей къ разрушенію домовъ феодаловъ. Они рассказываютъ, что по закону милосердія и по неискаженному слову Евангелія все люди свободны, и что въ писаніи не упоминается о дворянахъ.

Уже въ концѣ правленія Генриха II (1559 годъ) въ центрѣ кальвинистскаго движенія мелкіе городскіе ремесленники смѣняются сельскимъ дворянствомъ и собственно буржуазіей. Дворянство увидало въ кальвинизмѣ одно изъ орудій для той борьбы, которую оно вело съ королевскою властью за феодальное господство. Къ нему примкнула буржуазія, которая въ этомъ столѣтіи вполне обособилась отъ мелкихъ ремесленниковъ *); въ ученіи, которое боролось противъ авторитета церкви, буржуазія почуяла нѣчто стоящее въ соотвѣтствіи съ ея историческою задачей. Поэтому для Отомана, Ланге и другихъ публицистовъ кальвинизма аристократія представляла всю націю; они заявляли, что представительствомъ для народа являются члены магистратовъ, собранія высшихъ сословій, патриции и члены парламентовъ, и что они въ своей совокупности стоятъ выше короля **). Это суверенное презрѣніе къ народу ясно показываетъ и въ теоріяхъ государственнаго права, принятыхъ кальвинизмомъ, который постепенно организовался въ государство въ государствѣ, въ своего рода аристократическую республику въ монархіи и потерялъ свою сильную позицію только при Ришелье. Однимъ изъ важнѣйшихъ среди вопросовъ, которыми вообще занимались

*) Слѣдующій эпизодъ показываетъ, съ какой ясностью нѣкоторые люди первой половины XVI вѣка уже тогда сознали это обособленіе «народа» (peuple). Въ Провансѣ tailles (сборы, которые первоначально взымались только въ извѣстныхъ установленныхъ обычаяхъ: плѣнь сюзерена, посвященіе въ рыцари его старшаго сына, замужество старшей дочери, крестовый походъ. Впоследствии они получаютъ болѣе постоянный характеръ. См. *Ковалевскій*, Происхожденіе etc., I т., М. 1895 г. стр. 121—122) были поземельной податью, но потомъ, съ присоединеніемъ Прованса къ Франціи, постепенно сдѣлались поголовной. Непосредственнымъ результатомъ этой перемѣны было освобожденіе отъ подати дворянства и членовъ судовъ и стремительное возростаніе народной бѣдности. Первый эдиктъ, направленный Францискомъ I противъ этихъ злоупотребленій, остался безрезультатнымъ, точно такъ же, какъ и второй, изданный его сыномъ Генрихомъ II; тогда Генрихъ потребовалъ, чтобы дѣло было представлено на его судъ для разрѣшенія. Во время преній, какъ нельзя ярче выступило глубокое, безжалостное презрѣніе трехъ сословій къ народу. Рю, ораторъ отъ «народа» («commun populaire»), замѣтилъ при этомъ, что народъ представляется ему здѣсь четвертымъ сословіемъ, которое оттолкнули отъ себя три остальныхъ. Сравни. *Bonnetière*, Histoire des paysans, Парижъ 1856 г., I, стр. 489.

**) *Polenz*, Geschichte des französischen Calvinismus, II, стр. 303.

кальвинистскіе публицисты, былъ вопросъ о правѣ на возмущеніе противъ тиранніи. Какъ быть, спрашиваетъ, напр., Беза, если Господь пошлетъ намъ владыкъ, которые открытымъ насиліемъ или по волюющему невѣжеству борются противъ царствія Божія? — и отвѣчаетъ, что церковь должна тогда искать прибѣжища прежде всего въ молитвѣ, слезахъ и покаяніи, какъ оружіи вѣрующихъ, а *высшіе* должны кромѣ того, насколько подобаешь, защищать истинную религію съ величайшей обдуманностью и умѣренностью, но въ то же время стойко и мужественно, славный образецъ чему далъ Магдебургъ *). Съ такой же рѣшительностью Ланге заявляетъ, что далеко не каждый частный человѣкъ можетъ призывать подданныхъ къ оружію и вести борьбу противъ владыкъ, если тираннія угнетаетъ народъ **). Только высшимъ, но не народу принадлежитъ это право. Отсюда необходимо вытекаетъ дальнѣйшее положеніе государственнаго права кальвинистовъ: Франція — не наслѣдственная монархія; королевская власть въ ней избирательная, и потому званіе короля есть не что иное, какъ высшій пожизненный санъ.

Такой же аристократическій характеръ, какъ кальвинизмъ, носила и лига 1576 года, — союзъ, созданный католическимъ дворянствомъ будто бы для защиты католической религіи. Въ манифестѣ, составленномъ въ Пикардіи, колыбели союза, и принятомъ почти безъ всякихъ перемѣнъ въ остальной Франціи, говорится, что задача заключается въ томъ, чтобы „возвратить провинціямъ старія права, привилегіи и свободы, какъ они существовали во времена перваго христіанскаго короля Хлодвига, и даже лучшія и болѣе выгодныя“ ***). Ничего не можетъ быть ошибочнѣе, чѣмъ утвержденіе, будто бы лига поставила своей задачей защиту единства Франціи; у Гизовъ была такая же цѣль, какъ у феодаловъ-протестантовъ и феодаловъ-католиковъ: добиться самостоятельности своихъ владѣній и независимости отъ центральной королевской власти. Въ этой, пероннской лигѣ главную роль играли дворяне, а города въ ней не участвовали; но съ 1585 года движеніе, созданное лигой, охватываетъ и города, въ особенности

*) *Beza*, Tract. theol. ч. 126, ed. secunda 1582, цитир. у *Polenz*, Gesch., II, 2, стр. 52.

**) *Languet*, Vindiciae contra tyrannos, Амстердамъ 1660 г., стр. 286 и 287. Такія же воззрѣнія выражены въ магдебургскомъ сочиненіи 1530 года.

***) *Weill*, Les theories etc., стр. 141.

Парижъ. Парижская буржуазія, соединившись съ рабочимъ классомъ, мощно поднимаетъ свою голову и на нѣкоторое время беретъ верхъ надъ аристократическими элементами. Буржуазія провинцій эмансипируется по мѣрѣ того, какъ партіи пробиваются въ королевской власти, и послѣдняя оказывается безсильной поддержать политическую и административную централизацию; провинціальныя магистраты буржуазіи пытаются возродить забытыя традиціи XII вѣка и превратить большіе города, въ которыхъ господство принадлежитъ имъ, въ независимыя республики.

Но въ то же время началось броженіе и въ народѣ, среди крестьянъ и мелкихъ ремесленниковъ. Безпримѣрная агитація, которую лига вела среди этихъ классовъ по смерти герцога Анжуйскаго, благодаря чему вѣроятнымъ наслѣдникомъ сдѣлался кальвинистъ Генрихъ Беарнскій, должна была породить среди нихъ величайшее возбужденіе; во многихъ мѣстахъ движеніе перешло за границы того, къ чему стремились его инициаторы, высвободилось изъ-подъ ихъ руководства и шло все впередъ, направляясь къ самостоятельнымъ цѣлямъ. Какое дѣло народу до той борьбы, которую привилегированныя сословія ведутъ съ королевскою властью, прикрываясь религіей?—этотъ вопросъ вставалъ передъ народомъ и получилъ отвѣтъ въ рядѣ памфлетовъ. Въ одномъ изъ такихъ сочиненій (*Discours sur la comparaison et élection des deux parties qui sont pour le jourd'hui au ce royaume*) говорится, напр., слѣдующее *): „Какое дѣло бѣдному и несчастному народу до того, какая религія господствующая? Пусть только это не будетъ такая, которая учить пожирать его до костей. Передъ нами выступаетъ только сумятица противоположныхъ и враждебныхъ честолюбивыхъ партій, созданныхъ для того, чтобы проглотить одинъ кусокъ, которымъ они должны подавиться“. Смерть короля Генриха III — онъ палъ въ 1589 году подъ ножомъ фанатика-доминиканца, Якоба Клемента,—содѣйствовала дальнѣйшему возрастанію путаницы. Значительная часть дворянства—говоритъ д'Осса о результатахъ дѣятельности лиги—не хочетъ какого бы то ни было короля. „Всѣ крупные дворяне хотятъ играть каждый свою роль. Народъ не хочетъ и слушать ни о суверенѣ, ни о дворянствѣ и не признаетъ ни князя, ни

*; Цитир. у Weill, Les théories etc., стр. 204.

дворянина. Отъ ихъ власти стремятся отбиться всѣ, до ничтожнѣйшаго обитателя этой страны“ *).

Когда на тронъ вступилъ Генрихъ IV, политика кальвинистовъ претерпѣваетъ радикальное измѣненіе. Они объединились для защиты королевской власти, которая нашла теперь въ ихъ рядахъ такихъ же горячихъ защитниковъ, какъ раньше — противниковъ. Буржуазія—изъ страха передъ народными возстаніями,—и болѣе зажиточная и просвѣщенная часть сельскаго населенія — изъ страха передъ феодальной реставраціей, угрожающая опасность которой была понята ею,—очень скоро перешли въ лагерь Беарнца. Когда же онъ принялъ католическую религію, исчезла всякая оппозиція. Монархическій принципъ вышелъ изъ долгой борьбы, отчасти ослабленный; въ централизаціи была пробита брешь признаніемъ свободныхъ городовъ гугенотовъ, т. е. городовъ, въ которыхъ они могли безпрепятственно исповѣдовать свою религію **).

2. Эпоха Фронды.

Злосчастной судьбѣ Франціи было угодно, чтобы короли ея въ дѣтскомъ возрастѣ вступали на тронъ, и чтобы слабые регенты-женщины возвращали въ руки дворянства отнятую у него власть. Дѣло Генриха IV и Сюлли погибло во время регентства Маріи Медичи; чтобы спасти дѣло Рихелье, его преемникъ, Мазарини, долженъ былъ вести до крайности утомительную борьбу въ теченіе регентства Анны Австрійской. Правленіе Анны—какъ и ея предшественницы—дворянство открываетъ всеобщимъ ограбленіемъ Франціи. „Le roi est mineur, soyons majeurs“—„король малолѣтенъ, будемъ могущественны“ — всегда оставалось лозунгомъ для дворянства и соблюдалось имъ съ величайшею вѣрностью. Пока регентша расточительною рукою сыпала на дворянство деньги, привилегіи, монополіи,—оно пѣло хвалебныя пѣсни „доброй королевѣ“; когда Мазарини, истощивши всѣ средства, началъ отказывать въ пожалованіяхъ, открылась борьба; борьба не

*) *D'Ossat*, *Discours sur les effets de la Ligue en France*, цит. по *Frémy*, *Diplomates du temps de la ligue*, 2 изд., стр. 134 и 135.

**) Сравни. соответствующія главы во II т. «Исторія Западной Европы» etc. *Карпеева*, Спб. 1898 г., стр. 315—332.

прямо противъ короля—стойкое самосознаніе дворянства, съ которымъ мы встрѣчаемся еще во времена лиги, и которое необходимо для такой борьбы, было уже слишкомъ надломлено кардиналомъ Ришелье,—но борьба противъ министра и его интендантовъ, какъ выражаются нѣкоторые органы этого времени, т. е. противъ расширенія и централизаторскихъ тенденцій королевской власти, представителями которой были именно эти чиновники *). Рука объ руку съ дворянствомъ идетъ сначала и буржуазія: королевская власть довольно часто вторгалась въ ея привилегіи безпощадной рукой. Притомъ Фронда сначала носила вполне общегражданственный и парламентскій характеръ. Конфликтъ между буржуазіей и регентствомъ былъ вызванъ покушеніемъ д'Эмери, министра финансовъ у Мазарини, на денежный мѣшокъ парижскаго парламента **). Парламентъ началъ борьбу съ величайшей энергіей; онъ потребовалъ уничтоженія званія интендантовъ, уменьшенія на одну четверть подати *taille*, — важнѣйшей подати французскаго королевства, которая всей своей тяжестью ложилась на плечи третьяго сословія, — освобожденія недоимщиковъ, которыхъ больше 20,000 сидѣло по тюрьмамъ въ оковахъ; парламентъ воспрещалъ взимать безъ его разрѣшенія какіе бы то ни было налоги, создавать новыя судейскія мѣста и новыя должности по управленію финансами, и завершилъ рядъ своихъ реформаторскихъ предложеній требованіемъ, чтобы ни одного подданнаго короля не держали въ тюрьмѣ болѣе 24 часовъ, не допросивши его и не поставивши передъ подобающими судьями. Парламентъ, представитель буржуазіи, сознавая за собою поддержку народа, на который и было рассчитано требованіе уменьшить налоги, шелъ одно время во главѣ борьбы (1648 годъ). Но, когда конфликтъ обострился,

*) Сравни. *О. Эйри*, Реставрація Стюартовъ и Людовикъ XIV, изд. О. Половой. Спб. 1896 г. стр. 8—19, 27—29. Вообще же въ этой книгѣ исторія Фронды посвящено 60 стр. Къ сожалѣнію, Эйри останавливается болѣе на битвахъ, придворныхъ интригахъ и т. д., чѣмъ на причинахъ движенія. См. также II т. *Картева*, «Исторія Западной Европы» etc. Объ интендантахъ при «старомъ порядкѣ» *Козалевскій*, «Происхожденіе современной демократіи», I, М. 1895, стр. 270 и слѣд.

**) Нѣкоторые изъ высшихъ судовъ Франціи, которые по широтѣ своихъ полномочій въ разрѣшеніи вопросовъ права были послѣдней инстанціей, носили тогда названіе парламентовъ. На нихъ возлагалась также задача заносить въ регистры эдикты, указы и ордонысы королей; только такъ всевозможныя распоряженія и вступали въ законную силу. Въ связи съ этимъ стоятъ неоднократныя попытки парламентовъ, которые были представителями крупной буржуазіи, сдѣлаться своего рода законодательными собраніями, стоящими подъ королевствомъ.—О парламентахъ при «старомъ порядкѣ» см. *Козалевскій*, *ibid.*, стр. 244—269, 298 и слѣд.

парламентъ потерялъ мужество и отдался въ руки дворянства, принявшаго участіе въ движеніи.

Народъ, поднявшійся на борьбу за свои интересы, теперь безсознательно служилъ цѣлямъ аристократической партіи и долженъ былъ расплачиваться за миръ въ Санъ-Жерменѣ. Такъ окончилась первая Фронда (такъ называемый, парламентскій ея періодъ). Вторая Фронда—уже исключительно дворянское возстаніе, поднятое кучкою честолюбивыхъ мужчинъ и женщинъ: большія имена, мелкіе интересы, неописуемая бѣдность. Какъ и всегда, народъ былъ основаніемъ, на которомъ болѣе десяти лѣтъ разыгрывались эти грабительскіе походы одичавшаго дворянства и одичавшихъ солдатъ. Удары сыпались на крестьянина со всѣхъ сторонъ; грабили и разрушали его землю и избу, обезчещивали его жену и дочерей, били, пытали и убивали его самого. Громадное уменьшеніе числа браковъ и рожденій, а также стремительное паденіе цифры населенія вообще, яснѣе всего свидѣтельствуетъ объ ужасающей нищетѣ, въ которой оказалась Франція къ концу этой легкомысленной войны. Фронда закончилась полнымъ истощеніемъ страны, и въ экономическомъ, и въ нравственномъ отношеніи; результатомъ ея былъ абсолютизмъ Людовика XIV.

3. Людовикъ XIV.

Людовикъ XIV—абсолютный монархъ, но такой абсолютный монархъ, который въ то же время является первымъ дворяниномъ своего королевства. Пресловутый эдиктъ о дуэляхъ 1679 года можетъ служить хорошимъ свидѣтельствомъ того презрѣнія, съ которымъ король взиралъ на остальные классы народа, на недворянъ; онъ называетъ ихъ недостойными субъектами, дѣла ихъ—презрѣнными, и санкціонируетъ вопіющее юридическое неравенство. Людовикъ XIV адвокат и представитель дворянства, при посредствѣ котораго онъ старается организовать въ своихъ интересахъ эксплоатацію Франціи. Его абсолютизмъ проявляется только по отношенію къ народу, гражданамъ и крестьянамъ, и по отношенію къ отдѣльнымъ личностямъ изъ дворянства—къ каковому мы должны, несомнѣнно, причислить и высшее духовенство,—но никогда не по отношенію къ дворянству, какъ сословію. Все королевство превращается въ доменъ короля, но доходы съ него должны поступать къ членамъ дворянскаго сословія.

Дворянство—рѣшительно все въ королевствѣ; для него работает ремесленникъ и крестьянинъ, для него существуетъ постоянное войско, для него — должности и государственные доходы. Лишь пока господствовало сильное личное вліяніе Кольбера—а Кольберъ былъ дѣлопроизводителемъ капитала, этой новой силы, вступающей на сцену, — буржуазія играла нѣкоторую, хотя и не очень значительную роль. Но со смертью Кольбера эта опора рушится; Нантскій эдиктъ отмѣняется, и кальвинистская буржуазія, въ рукахъ которой находилась огромная часть промышленныхъ предпріятій, покидаетъ Францію *). Сила буржуазіи была сломлена на долгія времена. Но продолжительныя войны, расточительность Людовика XIV и содержаніе многочисленнаго вѣчно-голоднаго, паразитическаго дворянства породили неслыханный ростъ потребности въ деньгахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ опять создали сильную буржуазію финансовъ и откупщиковъ налоговъ.

Согласно старымъ воззрѣніямъ, которыя въ особенности выдвигались коронными юристами противъ привилегій феодальнаго дворянства, королю непосредственно принадлежало право собственности на всѣ земли всего королевства. Отъ него, какъ отъ верховнаго леннаго господина (*Souverain fief*), зависить не только передача всѣхъ феодальныхъ владѣній изъ однихъ рукъ въ другія: отъ него зависить даже право пользованія аллодіальною, т. е. полною собственностью **). Людовикъ XIV ухватился за эти воззрѣнія. Согласно сообщенію Жюрье, при министерствѣ Кольбера обсуждался вопросъ, не подобаешь ли королю вступить въ фактическое владѣніе всѣми землями и помѣстьями Франціи. Тогда земля, превращенная въ королевскіе домены, была бы отдана въ аренду, не взирая на прежнее владѣніе, наслѣдованіе и другія права: совершенно такъ же, какъ магометанскіе государи Турціи, Персіи и Монголіи, по разсказамъ, дѣлають себя частными собственниками всей земли и потомъ по личному усмотрѣнію передають ее въ пользованіе подданнымъ, но только въ пожизненное пользованіе ***). Кольберъ обратился къ знаменитому путешественнику

*) Нантскій эдиктъ (1598 года, при Генрихѣ IV) предоставилъ протестантамъ право исповѣдовать свое ученіе въ предѣлахъ почти всего государства и уравнилъ ихъ гражданскія права съ правами католиковъ. Отмѣна Нантскаго эдикта (въ 1685 году) вновь открываетъ эру варварскихъ гоненій на кальвинистовъ.

**) *Lavelege-Bucher*, *Des Ureigenthum*, стр. 266; *Токоиль*, Старый порядокъ и революція. М. 1896 г. стр. 344.

***) *Les soupirs de la France esclave qui aspire après la liberté*, Амстердамъ 1690 г., стр. 15. Это анонимное сочиненіе написано, несомнѣнно, Жюрье.

Бернье и попросилъ, чтобы тотъ сдѣлалъ ему сообщеніе о царствѣ Великаго Могола, въ которомъ вся земля была государственной собственностью, и представилъ бы критику этой системы. Бернье отвѣтилъ на просьбу сочиненіемъ: „Письма о состояніи Индостана“ *). Мы остановимся на немъ нѣсколько дольше.

Описавъ индостанское царство, Бернье ставитъ вопросъ: не лучше ли было бы не только для государства и суверена, но также и для подданныхъ, если бы государь не былъ единственнымъ собственникомъ земли, но и для частныхъ людей существовало бы „мое“ и „твое“, какъ въ королевствахъ и государствахъ Европы? Сравнивъ состояніе государствъ съ частною земельною собственностью и государствъ безъ нея, Бернье высказывается за первую систему и старается подкрѣпить свои взгляды рядомъ доводовъ. 1) Хотя золото и серебро большими массами приливають въ царство Великаго Могола, — благородные металлы чрезвычайно быстро исчезаютъ тамъ изъ обращенія. 2) Тираннія губернаторовъ и тимариотовъ (воиновъ, непосредственно получающихъ землю въ аренду) прямо чудовищная. Гнетъ, который лежитъ на крестьянахъ и ремесленникахъ, настолько великъ, что они почти умирають отъ бѣдности и голода и всѣми способами стараются убѣжать отъ своей участи. Каналы и дома разрушаются, потому что лишенные всякой собственности рабочіе не имѣють никакого интереса въ томъ, чтобы работать на тиранновъ. Ремесленникъ не находитъ у разоренныхъ крестьянъ никакого спроса на свои издѣлія; работать на вельможъ—не стоитъ труда, такъ какъ они плохо расплачиваются или и совсѣмъ не расплачиваются. Съ полнымъ отсутствіемъ судебной защиты стоитъ въ тѣсной связи невѣроятное невѣжество населенія, съ упадкомъ земледѣлія и всякой промышленности—полное отсутствіе торговли.

Три восточныя государства—Турція, Персія и Индостанъ, — въ которыхъ для подданныхъ не существуетъ частной поземельной собственности, этой основы всего добраго и прекраснаго въ мірѣ, должны представлять величайшее сходство и въ другихъ отношеніяхъ. Они болѣють одной и той же болѣзью, и потому раньше или позже должны впасть въ одно и то же невыносимое состояніе, которое является естественнымъ послѣдствіемъ этой болѣзни: въ состояніе тиранніи, упадка и запустѣнія. И потому очень хорошо, что европейскіе короли не суть собственники всей земли.

*) *Histoire de la dernière revolution des états du Grand Mogol*, Парижъ 1670 г. Здѣсь (т. II, стр. 191—294) находится и сочиненіе: *Lettre sur l'état de l'Hindoustan*.

Иначе слишком скоро они сдѣлались бы королями пустынь, нищихъ и варваровъ, что уже случилось съ монархами востока. Чтобы вѣкъ обладать, послѣдніе все погубили, и въ концѣ концовъ остались безъ богатствъ: совращенные слѣпымъ честолюбіемъ и опустошающей страстью стать болѣе абсолютными, чѣмъ позволяютъ законы Бога и природы, они старались сдѣлаться слишкомъ уже богатыми. — Послѣ этихъ декламаций Бернье дѣлаетъ самъ себѣ рядъ возраженій, которыя, конечно, побѣдоносно разбиваются имъ. — Но, вѣдь, существуютъ же такія государства, въ которыхъ нѣтъ частной собственности! — Да, но они находятся въ полномъ разложеніи. Но почему же въ этихъ государствахъ не можетъ быть хорошихъ законовъ, и развѣ жители провинцій не могутъ жаловаться королю или великому визирю? — Въ дѣйствительности у нихъ и есть хорошіе законы, но они не соблюдаются, а для крестьянъ и ремесленниковъ нѣтъ возможности жаловаться, такъ какъ у нихъ нѣтъ ни денегъ, ни силы! Но, вѣдь, даже у насъ, во Франціи, есть королевскіе домены! — Правда, только это, вѣдь, колоссальная разница, — принадлежитъ ли королю въ большомъ королевствѣ, какъ собственность, лишь нѣсколько участковъ земли, что не измѣняетъ формы правленія и государства, или же онъ владѣетъ всею землею, что непременно вызвало бы указанныя измѣненія. — Но уже во всякомъ случаѣ въ такихъ государствахъ не можетъ быть такихъ многочисленныхъ и продолжительныхъ процессовъ. Уничтоженіемъ „моего“ и „твоего“ былъ бы подрѣзанъ корень, который питаетъ безконечное множество процессовъ и притомъ такихъ, которые въ настоящее время имѣютъ величайшую важность. Тогда можно бы очень сильно сократить количество судей, и многія личности, которыя кормятся процессами, сдѣлались бы излишними. — Совершенно справедливо; но такое состояніе судебного дѣла, какъ оно наблюдается въ государствахъ Великаго Могола, представляетъ насмѣшку надъ самыми скромными требованіями и безконечно много хуже, тѣмъ состояніе судебного дѣла у насъ.

Уничтожить собственность на землю — такъ резюмируетъ Бернье результаты своего изслѣдованія — необходимо означало бы въ то время водворить тиранію и рабство, несправедливость, нищенство и варварство, означало бы превращеніе цвѣтущей страны въ невоздѣланную пустыню, значило бы открыть широкій, путь упадку и крушенію человѣческаго рода, королей и царствъ. Напротивъ, „мое“ и „твое“ въ связи съ открывающеюся каждому надеждой трудиться для своего прочнаго достоянія, принадлежа-

щаго еще и его дѣтямъ, является главной основой всего добраго и прекраснаго въ мірѣ. Кто сравнить между собою различныя страны и королевства и обратить особенное вниманіе на различія формъ собственности, тотъ найдетъ, что въ послѣднихъ лежатъ причины различій между странами, и что имъ слѣдуетъ приписать какъ процвѣтаніе однихъ странъ, такъ и запустѣніе другихъ.

Мы видимъ, что въ этомъ письмѣ Бернье съ величайшей энергіей выступаетъ противъ намѣренія монархій — превратить всю землю въ собственность государства, и съ такимъ же рвеніемъ защищаетъ право индивидуума владѣть землею на началахъ частной собственности. На примѣрѣ Индостана, царства Великаго Могола, онъ старается показать, какія роковыя послѣдствія связаны съ государственной монополіей на землю; но доводы, приводимые имъ, затрогиваютъ деспотизмъ, а не государственную собственность, какъ таковую. Его изображеніе опустошительнаго хозяйничанья деспотизма такъ ярко и живо, и въ то же время такъ рѣзко и вѣрно характеризуетъ состояніе тогдашней Франціи, что является непреодолима склонность признать въ индостанскомъ деспотизмѣ отраженіе французскаго деспотизма.

Впрочемъ, сравненіе абсолютистскихъ стремленій французскихъ королей съ деспотіей султана до чрезвычайности излюблено памфлетистами еще со временъ католической лиги; подъ нападками на султана они болѣе или менѣе искусно замаскировываютъ нападки на королей. Такъ, уже въ 1576 году неизвѣстный авторъ въ сочиненіи: „L'antipharmaque du chevalier Poncet“, рассказываетъ, какъ Генрихъ III созвалъ совѣтъ, чтобы выслушать докладъ шеваля Понсе, возвратившагося изъ поѣздки по Востоку. Изобразивши безграничную власть султана, Понсе предлагаетъ ввести подобное правленіе и во Франціи. Съ этою цѣлью слѣдуетъ прежде всего уничтожить аристократію и постараться освободиться отъ всѣхъ принцевъ и крупныхъ феодаловъ; было бы нетрудно обуздать нерасчлененную массу, foule confuse, которая осталась бы послѣ всего этого *). И кардиналу Ришелье приписывалась какъ разъ такая политика **).

*) G. Weill, Les théories etc., стр. 125 и сл. упоминаетъ еще о двухъ памфлетахъ изъ эпохи Лиги: «La France-Turquie» и «Les lunettes de cristal de noche par lesquelles on voit clairement le chemin tenu pour subjuguier la France à même obéissance que la Turquie». Изъ подобныхъ же памфлетовъ, касающихся Людовика XIV, можно упомянуть еще слѣдующіе: «L'Alcoran de Louis XIV», 1695 г.; «Conversation du bouffon du grand-visir avec celui de Teléki 1684».

**) Сравни. I. Meslier, Le Testament, изд. K. Charles, II, стр. 261; здѣсь со-

Согласно изложению Жюрье, мысль о превращении земли в государственную собственность в этом случае исходила от Кольбера. „Если нѣкогда явится болѣе смѣлый министр финансовъ, чѣмъ Кольберъ“,—обращается Жюрье къ дворянству, предостерегая его,—„у васъ въ одинъ день отнимутъ всѣ ваши наслѣдственные владѣнія, и вы будете платить князьямъ ренты за свою собственность!“ Но какъ пришелъ Кольберъ къ такому плану, который прежде всего угрожалъ собственности дворянства? Самостоятельность послѣдняго была въ конецъ сломлена неудачей Фронды, и потому уже не приходилось бояться его федералистическихъ стремлений, враждебнаго отношенія къ политической централизаци. Слѣдовательно, не въ этомъ, а исключительно въ фискальныхъ соображеніяхъ слѣдуетъ искать причины, которыя побуждали Кольбера предпринять такой шагъ. Если бы вся земля во Франціи была объявлена собственностью короля, свободѣ дворянства отъ налоговъ наступилъ бы конецъ: оно было бы вынуждено, какъ выражается Жюрье, платить ренты князьямъ за свою собственность *).

Съ тою же мыслью—что право собственности на всю землю принадлежитъ королю—мы еще нѣсколько разъ встрѣчаемся въ правленіе Людовика XIV. Такъ въ 1693 году ее повторяетъ одинъ фискальнаго свойства эдиктъ объ аллодіальной собственности; дальше, самъ король высказываетъ ее въ извѣстномъ мѣстѣ инструкции, составленномъ для дофина. „Все, что находится въ предѣлахъ нашего государства, какого бы рода оно ни было, принадлежитъ намъ по тому же самому праву. Вы должны сохранять убѣжденіе, что короли имѣютъ отъ природы полное право свободно располагать всѣми благами, которыми владѣетъ духовенство и міряне, что они, какъ мудрые экононы, то-есть въ зависимости

держится извлеченіе изъ сочиненія *Salut de l'Europe en l'an 1694*. „Ришелье замѣтилъ, что среди всѣхъ монархій только въ монархіи оттомановъ наблюдается самая большая и прочная устойчивость, ибо только она всегда сохраняла всѣ свои границы... въ то время, какъ другія сами разрушали себя роскошью, ослабленіемъ дисциплины и честолюбіемъ великихъ міра сего... И потому онъ захотѣлъ преобразовать французскую монархію по этимъ принципамъ“...

*) *H. Doniol*, *Histoire des classes rurales*, Парижъ 1865 г., стр. 407 и сл. полагаетъ, что письмо Бернье написано подъ вліяніемъ Кольбера и отражаетъ взгляды послѣдняго. Это утвержденіе, приведенное безъ доказательствъ, опровергается рассказомъ Жюрье въ *«Soupirs»*. *Боннемеръ* въ своей книгѣ *La France sous Louis XIV*, Парижъ 1864 г., II, стр. 212, приписываетъ соглашеніе съ Бернье преемнику Кольбера, Поншартену, и относитъ его къ 1693 году. Между тѣмъ, *«Soupirs»* явились уже въ 1690 году.

отъ общихъ потребностей государства, во всякое время могутъ дать этимъ благамъ то или другое измѣненіе“. Въ послѣдній разъ вспомнили объ этомъ принципѣ въ 1710 году. Чрезвычайная финансовая нужда, въ которой тогда находилось государство, заставила искать спасенія въ „королевской десятинѣ“ (*dime royale*), которую Вобанъ рекомендовалъ уже за нѣсколько лѣтъ до этого времени, что, впрочемъ, привело лишь къ одному результату,—навлекло на него королевскую немилость. И вотъ теперь ввели десятину, съ той только разницей, что со введеніемъ десятины не отмѣнили остальныхъ налоговъ, къ чему стремился Вобанъ, развивая свою систему. Сомнѣнія, которыя удерживали Людовика XIV отъ этого новаго грабежа, были побѣдоносно разсѣяны его духовникомъ, іезуитомъ Летелье: онъ добился отъ Сорбонны, парижскаго университета, рѣшенія, въ которомъ доказывалось, что король—единственный и исключительный собственникъ всего имущества своихъ подданныхъ, и послѣдніе во истину управляютъ имъ только отъ королевскаго имени **).

4. Политика хлѣбной торговли при старомъ порядкѣ.

Та же самая мысль лежитъ въ основѣ и политики хлѣбной торговли, которой старый порядокъ держался въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Королямъ принадлежитъ все имущество подданныхъ, точно также королямъ принадлежитъ право вмѣшиваться въ завѣдываніе имуществами, предоставленными для пользованія подданнымъ, и, дальше, на нихъ лежитъ прямая обязанность заботиться о томъ, чтобы имуществами распоряжались въ интересахъ совокупности подданныхъ. „Его Величество“—говорится во введеніи къ указу государственнаго совѣта отъ 5-го сентября 1693 года—„проникнуть убѣжденіемъ, что онъ долженъ обращать свое вниманіе прежде всего на то, чтобы обезпечить своимъ подданнымъ легкое и достаточное пропитаніе; онъ не пренебрежетъ никакими мѣрами, чтобы выполнить эту столь важную обязанность“ **).

*) *Bonnemère*, *La France sous Louis XIV*, II, стр. 462.

**) Такое пониманіе задачъ государства исчезаетъ лишь послѣ того, какъ буржуазія завсегдальное господство. Еще въ XVIII вѣкѣ оно остается господствующимъ; *Монтескье*, наприѣръ, пишетъ въ *«Духъ Законовъ»*, 1748 г., книга XXIII, глава 29 (рус. пер. изд. Пантелѣева, Спб. 1900 г.):

Изд. ред. журн. „Образованіе“.

Въ то время, когда хлѣбъ представлялъ еще большую важность для продовольствія огромныхъ массъ населенія, чѣмъ въ настоящее время, само собою понятно, что регулированіе торговли хлѣбомъ, особенно при наличности слишкомъ плохихъ урожаевъ, но, впрочемъ, и въ случаѣ слишкомъ богатыхъ сборовъ, было одною изъ важнѣйшихъ задачъ правительства. Въ періоды дороговизны— а въ такихъ при старомъ порядкѣ никогда не было недостатка— народъ тотчасъ же возлагалъ всѣ свои упованія на интендантовъ, этихъ тридцать правителей Франціи, и, „только отъ нихъ ожидалъ пропитанія“ *). Частная торговля совершенно замирала, и вся тяжесть продовольствія падала на правительство. Въ правительственныхъ распоряженіяхъ высказывается та мысль, что собственность на хлѣбъ менѣе священна, чѣмъ на какіе бы то ни было другіе предметы; еще въ 1770 году, за шесть лѣтъ до реформаторскихъ начинаній Тюрго, въ одномъ „мемуарѣ“ верховному главѣ семьи (т. е. королю) приписывается обязанность регулировать „распредѣленіе этого общаго богатства (хлѣба), — на которое всѣ подданные имѣютъ равное естественное право, — ибо онъ такъ серьезно заинтересованъ въ ихъ спокойствіи и пропитаніи“ **).

За необходимость правительственнаго вмѣшательства въ торговлю хлѣбомъ говорили и другія соображенія, которыя съ чрезвычайною силою взывали къ народнымъ страстямъ. Вѣра въ плодородіе французской почвы была тогда всеобщей и несокрушимой;

«Случайная милостыня, которую подають уличному босыку, не освобождаетъ отъ обязанностей государя, которое должно предоставить всѣмъ гражданамъ прочность существованія, пищу, надлежащую одежду и образъ жизни, не противорѣчающій гигиеническимъ требованіямъ». Что государство должно гарантировать право на существованіе, — это положеніе къ концѣ XVIII вѣка остается такимъ же бесспорнымъ, какъ и въ началѣ, и является своего рода догмою. «Каждый человѣкъ имѣетъ право на пропитаніе», говорится въ *Plan de travail du comité pour l'extinction de la mendicité*, 1789 г.

*) *Токаиль*. Старый порядокъ и революція. М. 1896 г., стр. 88. Въ разныхъ мѣстахъ этой классической работы разбросано вообще много любопытныхъ замѣчаній объ условіяхъ торговли хлѣбомъ при старомъ порядкѣ. Тамъ же (особенно I—VI главы второй книги) см. объ интендантахъ, этихъ органахъ новаго полицейско-централизованнаго государства, пробивавшихъ брешь въ феодальномъ обществѣ. — По вопросамъ, трактуемымъ въ текстѣ, см. также *Карпеев*, Исторія Западной Европы, т. III, Спб. 1899 г., стр. 102 и слл., 424 и слл. *Ковалевскій*, Происхожденіе современной демократіи т. I, М. 1895, стр. 172—179. *Аванасевъ*, Условія хлѣбной торговли во Франціи въ XVIII вѣкѣ, даетъ свѣдѣнія отчасти и о предыдущемъ столѣтіи.

**) *Mémoire sur la police de Paris en 1700*, цитир. у *Biollay*, *Etudes économiques sur le XVIII siècle*, Парижъ 1885 г., стр. 22. Эта книга даетъ обстоятельный обзоръ политики хлѣбной торговли при старомъ порядкѣ.

хорошаго урожая, по убѣжденію людей того времени, должно бы хватить на покрытіе потребностей въ теченіе двухъ и даже трехъ лѣтъ. Бѣдствія дороговизны, которыя такъ часто свирѣпствовали во Франціи, приписывали поэтому безсовѣстнымъ спекуляціямъ торговцевъ. Причинъ частаго повторенія дороговизны искали повсюду: обвиняли спекулянтовъ, интендантовъ, генеральнаго контролера финансовъ, короля; истинныхъ экономическихъ причинъ не замѣчали. Правительство и магистраты официально признавали справедливость ходячихъ воззрѣній. „Мѣры, принятые нами въ послѣдніе годы съ цѣлью доставить хлѣбъ и оказать другіе необходимые виды помощи нашему народу въ нѣкоторыхъ пострадавшихъ провинціяхъ, привели насъ къ убѣжденію, что не столько дороговизна хлѣба, сколько жадность извѣстныхъ лицъ больше всего способствовала увеличенію нужды“, — говорится во введеніи къ деклараціи отъ 13 августа 1699 года *). Главная вина приписывается „алчности нѣкоторыхъ скрягъ, которые, въ жертву преступной и грязной прибыли, приносятъ священнѣйшія узы религіи и общества, а часто даже и всеобщее государственное благо **).

Въ первый разъ правительство активно вмѣшалось въ хлѣбную торговлю въ 1662 году, когда страшный голодъ посѣтилъ страну. На закупку хлѣба въ Данцигѣ Кольберъ назначилъ 2 миліона ливровъ, — сумму по тому времени довольно значительную. Вся операція производилась съ величайшею гласностью. Одинъ ордонансъ возвѣстилъ гражданамъ, „что Его Величество и его добрый городъ Парижъ рѣшили доставить извѣстное количество хлѣба, распредѣленіе котораго... имѣетъ состояться въ галлерейхъ Лувра по цѣнѣ въ 26 ливровъ за септье (=1½ гектолитровъ), и что желающіе получить хлѣбъ должны обращаться къ комиссару своего участка и взять у него свидѣтельство о мѣстѣ своего жительства и потребномъ количествѣ хлѣба, который потомъ будетъ выданъ имъ въ размѣрѣ до одного септье и свыше“ ***). Эта операція закончилась безъ убытка для государственной кассы, можетъ быть даже съ небольшою прибылью.

*) Сравни указъ государственнаго совѣта отъ 13 октября 1693 года: „вздорожаніе хлѣба явилось послѣдствіемъ махинацій скупщиковъ и другихъ лицъ, занятыхъ торговлею; они прятали хлѣбъ съ цѣлью повышенія цѣны“.

**) *Delamare*, *Traité de la police*, II, стр. 344, цитир. у *Biollay*, *Etudes*, стр. 14.

***) *Delamare*, *Traité de la police*, II, стр. 1033, цитир. у *Biollay*, *Etudes*, etc., стр. 35.

Закупки хлѣба были повторены въ 1684 и 1693 годахъ. Но при дороговизнѣ хлѣба въ 1689 и 1699 годахъ правительственнаго вмѣшательства не воспослѣдовало, по всей вѣроятности по абсолютному отсутствію денегъ; то же и въ ужасномъ 1703 году, когда, помимо прочаго, война сдѣлала невозможными заграничныя закупки хлѣба. Въ 1713 году опять повторяются закупки хлѣба, которыя заканчиваются убыткомъ въ 600,000 ливровъ.

Политика хлѣбной торговли, руководимая Кольберомъ, главное вниманіе обращала на потребителей, и только уже на второмъ планѣ на крестьянъ, на производителей. Королевской власти принадлежить право распоряжаться урожаями, „которые суть продуктъ плодородія почвы и теплоты климата, т. е. своего рода чистыхъ даровъ Провидѣнія“. Королевская власть печется о томъ, чтобы крестьянинъ уплачивалъ свои подати и арендные деньги; она допускаетъ даже, чтобы онъ извлекалъ изъ своего труда нѣкоторую прибыль; но больше всего необходимо позаботиться о томъ, чтобы для народа не создавалось положенія, когда онъ начинаетъ жаловаться на слишкомъ высокую цѣну хлѣба *). Поэтому правительство обращалось къ вопросамъ хлѣбной торговли и хлѣбныхъ цѣнъ собственно только въ періоды дороговизны. Лишь изрѣдка, когда слишкомъ богатый урожай понижалъ хлѣбныя цѣны настолько, что для крестьянина становилось почти невозможнымъ продавать хлѣбъ, а для правительства и откупщиковъ было такъ же невозможно взимать подати и налоги, — правительство рѣшалось позволить экспортировать хлѣбъ за границу; еще рѣже были случаи отмены вывозныхъ пошлинъ. Вообще же правительство съ величайшею неохотой допускало эти мѣры: вѣдь, за известное количество хлѣба, ввозимаго въ періодъ дороговизны изъ-за границы, приходилось уплачивать заграницѣ несравненно большую сумму денегъ, чѣмъ та, которую страна получала отъ заграницы во времена изобилія; то-есть, говоря короче, конечный результатъ всѣхъ операций по ввозу и вывозу стоялъ въ противорѣчій съ, такъ называемой, политикой меркантилизма, которой слѣдовало правительство **). При такихъ обстоятельствахъ невольно

*) *Biollay, Etudes etc.*, стр. 81 и 82.

**) Подъ меркантильной системой разумѣется совокупность принциповъ, которымъ—особенно въ началѣ новаго времени—принадлежало рѣшающее вліяніе на построения писателей-экономистовъ и государственныхъ людей, руководившихъ экономической политикой. Важнѣйшіе изъ этихъ принциповъ слѣдующіе: 1) Чѣмъ больше денегъ въ странѣ, тѣмъ богаче она. 2) Загра-

навязывалась идея: складывать въ общественные магазины избытки богатыхъ урожаевъ. Эта идея находитъ себѣ выраженіе уже въ 1577 году, въ одномъ ордонансѣ, который предписываетъ „добрымъ городамъ“ сосредоточить въ общественныхъ житницахъ такіе запасы хлѣба, чтобы они могли вполне покрыть потребленіе въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Распоряженіе это осталось на бумагѣ; не больше успѣха имѣло требованіе собранія нотаблей въ 1626 году—повторить ордонансъ *). Въ 1688 и 1691 году правительство Людовика XIV сдѣлало попытку привести проектъ въ исполненіе, но съ самаго начала встрѣтило непреодолимые финансовыя и другія препятствія. Въ эпоху регентства (за малолѣтствомъ Людовика XV, съ 1715 по 1723 годъ) опять обратились къ этой идее. „Проектъ государственнаго совѣта—сообщаетъ одинъ мемуаръ 1717 года—устроить хлѣбныя магазины въ провинціяхъ и построить соотвѣтствующія приспособленія вблизи судоходныхъ рѣкъ можетъ принести только пользу для народа; осуществленіе его воспрепятствуетъ повторенію такихъ бѣдствій, какъ въ 1700, 1710, 1713 и 1714 годахъ“ **). Этотъ планъ былъ осуществленъ лишь въ правленіе Людовика XV. Операции закупки и продажи хлѣба совершались съ невозможной тайной; поэтому среди народа очень скоро возникло подозрѣніе, что король ничего не теряетъ на нихъ, что онъ спекулируетъ на голодѣ своихъ подданныхъ и обогащается недостойнѣйшимъ способомъ. Впослѣдствіи мы еще возвратимся къ этому вопросу и рассмотримъ тогда, дѣйствительно ли имѣли мѣсто такія недостойныя махинаціи и какихъ размѣровъ достигали онѣ.

ничная торговля есть источникъ богатства благородными металлами. 3) Богатство возрастаетъ тѣмъ быстрее, чѣмъ больше продается заграницѣ и чѣмъ меньше покупается у нея.—О меркантилизмѣ см. *Карпезъ*, *ibid.*, т. II, Спб. 1899 г., стр. 415, 537—540. До сихъ поръ остаются очень цѣнными нѣкоторыя дополненія *Лущикаго* по экономической исторіи, сдѣланныя къ книгѣ *Зеворта*, *Исторія новаго времени*, Кіевъ 1883 г., стр. 530—552, 580 и сл.

*) Собранія нотаблей замѣнили «генеральныя штаты», несозывавшіеся съ начала XVII вѣка. Въ генеральныя штаты сословія—дворянство, духовенство и буржуазія—избирали своихъ представителей. Нотабли назначались самимъ правительствомъ.

**) Цитир. у *Biollay, Etudes etc.*, стр. 41.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Крестьяне и сельское духовенство.

I. Крестьяне.

„Via dolorosa“ назвал одинъ англійскій писатель исторію крестьянства. Да, конечно, это—via dolorosa, „многострадальный путь“, но передъ его потрясающимъ трагизмомъ, передъ страданіями безчисленныхъ милліоновъ одинокія слезы, оросившія библейскую via dolorosa, представляются исчезающей величиной, каплей, упавшей въ море. Три слова выражаютъ всю исторію „старого порядка“: война, чума и голодъ. И на кого же обрушивались эти бичи человѣчества съ большей безпощадностью, чѣмъ на крестьянство? Крестьянинъ—вотъ тотъ живой, чувствующій и мыслящій, окутанный ядовитымъ туманомъ нужды и нищеты, потонувшій въ грязнозвѣрѣніи, фундаментъ, на которомъ гордо подымается въ ясное небо изящный обелискъ, позлащенный лучами солнца счастливыхъ. Надъ крестьяниномъ тяготѣлъ рокъ, несравненно болѣе ужасный, чѣмъ та судьба, на которую человѣкъ былъ обреченъ ветхозавѣтнымъ проклятіемъ, и которая, по мнѣнію тогдашнихъ людей, не черпывала собою возможно безпощадное осужденіе рода человѣческаго. „Въ потѣ лица своего ты будешь ѣсть хлѣбъ свой“—это „евангеліе труда“ казалось древнимъ проклятіемъ; что же сказали бы они по поводу „евангелія современнаго труда“? Крестьянинъ, французскій крестьянинъ, въ потѣ лица своего обрабатывалъ не свое поле, но не имѣлъ хлѣба; онъ бралъ себѣ жену и она рождала ему сына, но у него отнимали сыновей, чтобы убить ихъ на войнѣ въ чужихъ странахъ ради короля, который никогда иначе не соприкасался съ крестьяниномъ, какъ въ образѣ сбор-

щика податей, жандарма, солдата... онъ бралъ жену и она рождала ему дочерей, но въ его деревню являлись разбойники благородные и неблагородные, и на его глазахъ безчестили и жену, и дочерей. По сравненію съ страданіями французскаго крестьянина ветхозавѣтное проклятіе кажется въ высшей степени невиннымъ, мало того, оно представляется едва ли не благословеніемъ.

О горе! горе! горе! горе!
Прелаты, князья и вы, добрые господа,
Горожане, купцы и судьи,
Ремесленники крупные и мелкіе,
Вы, рыцари, и вы, люди всѣхъ трехъ сословій,
Вы всѣ кормитесь отъ насъ, крестьянъ:
Такъ поддержите же насъ хоть немного.
Намъ нужно жить, и только въ васъ наше спасенье:
Мы потеряли всякое утѣшеніе и всякую радость:
Съ нами почти совсѣмъ прикончили,
Вѣдь, у насъ нѣтъ уже ни вина, ни хлѣба... *)

Такъ начинается стихотвореніе, рисующее положеніе крестьянъ въ 15-мъ вѣкѣ. Но эти слова въ той же мѣрѣ справедливы по отношенію къ 16, 17 и 18 вѣкамъ. Мысль, что крестьянинъ и нищета соединены между собою неразрывно, что пока существуетъ Jacques Bonhomme, и нищета, какъ вѣрная подруга жизни, будетъ гнѣздиться въ его хижинѣ, эта полная безнадежности мысль нашла себѣ выраженіе во французской народной легендѣ о Bonhomme Misère (Bonhomme—прозвище французскаго крестьянина, misère—нищета). Мрачное содержаніе легенды выступаетъ съ еще болѣею яркостью благодаря контрасту съ веселымъ юморомъ формы. Два бѣдныхъ путешественника, такъ гласитъ сказаніе, не принятые богатымъ горожаниномъ, постучались въ домъ къ бѣдному крестьянину, Bonhomme Misère. Несмотря на свою ужасную нищету послѣдній привѣтливо принимаетъ ихъ. На слѣдующее утро странники, оказавшіеся не кѣмъ инымъ, какъ св. Петромъ и Павломъ, просятъ хозяина высказать какое-либо пожеланіе, обѣщаясь вымолить у Бога его исполненіе. Misère, у котораго была прекрасная груша, доставлявшая ему половину всего его дохода, но въ то же время злой сосѣдъ, воровавшій плоды, проситъ у Бога только одного, чтобы каждый, кто влѣзетъ безъ его разрѣшенія на дерево, оставался тамъ неподвижно столько времени, сколько пожелаетъ онъ, Misère. Желаніе исполнено, пу-

*) Цитировано у Leymarie, Histoire des paysans en France. II. S. 632 и сл.

тешественники отправились своей дорогой. Скоро злой сосѣдь былъ пойманъ, но Misère — не даромъ же онъ „bon homme“ (буквально „добрый человекъ“) — освобождаетъ его. Наконецъ, Misère состарѣлся, и вотъ въ одинъ прекрасный день приходитъ смерть, чтобы взять его съ собою. Но Misère, несмотря на всѣ свои страданія, цѣпко держится за жизнь, онъ пускается на хитрости и проситъ смерть, прежде чѣмъ она возьметъ его, принести ему одну грушу; самъ онъ настолько уже слабъ, что не въ состояніи влѣзть на дерево. Смерть, на сей разъ благодушно настроенная, выполняетъ просьбу и попадаетъ въ ловушку. Для того, чтобы слѣзть съ дерева ей приходится заключить съ Misère'омъ договоръ и обѣщать ему не раньше явиться по его душѣ, какъ въ день второго пришествія. Такъ то и случилось, что Misère (т. е. нищета) будетъ жить на землѣ, пока міръ стоитъ *).

Платить, служить и терпѣть — въ этихъ словахъ вся исторія французскаго крестьянина, изъ котораго съ такимъ трогательнымъ единодушіемъ выжимали соки жадные, утонченные буржуа, хищные дворяне и королевскій фискъ. И Жакъ Бономъ платилъ, служилъ и терпѣлъ сверхъ всякой человѣческой мѣры. Бывали, правда, періоды, то болѣе длинные, то болѣе короткіе, когда даже мѣра терпѣнія Жака Бонома оказывалась переполненной; въ его мозгу, не въ формѣ яснаго убѣжденія, а въ формѣ смутнаго сознанія, шевелился тогда смѣлый вопросъ: да полно, по какому праву его принуждаютъ все это терпѣть? — и Жакъ Бономъ поднимался, убивалъ своихъ мучителей, сколько могъ захватывалъ ихъ въ свою власть, сжигалъ ихъ замки, дома и грабилъ, что попало подъ руку. Чувствуя себя въ эти короткія мгновенія свободнымъ человѣкомъ, онъ гордо расправлялъ свои богатырскія плечи и произносилъ дикія слова о равенствѣ всѣхъ, носящихъ человѣчeskій обликъ. Затѣмъ надъ его головой разражалась гроза въ видѣ шумныхъ полчищъ рыцарей и слугъ отъ имени короля, вѣрноподаннымъ котораго онъ всегда себя чувствовалъ и признавалъ, его вѣшали, колесовали, четвертовали, насиловали его жену и дѣтей, сжигали его домъ, уничтожали все его имущество. И Жакъ Бономъ, придавленный къ землѣ, опять платилъ, служилъ и терпѣлъ.

*) А. Feillet полагаетъ, что легенда эта возникла во времена Фронды. См. его „La misère au temps de la Fronde et Saint Vincent de Paul“. Paris 1867.

Исторія крестьянина не входитъ въ задачу настоящаго труда; однако, нѣкоторые этапы на его *via dolorosa* намъ все-таки придется отмѣтить для того, чтобы понять тотъ фанатизмъ ненависти, съ которымъ идеологъ французскаго крестьянства, священникъ Мелье (Meslier), обрушивался противъ королевства и дворянства, противъ духовенства и буржуазіи, однимъ словомъ, противъ всего, какъ онъ называлъ его, „паразитическаго класса собственности.“

Вернемся на мгновеніе къ 12-му вѣку и рассмотримъ положеніе крестьянина, какъ оно сложилось послѣ превращенія его изъ лишеннаго собственности и безправнаго крѣпостного въ ленно-обязаннаго наслѣдственнаго арендатора. Тяготѣвшія на немъ повинности мы можемъ раздѣлить на три группы: 1) *личныя*, вытекающія изъ сословной несвободы, 2) *вещныя*, имѣющія источникомъ пользованіе землей и признаніе права собственности на нее за помѣщикомъ, 3) *ленно-правовыя*, лежавшія на крестьянинѣ, какъ на владѣльцѣ лена, какъ на вассалѣ своего господина, обязаннаго, въ свою очередь, защищать подданныхъ и ихъ ленное имущество *).

Къ личнымъ повинностямъ принадлежала прежде всего подушная подать и, затѣмъ, барщина (*corvées*); продолжительность барщинныхъ работъ согласно обычному праву (*coutumes*) обыкновенно равнялась 12 днямъ въ годъ и, во всякомъ случаѣ, не превышала 3 дней въ мѣсяцъ **).

Земельная подать (*champart*), самая крупная изъ вещныхъ повинностей, взималась продуктами земледѣлія и скотомъ. Она состояла по большей части изъ половины урожая и доставлялась помѣщику прежде всего, раньше чѣмъ убрана остальная жатва ***). Сюда присоединялись еще спеціальныя феодальныя привилегіи

*) См. Sugenheim, *Geschichte der Aufhebung der Leibeigenschaft*. Petersb. 1861.

**) Подъ именемъ *corvées* въ старой Франціи разумѣлись не однѣ только барщинныя работы на помѣщика: подъ эту же категорію подводилась обязательная починка дорогъ (Ковалевскій. Происхожденіе соврем. демократіи I, 123), доставка предназначеннаго для флота лѣса на пристань (Токвилъ, Старый порядокъ и т. д. Москва 1896 г. стр. 320, 321) и вообще всякія отработки, каково бы ни было ихъ назначеніе. Собственно помѣщичья барщина отнимала обыкновенно 3, много 5 дней въ году; тѣмъ не менѣе, какъ доказываютъ многочисленныя жалобы *sahiers* (Ковалевскій. *ibid.* 122, 123), крестьяне чрезвычайно тяготились этой повинностью, что и не удивительно, если принять во вниманіе, что 3—5 дней барщины отнимались къ тѣмъ разамъ у самаго горячаго страднаго періода, когда дорогъ каждый часъ.

***). Французскіе крестьяне знали два вида земельныхъ повинностей. Во-первыхъ, такъ называемыя „вѣчныя ренты“ или „цензы“ („*rentes perpétuelles*“, „*cens*“) — это была наслѣдственная аренда съ точно установленнымъ въ деньгахъ или продуктахъ размѣромъ *годового платежа*. Во-вторыхъ *champart*, *terrage*, *agrier* и т. п., т. е. обязательство уплачивать сеньеру опредѣленную *долю урожая*. Послѣдній видъ земельного налога

(такъ называемыя banalités), опутывавшія крестьянина на каждомъ шагѣ. Такъ напримѣръ, крестьянинъ былъ обязанъ молотъ свое зерно на господской мельницѣ, печь свой хлѣбъ въ господской печи, мять свой виноградъ въ господскомъ чанѣ и — въ известное время года утолять свою жажду въ господскомъ шинкѣ, — все это, разумѣется, связывалось съ установленною обычаемъ платою въ пользу землевладѣльца *). Не менѣе многочисленны были и ленно-правовыя повинности и службы, которыми крестьянинъ расплачивался за то важное преимущество, что его имѣлъ право стричь только его прирожденный господинъ, не желавшій раздѣлять этого удовольствія съ другими членами благороднаго рыцарства. Въ качествѣ вассала крестьянинъ былъ обязанъ нести въ пользу своего господина пѣшую военную службу, являться на караулы въ замкѣ и на другіе наблюдательные посты, выполнять еще цѣлый рядъ военныхъ операций, требовавшихъ отъ крестьянина всего его corpus vile (подлага живота). Денежную помощь онъ долженъ былъ оказывать въ 4-хъ случаяхъ, въ которыхъ вообще каждый вассалъ обязанъ помогать своему сюзерену; это были: выкупъ изъ плѣна, паломничество во святую землю, посвященіе въ рыцари старшаго сына, замужество старшей дочери. А такъ какъ паломничество все болѣе и болѣе выходило изъ употребленія, сеньеръ взаменъ соотвѣтственной подати почтилъ крестьянъ новою обязанностью: поддерживать господина деньгами при выдѣленіи имущества каждому его ребенку, достигшему совершеннолѣтія **). Эта повинность и есть taille; размѣры ея оп-

ложился на крестьянъ особенно тяжело, такъ какъ, заинтересовывая помѣщика въ размѣрахъ крестьянскаго урожая, естественно связывался съ правомъ сеньера вмѣшиваться во все хозяйственныя операціи крестьянина, въ то время какъ сеньс приближалась по типу къ свободной арендѣ. См. Ковалевскій, *Ист. совр. дем.* I, 9. Карѣвъ, *Исторія Зап. Европы* III, 100. Ср. также Токвиль стр. 3-5.

*) Помѣщики ревниво охраняли banalités даже въ тѣхъ случаяхъ, когда не считали нужнымъ содержать господскія мельницы, хлѣбопекарни и т. д. Тутъ уже крестьянамъ приходилось платить за право печь хлѣба въ *своей* печи, молотъ хлѣбъ въ *своей* мельницѣ. Такъ въ общинѣ Бровикъ (Провансъ) крестьянинъ за право „вытапливать печь въ собственномъ жилищѣ“ (faire feu dans la maison) обложенъ былъ платежомъ въ 4 корзины ржи ежегодно (4 ravaux de blé). Въ общинѣ la Mo жители платятъ особый налогъ „florinage“ за право молотъ зерно въ своей мельницѣ, хотя господской мельницы вовсе не существуетъ. Въ Мериндалѣ за право имѣть свою мельницу жители уплачиваютъ ежегодно 18 ливровъ деньгами и столько же хлѣбомъ... (Ковалевскій, стр. 94—5).

**) Не только паломничество вышло изъ употребленія. Съ развитіемъ королевской власти „вышла изъ употребленія и военная защита феодалами ихъ подданныхъ, судебная и административныя функціи феодаловъ также мало-по-малу сосредоточились въ рукахъ централизованной королевской бюрократіи. Между тѣмъ ленныя повинности

редѣлялись à volonté, à plaisir, à merci, à miséricorde господъ помѣщиковъ (т. е. согласно ихъ желанію, усмотрѣнію, милости и т. п.). Если феодалъ со своею свитою предпринималъ путешествіе, то крестьянинъ долженъ былъ доставить ему ночлегъ, пищу и питьё; droit de prise давало господину право требовать себѣ съѣстные припасы и домашнюю утварь, назначая за это цѣны по собственному усмотрѣнію. Однимъ изъ величайшихъ несчастій для крестьянина было право разводиться кроликовъ и голубей (droit de chasse, de garenne, de colombier); со всѣмъ этимъ были связаны тяжелыя барщинныя работы. Сборы при куплѣ и продажѣ, такъ называемая „лучшая голова“, смягченіе привилегіи сеньера быть единственнымъ наслѣдникомъ имущества, оставленнаго крѣпостными, „рука“ которыхъ по феодальному праву „мертва“ (manus mortua), т. е. они лишены права распоряжаться своею собственностью *); разрѣшеніе женитьбы, смягченная форма juris primae noctis (права первой ночи), — насъ завело бы слишкомъ далеко перечисленіе всѣхъ этихъ позорныхъ и смѣшныхъ феодальныхъ повинностей; достаточно краткаго упоминанія наиболѣе важныхъ изъ нихъ, для того чтобы убѣдиться, что жребій французскаго крестьянина конца 12 вѣка не заключалъ въ себѣ ничего за-виднаго.

Вліяніе крестовыхъ походовъ, сопровождаемое расширеніемъ духовныхъ помѣстій, одновременный съ этимъ процессъ возникновенія городовъ, измѣненіе въ теченіе 13 вѣка феодальнаго характера французскаго государства благодаря непрестанному росту королевской собственности, черная смерть—все эти факторы способствовали постепенному смягченію участи ленно-обязанныхъ крестьянъ, превращенію крѣпостныхъ въ полусвободныхъ, рѣдко совершенно свободныхъ земледѣльцевъ. Освобожденіе состояло въ уничтоженіи наиболѣе характеристичныхъ и наиболѣе тяжелыхъ

крестьянъ, возникшія на почвѣ феодализма, не отмѣнялись по мѣрѣ того, какъ дворянство утрачивало свои феодальныя функціи, вырабатывая изъ себя классъ придворной аристократіи. Превратившись въ ничѣмъ не мотивированные поборы, повинности эти не только сохранялись, но еще дѣлались годъ отъ году тяжелѣе. Все глубже и глубже становилось, такимъ образомъ, противорѣчіе между политическимъ строемъ стараго режима и его социальными отношеніями. (Ср. Ковалевскій I стр. 58—76). Не удивительно, что именно устарѣвшія повинности возбуждали особенныя жалобы въ Cahiers третьяго сословія. Когда юридическія формы уже не соответствуютъ дѣйствительнымъ отношеніямъ общества, „объективное право перестаетъ совпадать съ субъективнымъ“; въ сознаніи народа оно выступаетъ не какъ право, а какъ голое насилие. (Карѣвъ, *Исторія Зап. Евр.* III, 140. 141).

*) Отсюда Mainmortables для обозначенія всѣхъ несвободныхъ.

оковъ крѣпостничества и въ отмѣнѣ феодальныхъ повинностей за опредѣленный денежный выкупъ, при чемъ прочія помѣщичьи права оставались неприкосновенными. Такимъ-то образомъ право первой ночи превратилось въ разрѣшеніе женитьбы, покупаемое за опредѣленную денежную сумму; *main-morte*, „лучшая голова“, *taille à merci* при помощи такъ называемой *abonnement* были преобразованы въ регулярные денежные платежи *), и, такимъ образомъ, въ этой области помѣщичій произволъ былъ нѣсколько ограниченъ. Право охоты, *droit de prise*, сторожевая служба потерпѣли значительныя ограниченія. Въ этомъ состояніи ленной зависимости и полусвободы огромное большинство французскаго крестьянства находилось еще въ началѣ 16 вѣка, и въ сущности положеніе его не измѣнилось вплоть до послѣднихъ десятилѣтій 18-го вѣка **).

Не только феодальныя тяготы лежали на французскомъ крестьянинѣ; въ существенныхъ чертахъ онъ несъ на себѣ также все бремя новѣйшей абсолютной монархіи. Королевская власть сумѣла, кромѣ доходовъ съ своихъ „доменовъ“ (коронныя земли), создать себѣ еще независимые отъ нихъ источники дохода: послѣдніе ложились на все государство. Это былъ прежде всего налогъ, явившійся въ одно и то же время налогомъ на движимость, на землю и подушную подать: королевская *taille*. Первоначально она собиралась не регулярно и имѣла назначеніемъ исключительно покрытіе военныхъ расходовъ, но Карлъ VII сдѣлалъ талью по-

*) По опредѣленію большинства мѣстныхъ *coutumes*, феодальная *taille* не должна была превышать двойной суммы платимыхъ помѣщику регулярныхъ поборовъ (*cens* и др. феодальныя платежи). Впослѣдствіи парламенты постарались распространить на всю Францію эту норму, установленную обычнымъ правомъ (Ковалевскій. Происхожд. сов. дем. I, 122).

**) Въ восемнадцатомъ вѣкѣ господствующимъ среди французскаго крестьянства было полусвободное состояніе. *Mainmortables*, крѣпостныхъ въ точномъ смыслѣ этого слова, насчитывалось тогда всего 1½ милліона, т. е. немногимъ болѣе 8% всего крестьянскаго населенія Франціи (любопытно, что эти послѣдніе обломки настоящаго средне-вѣковаго крѣпостничества уцѣлѣли преимущественно въ духовныхъ помѣстьяхъ (Карѣвъ. Ист. Зап. Евр. III, 98). Съ другой стороны, вполнѣ свободныхъ крестьянъ было еще меньше. Равда, распространенное мнѣніе, что въ дореволюціонной Франціи вовсе не было свободной крестьянской собственности, оказывается не вѣрнымъ. М. Ковалевскій (Присх. совр. дем. I, 28—40) приводитъ цѣлый рядъ данныхъ, несомнѣнно показывающихъ, что въ 18 вѣкѣ на ряду съ вѣчно наслѣдственной арендой существовала и мелкая крестьянская собственность. Размѣры послѣдней нѣтъ возможности установить, но, во всякомъ случаѣ, они были крайне ничтожны. „Всѣ только что приведенные факты“, говоритъ Ковалевскій, „оставляютъ то впечатлѣніе, что мелкая крестьянская собственность представляла во Франціи прошлаго столѣтія величину слишкомъ незначительную, чтобы поколебать справедливость того положенія, что монополизация земли въ рукахъ дворянства и высшей буржуазіи, была господствующей чертой отмѣннаго революціей социальнаго порядка.“ (Присхождение совр. дем. I, 40).

стояннымъ налогомъ и при томъ независимымъ ни отъ рѣшенія сословій королевства, ни отъ рѣшенія сословій провинціи. Взиманіе этого налога первое время находилось въ рукахъ помѣщиковъ; но въ 1355 году это право было завоевано собраніемъ генеральныхъ штатовъ, генеральные штаты опредѣляли размѣры налога, а собираніе его вручили оберинтендантамъ и такъ называемымъ, *élus* (буквально, „избранные“). Карлъ V въ большей части Франціи въ „*pays d'élection*“ оставилъ за собою право избирать этихъ сборщиковъ, въ то время какъ въ „*pays d'état*“ *) указанную привилегію удалось удержать въ своихъ рукахъ провинціальному собранію сословій.

Духовенство и дворянство были свободны отъ тальи, такъ что приблизительно половина государственныхъ налоговъ уже по самому характеру обложенія падала исключительно на третье сословіе, главнымъ образомъ, разумѣется, на крестьянъ **). Второй важнѣйшій для королевской казны налогъ былъ налогъ на соль (*gabelle*), съ которымъ съ цѣлью повысить по возможности размѣры поступленія связывалось принудительное потребленіе. Ни одинъ налогъ не возбуждалъ такой ненависти у народа, ни одинъ налогъ не приводилъ такъ часто къ вспышкамъ возмущенія, какъ *gabelle*. Въ сборщикахъ *gabelle* (такъ называемыхъ, *gabelleurs*) крестьянинъ видѣлъ своихъ злѣйшихъ враговъ и нерѣдко его ненависть къ этимъ кровопійцамъ разражалась въ ихъ безпощадномъ избіеніи. Франсуа Гримодъ по поводу избранія депутата въ генеральные штаты (октябрь, 1560 г.) далъ слѣдующую характеристику налога на соль. „Существуетъ одинъ, особенно ненавистный и непопулярный налогъ,—это налогъ на соль. Конечно, крестьянинъ терпѣливо сносилъ бы, что король извлекаетъ изъ этого

*) *Pays d'état* назывались тѣ провинціи, въ которыхъ сохранялись еще провинціальныя штаты, какъ пережитокъ былой самостоятельности и мѣстнаго сословнаго самоуправленія. Въ прошломъ вѣкѣ сюда относились только *Languedoc*, *Provence*, *Bourgogne*, *Bretagne*, *Artois*, *Hainaut* et *Cambrésis*, *Flandre*, нынѣшній департаментъ *Ain* и нѣсколько мелкихъ провинцій къ сѣверу отъ Пиренеевъ. Въ большей части Франціи (такъ называемой *pays d'élection*) мѣстное представительство исчезло очень рано (Карѣвъ. Ист. Зап. Евр. III, 48).

**) Вполнѣ свободнымъ отъ прямыхъ государственныхъ налоговъ было только дворянство; духовенство, освобожденное отъ тальи, было обязано взамѣнъ того платить въ королевскую казну напередъ выговоренную сумму такъ называемого *don gratuit* („добровольнаго дара“). Разумѣется, духовные перекладывали этотъ налогъ на крестьянъ, увеличивая поборы за исполненіе требъ. Кромѣ того, такъ какъ „добровольный даръ“ не числился къ тальи, участіе духовенства въ платежѣ прямыхъ налоговъ ни мало не уменьшало долю ихъ, приходящуюся на крестьянъ (Ковалевскій. Происхожд. сов. дем. I, 196).

налога нѣкоторый доходъ, если бы не было торговцевъ солью, соляныхъ откупщиковъ, контролеровъ, чиновниковъ и жандармовъ, врывающихся въ дома бѣдныхъ людей и отнимающихъ у нихъ ниспосланную Богомъ утварь и одежду. Они отбираютъ это все у крестьянъ и принуждаютъ послѣднихъ являться къ нимъ въ такія деревни, гдѣ нѣтъ адвокатовъ; наводя ужасъ на народъ своею яростью, они появляются всегда вооруженными, съ пистолетами и длинными палками, чинятъ крестьянамъ всяческія притѣсненія, арестуютъ ихъ, продаютъ съ аукціона ихъ быковъ, лошадей и телѣги. При такомъ образѣ дѣйствій они разоряютъ въ одно утро 40—50 семей, пуская ихъ по міру; въ одной только этой странѣ, Анжу, такимъ способомъ разорены болѣе 1000 человекъ. Бѣдный крестьянинъ подобенъ овцѣ, кротко подставляющей спину, когда ее стригутъ. Онъ бѣденъ, у него нѣтъ ни имущества, ни друзей, которые бы помогли ему противъ богатства и могущества откупщиковъ соляного налога“... *).

„16 столѣтіе — періодъ растушаго богатства и успѣховъ въ земледѣліи, 17-ое—періодъ застоя и начало упадка; въ концѣ 18 и началѣ 19 вѣка—замѣчается снова медленное возрожденіе, которое приводитъ, въ концѣ концовъ, къ состоянію, нѣсколько превышающему уровень, достигнутый въ первую половину 16-го столѣтія“... **). Это почти тотъ же самый ходъ развитія, какъ и въ Германіи. Роль нѣмецкой тридцатилѣтней войны въ Франціи сыграли религіозныя войны второй половины 16 вѣка, фронда и „славное“ правленіе Людовика XIV. Несмотря на быстрый ростъ налоговъ при Францискѣ I и Генрихѣ II, несмотря на то, что это увеличеніе налогового бремени явилось непосредственной причиной различныхъ мелкихъ возстаній и вызвало даже значительное переселеніе изъ Нормандіи и Пикардіи, странъ съ гражданской свободой, въ Франшконтэ, гдѣ еще сохраняла силу *Mainmorte*,—несмотря на все это, мы имѣемъ полное право утверждать, что положеніе крестьянъ въ первой половинѣ 16 вѣка не ухудшилось, а значительно улучшилось. Въ то же самое время параллельно съ ростомъ матерьяльнаго благосостоянія крестьянъ чрезвычайно обостряется старинное противорѣчіе между сельскимъ и городскимъ населеніемъ, начинается то массовое дезертированіе изъ деревни

*) См. E. Mourin, *La réforme et la ligue en Anjou*. Paris, 1856 г., стр. 12 и 13.

**) Lallier (*Revue archéologique de Sens*), цит. у Feillet: *La misère au temps de la fronde* стр. 56.

благородныхъ и богатыхъ людей, которое закончилось полнѣйшей изолированностью французскаго крестьянина. Вліяніе ренессанса на этотъ процессъ равнялось нулю, какъ ни значительно оно было по отношенію къ дворянству, церкви и буржуазіи. Дворяне и прелаты все болѣе входили во вкусъ городской жизни; жизненные привычки итальянской буржуазіи и итальянскаго дворянства были усвоены соотвѣтствующими классами Франціи вмѣстѣ съ импортированными изъ Италіи предметами роскоши. Короли изъ своихъ политическихъ видовъ покровительствовали этому движенію въ города и особенно въ столицу; они стремились оторвать помещиковъ отъ земли и привлечь ихъ ко двору, для того чтобы похоронить самостоятельность дворянства и заставить его спуститься до уровня придворной аристократіи *). Расточительная жизнь при королевскомъ дворѣ разрушала далѣе финансовую силу дворянства и оказывала благодаря этому пагубное вліяніе и на крестьянъ. Все большее и большее угнетеніе и эксплуатація крестьянъ, обнищаніе деревни, находятся съ этимъ въ тѣснѣйшей связи. Чѣмъ сильнѣе поднимающійся классъ буржуазіи привлекался въ покровительствуемую королями индустрію, чѣмъ быстрѣе, вмѣстѣ съ распространеніемъ привилегированнаго индустріальнаго труда, росло презрѣніе къ труду сельскохозяйственному, тѣмъ болѣе крестьянинъ съ его примитивными нравами и грубою жизнью отдалялся отъ склада городской жизни, становившейся все утонченнѣе. Это противорѣчіе, столь часто роковое для французской демократіи, образовалось въ разсматриваемую эпоху и уже во время религіозныхъ войнъ сыграло свою, правда, въ то время еще не особенно значительную роль.

Религіозныя войны оказали разрушительное вліяніе на крестьянина и вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, на дворянина, жившаго на счетъ послѣдняго; онѣ расшатали финансовое положеніе католической церкви, домены которой въ большомъ числѣ были отчуждены въ пользу короля для покрытія его военныхъ издержекъ и

*) Забота королей о привлеченіи дворянства ко двору была настолько интенсивна, что даже въ числѣ вопросовъ, разсылаемыхъ центральнымъ правительствомъ администраторамъ провинцій, интендантамъ, значится, между прочимъ, такой: „Предпочитаютъ ли дворяне вашей провинціи жить у себя дома, или въ городѣ?“ Токвиль приводитъ письмо интенданта Анжу (впослѣдствіи Вандея), въ которомъ этотъ послѣдній жалуется, что «мѣстные дворяне предпочитаютъ жить среди своихъ крестьянъ вмѣсто того, чтобы исполнять свои обязанности при королѣ». «Эти дворяне», замѣчаетъ Токвиль, «отказавшіеся служить королю, были единственными, которые впослѣдствіи съ оружіемъ въ рукахъ защищали монархію и умирали въ борьбѣ за нее». Токвиль. Стар. пор. и т. д. стр. 141.

въ еще большемъ количествѣ узурпированы благородными господами обѣихъ религій *); наконецъ, онѣ подорвали королевскую власть, державшуюся такъ же, какъ и дворянство, преимущественно налогами. Королевство, духовенство, дворянство—все трое были, такимъ образомъ, послѣ признанія Генриха IV, возстановившаго до извѣстной степени миръ, весьма серьезно заинтересованы въ повышеніи дохода съ земледѣлія. Министръ короля, Сюлли, и его вѣрный сотрудникъ, Оливье де Серръ, всѣми силами работали надъ развитіемъ агрикультуры и старались ускорить послѣднее, какъ прямымъ покровительствомъ хлѣбопашеству и скотоводству, такъ и расширеніемъ вывоза хлѣба, вина и водки, особенно въ Голландію. Кромѣ стремленія создать платежеспособное население ими руководило еще желаніе поддержать годное къ отбыванію воинской службы крестьянство. Тѣ же Сюлли и де Серръ покровительствовали ставшему экономически необходимымъ вытѣсненію формъ крестьянскаго землевладѣнія, сложившихся во времена крѣпостного права, и введенію новыхъ формъ, въ основѣ которыхъ лежалъ принципъ свободной конкуренціи. Паденіе цѣнъ благородныхъ металловъ, принявши колоссальные размѣры послѣ открытія серебряныхъ рудниковъ въ Потози, оказывало свое опустошительное вліяніе и на Францію, сближавшуюся съ Испаніей во время религіозныхъ войнъ; благодаря этому кризису старыя формы владѣнія землей стали непрактичными и невыгодными для сеньеровъ. Измѣненіе въ цѣнѣ металловъ такъ обезцѣнило неизмѣнныя долгосрочныя денежныя ренты, что собственники въ 17 столѣтіи получали только пятую долю того, что они имѣли въ 15-мъ. Этого недостатка были лишены натуральныя ренты; но они имѣли другой, который и дѣлалъ ихъ не подходящими для разорившагося жаднаго до денегъ помѣщика. Они являлись величайшимъ препятствіемъ для повышенія чистаго дохода путемъ интенсификаціи системы обработки земли. Консервативный крестьянинъ не имѣлъ особенно настоятельной потребности въ повышеніи урожайности своей земли, но для собственника, расходы котораго все росли, а доходы также быстро сокращались, въ этомъ заключался огромный интересъ. Крестьянинъ, покуда земля кормила его, былъ доволенъ размѣрами своего дохода. Въ самомъ дѣлѣ, что могъ бы онъ въ урожайные годы предпринять съ своимъ избыткомъ? Продать? Но вывозъ зерна былъ невоз-

*) Т. е. не только гугенотами, но и вѣрными сынами католической церкви.

моженъ вслѣдствіе дурныхъ проселочныхъ дорогъ и безчисленнаго количества внутреннихъ таможенъ; на мѣстномъ же рынкѣ его избытокъ — именно потому, что это избытокъ — можно было продать лишь за безцѣнокъ. Ссыпать хлѣбъ въ закрома? Но крестьянинъ никогда не былъ въ безопасности отъ жадности своего сеньера и сборщика податей; и тотъ и другой заставляли его жить изо дня въ день, не рискуя собирать запасы *). Кромѣ того интенсификаціи земледѣлія препятствовало то простое обстоятельство, что у крестьянина не было никакихъ средствъ для производства необходимыхъ улучшеній (особенно это справедливо по отношенію ко времени, непосредственно слѣдовавшему за религіозными войнами); вслѣдствіи разоренія крестьянства повторяется съ правильными интервалами: въ регентство Маріи Медичи, во время Фронды и во вторую половину царствованія Людовика XIV.

Еще одна форма крестьянскаго земледѣлія, а именно, такъ называемая *communauté agricole* (сельская семейная община) начинаетъ падать въ этотъ періодъ развитія личной свободы и, постепеннаго исчезновенія института „мертвой руки“. Еще въ 15-мъ и началѣ 16-го вѣка семейныя общины пользовались широкимъ распространеніемъ среди крестьянъ. Мы находимъ ихъ въ Нормандіи, Бретани, Анжу, Пуату, Ангумуа, Сантони, Турени, Маршѣ, Нивернѣ, Бурбоннѣ, Бургундѣ, Орманѣ, Шартренѣ, вообще во всѣхъ замляхъ *de coutume serve* **). Здѣсь не мѣсто писать

*) „Чтобы избѣгнуть этого насильственнаго и произвольнаго обложенія“ пишетъ Токвиль, „французскій крестьянинъ даже въ просвѣщенномъ XVIII вѣкѣ дѣйствуетъ, какъ средневѣковой еврей: онъ притворяется бѣднякомъ, когда случайно на самомъ дѣлѣ не бѣденъ; собственное благосостояніе справедливо возбуждаетъ въ немъ боязнь...“ Далѣе слѣдуетъ любопытная иллюстрація: „менское сельскохозяйственное общество въ своемъ докладѣ отъ 1761 г. заявляетъ, что оно предполагало раздавать скотъ въ видѣ награды и поощреній. Но, по словамъ общества, оно было „установлено мыслью о тѣхъ опасныхъ послѣдствіяхъ, которыя низкая зависть могла бы навлечь на заслужившихъ эти награды лицъ, причинивъ имъ съ помощью произвольной раскладки податей притѣсненія въ послѣдующіе годы.“ Токвиль. Стар. порядокъ и революція стр. 145, 146.

**) Въ юридическомъ отношеніи Франція дѣлилась на двѣ большія области: на югѣ господствовало писанное римское право, на сѣверѣ обычное (такъ наз., *coutumes*). *Coutumes* различныхъ провинцій отличались, въ свою очередь, величайшимъ разнообразіемъ, но въ общемъ можно установить два ихъ типа. *Coutumes «franches»* (свободныя) не признавали крѣпостного права во всей его полнотѣ; ихъ принципомъ было «*nul seigneur sans titre*», т. е. сеньеръ долженъ документально доказать свое право на землю, иначе послѣдняя объявляется *alleu* (аллодомъ, свободною собственностью сидящаго на ней крестьянина). *Coutumes «seignes»* допускали крѣпостничество (*серважъ*) и руководствовались старымъ феодальнымъ правиломъ: «*nulle terre sans seigneur*», т. е. всякій участокъ земли, лежащій въ данной сеньории, есть собственность сеньера, независимо отъ того, можетъ ли послѣдній представить какіе-либо удостоверяющіе его права документы, или нѣтъ. См. Картьевъ II. З. Е. III, стр. 46, 47 и 99.

обстоятельную исторію крестьянской семейной общины; мы можем посвятить ей лишь столько мѣста, сколько необходимо для того, чтобы понять то вліяніе, которое эта форма общежитія имѣла на коллективистическіе планы Мелье въ концѣ 17 вѣка и на идеи нѣкоторыхъ утопистовъ 18 столѣтія, каковы Фегэ и, въ особенности, Рестифъ-де-ла-Бретоннь. Поэтому мы ограничимся лишь самыми общими историками какъ въ изображеніи сущности этого учрежденія, такъ и въ описаніи его исторической судьбы послѣ 16 вѣка *).

Еще въ 15 и 16 вѣкѣ во многихъ деревняхъ можно было найти большія постройки, въ которыхъ жили по нѣскольку семей ради совмѣстной обработки земли. Нерѣдко нѣсколько такихъ поселеній, расположенныхъ другъ возлѣ друга, образовывали одинъ дворъ съ общими конюшнями, амбарами и другими хозяйственными постройками. Въ этихъ, включающихъ нѣсколько семей, зданіяхъ мы несомнѣнно имѣемъ передъ собою прототипъ Верассовскихъ „Осмазій“, въ предѣлахъ которыхъ—и это одно изъ многихъ различій между нимъ и Томасомъ Моромъ—протекали всѣ жизненные отправленія ихъ обитателей. Рестифъ распорядки своего общественного дворца непосредственно позаимствовалъ у этихъ крестьянскихъ семейныхъ общежитій, какъ онъ и самъ указываетъ во многихъ своихъ первыхъ трудахъ; онъ только развилъ и расширилъ то, что было заложено въ крестьянскихъ коммунахъ. Фаланстеры Фурье (а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ косвенно связанные съ ними, позднѣе выдуманные и описанные промышленные дворцы) имѣютъ свои корни не въ Осмазіяхъ Верасса, какъ думаетъ Моль, а скорѣе въ трудахъ Рестифа, пользовавшихся въ свое время необычайнымъ распространеніемъ и широкою популярностью. Итакъ, въ основѣ всѣхъ этихъ дворцовъ, надъ построеніемъ которыхъ такъ много поработали и поэтическая фантазія, и хладнокровный расудочный расчетъ, лежатъ лишь позднѣйшія формы развитія совмѣстнаго жилища крестьянской сельскохозяйственной ассоціаціи феодальнаго средневѣковья.

Внутреннее устройство этихъ семейныхъ общинъ въ краткихъ чертахъ слѣдующее. Поле обрабатывается совмѣстно, домохозяйство въ большинствѣ случаевъ также совмѣстное и только из-

*) О происхожденіи семейныхъ общинъ см.: Laveleye-Bücher, Das Ureigenthum. стр. 388. С. Jäger, Geschichte des Sozialismus in Frankreich. I стр. 392 и сл., гдѣ указывается литература предмета, и F. Engels, Der Ursprung der Familie, etc. 4 Aufl. стр. 44 и сл., стр. 143 и сл.

рѣдка ведется самостоятельно каждой отдѣльной семьей. Всѣ постройки, а также сельскохозяйственные орудія и другія средства производства принадлежатъ общинѣ, въ случаяхъ общаго домохозяйства нераздѣленной является и домашняя утварь. Во главѣ ассоціаціи стоитъ старшина, такъ называемый mayor, maître de communauté или chef du chateau. Онъ назначаетъ каждому работу, завѣдуетъ покупками и продажами и распределяетъ продукты совмѣстнаго труда. Рядомъ съ нимъ стоитъ его помощница „mayorissa“—ни въ коемъ случаѣ не жена mayor'a—наблюдающая за порядкомъ въ домохозяйствѣ. Если одна изъ дочерей общины выходила замужъ, ей снаряжалось приданое, достигавшее довольно значительной суммы, на примѣръ, въ communauté des Jaults, общинѣ, сохранившейся еще въ 19 столѣтіи, до 1350 фр. Каждая семья имѣла небольшое частное имущество (pécule), которое состояло, главнымъ образомъ, изъ бѣлья, одежды и денегъ, принесенныхъ женою въ приданое; для поддержанія и увеличенія этого имущества семья имѣла право заниматься частными работами. Это pécule и явилось тѣмъ средствомъ, при помощи котораго экономическое развитіе разрушило въ свое время семейную общину, несокрушимо противостоявшую всѣмъ превратностямъ средневѣковыхъ войнъ. Ассоціаціи, въ ихъ совершенно чистой формѣ, были вполне самодовлѣющими. Онѣ сами производили все то, что потребляли, и или ничего не продавали и не покупали, или лишь очень немногіе продукты. Такъ, Овернская ассоціація, которую въ 1788 г. посетилъ le grande d'Aussy, покупала въ то время только соль и желѣзо, производя самостоятельно всѣ остальные необходимые для потребленія предметы *). Когда въ послѣдствіи въ деревнѣ сталъ распространяться индустриальный трудъ, товарищеская система крестьянской семейной общины оказалась особенно приспособленной для воспріятія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ отраслей промышленности. Такъ, на примѣръ, въ Оверни, гдѣ communautés удержались всего долѣе даже послѣ революціи 1789 г., нѣкоторые члены артели занимались выдѣлкой ножей, въ то время какъ другіе обрабатывали землю. Денежный доходъ первой части поступалъ въ общую кассу, и вся ассоціація питалась продуктами труда второй части **).

*) Dareste de la Chavanne, Histoire des classes agricoles en France, Paris 1858 стр. 234 и сл.

**) Dareste de la Chavanne, Histoire etc. стр. 234.

Феодальная система благопріятствовала сохраненію и распро-
страненію земледѣльческихъ артелей. Этому требовали уже одни
техническія соображенія, которыя Токвиль *) резюмируетъ слѣ-
дующимъ образомъ: „эти (ассоціаціи) не только не рѣдки, но,
можно сказать, обычны и даже необходимы, поскольку сельское
домохозяйство имѣетъ дѣло не съ однимъ хлѣбопашествомъ, но
также и съ разведеніемъ скота и поскольку оно требуетъ значи-
тельного числа рабочихъ силъ.“ Однако, прежде всего ассоціа-
ціямъ благопріятствовало то обстоятельство, что землевладѣльцы
относились къ этому учрежденію съ симпатіей: въ ихъ интере-
сахъ было не только терпѣть артели, но и дѣятельно покрови-
тельствовать имъ. При круговой поруцѣ ассоціаціи правильное
поступленіе оброка и отбываніе барщины было лучше гаранти-
ровано, нежели при индивидуальномъ крестьянскомъ хозяйствѣ **).
Правда, это преимущество съ точки зрѣнія сеньера сталкивалось
съ ограниченіемъ его права распоряжаться своимъ помѣстьемъ.
Товарищество и при смѣнѣ лицъ сохраняло за собою *jus non
decrescendi*, право собственности на движимое и недвижимое иму-
щество. Сеньеръ не имѣлъ права наслѣдованія въ случаѣ смерти
одного изъ членовъ ассоціаціи и, такимъ образомъ, это учрежде-
ніе открывало крѣпостному семейству возможность обзавестись
собственностью и, скопивъ небольшое имущество, нѣсколько улуч-
шить свое положеніе ***).

Такъ какъ ассоціація путемъ смягченія института *mainmorte*
нѣсколько облегчала крѣпостное состояніе крестьянства, юристы
выступали ея сторонниками, и болѣе древніе кутюмы стараются
поддержать это учрежденіе цѣлымъ рядомъ строгихъ узаконеній.
Съ прекращеніемъ *mainmorte* исчезла и благопріятная ассоціа-
ціямъ тенденція законодательства; напротивъ, отнынѣ послѣднее
старается всѣми способами содѣйствовать ихъ скорѣйшему раз-
ложенію. Такъ, напримѣръ, новѣйшіе кутюмы не признаютъ дѣтей
членовъ ассоціаціи принадлежащими къ ней по самому своему
происхожденію: они объявляютъ дѣтей независимыми, какъ скоро

*) Darest de la Chavanne, Histoire etc. стр. 234.

**) Dunod, Traité de la mainmorte, ст. 90. цит. у Н. Doniol, Histoire des classes
rurales en France, Paris 1855 стр. 82. „Причина введенія семейныхъ общинъ при
господствѣ *main-mortables* та, что при этомъ земля сеньера лучше обрабатывается, и
подданные его лучше могутъ нести сеньеральныя повинности, если они всѣ живутъ
общиною, чѣмъ если они раздѣлены на столько же отдѣльныхъ домохозяевъ.“

***) Laveleye-Bücher, Das Eigenthum etc. стр. 390.

послѣдніе освободились отъ опеки отца путемъ достиженія со-
вершеннолѣтія, женитьбы или раздѣла. Рѣшительный шагъ про-
тивъ семейныхъ общинъ дѣлаетъ уже ордонансъ 1566 года, тре-
бующій отъ товариществъ на ряду съ прочими учрежденіями фор-
мального контракта, скрѣпленнаго нотаріусомъ и свидѣтелями *).
А такъ какъ *communautés* сплошь и рядомъ покоились на обыч-
номъ правѣ, на простомъ фактѣ общежитія и отсутствія раздѣла
имущества между членами, то весьма легко представить себѣ,
какія пагубныя послѣдствія долженъ былъ имѣть этотъ указъ,
предоставлявшій каждому недовольному члену возможность раз-
рушить общину.

И такъ, описанныя нами формы крестьянскаго землевладѣнія
все болѣе и болѣе исчезали, и на мѣсто ихъ становилась *fermage
à court terme* (краткосрочная аренда) и *métayage* **) (половинче-
ство), при чемъ послѣднее пріобрѣло особенно широкое распро-
страненіе. Непосредственная обработка земли собственникомъ ни-
когда не играла сколько-нибудь крупной роли; она не практи-
ковалась въ большихъ размѣрахъ ни на дворянскихъ, ни на ду-
ховныхъ земляхъ и благодаря ограниченіямъ барщины станови-
лась все менѣе выгодной въ земляхъ *de coutume serve*. Препят-
ствіемъ для широкаго распространенія вольной аренды являлся
прежде всего недостатокъ капитала у большинства крестьянъ; съ
другой стороны, наиболѣе состоятельныхъ изъ нихъ отпугивало

*) Les édicts et ordonnances des roys de France. etc. Lyon 1575. стр. 1273: „для
сего о всякихъ предметахъ, сумма коихъ или цѣна превышаетъ 100 ливровъ едино-
временной уплаты, должны быть составлены контракты вѣдь нотаріусомъ и свидѣ-
телями; каковыми контрактами только и можетъ быть установлено всякое доказа-
тельство касательно вышеозначенныхъ вещей; свидѣтельскія же показанія о томъ, что
въ контрактѣ не содержится, а равнымъ образомъ о вещахъ, кои якобы передъ сви-
дѣтелями въ то время или поздиѣ были сказаны или условлены, во вниманіе быть
приниматься не должны“. Ср. также Du Ceillier, Histoire des classes laborieuses en
France, Paris 1860 стр. 209.

**) *Métayage* являлось переходною формою между крѣпостническими отношеніями
и фермерск. и системой. Формально *métayé* (половинникъ) считался свободнымъ арен-
даторомъ; онъ былъ лично независимъ отъ сеньера и въ то же время утерялъ ту
„крѣпкую связь съ землею, которая существовала между сервомъ, прикрѣпленнымъ
къ извѣстному участку, и этимъ участкомъ, закрѣпленнымъ, въ свою очередь, за сер-
вомъ“. Однако, фактически крестьяне, переведенные въ разрядъ *métayés*, по преж-
нему сидѣли на своихъ дѣдовскихъ участкахъ, уплачивая обычную натуральную ренту.
Причина понятна: въ XVI, а особенно въ XV вѣкѣ за „метерию“ никто не далъ бы
болѣе обычной ренты, да еще въ денежной формѣ. Но, разумѣется, стоило только
подняться денежной рентѣ на землю (что и наблюдается въ XVII особенно въ XVIII
вѣкѣ), и сеньеру никакіе юридическіе пути не препятствовали болѣе немедленно ос-
вободить „свои“ земли отъ *métayés*, и сдать ихъ крупными участками капиталисту-
арендатору. Карѣвъ. II. 3. Е. III, 102. 103.

огромное число стѣснительныхъ постановленій обычнаго права. Такимъ-то образомъ, въ концѣ концовъ, и выдвинулась на первый планъ *métayage*, въ значительной степени удовлетворявшая потребности собственника въ амелиорацияхъ и въ повышеніи чистаго дохода и въ то же время оставлявшая крестьянину известную свободу дѣйствій. Сюлли и де Серръ покровительствовали распространенію *fermage* и *métayage*, благодаря которымъ формы крестьянскаго землевладѣнія, ведущія свое происхожденіе отъ временъ крѣпостничества и покоящіяся на наследственной передачѣ феодальныхъ обязательствъ, были замѣнены новыми, основанными на принципѣ свободнаго контракта. Вообще Сюлли энергически боролся съ многочисленными злоупотребленіями, укоренившимися во Франціи въ періодъ долгихъ религіозныхъ войнъ; его неустанной дѣятельности слѣдуетъ приписать, что король получилъ прозвище „добраго“ (*le bon Henri*) и что сложилось известное преданіе о „курицѣ въ горшкѣ каждаго крестьянина“ *). Назначенный въ 1698 году оберинтендантомъ финансовъ, Сюлли постарался прежде всего положить конецъ величайшему беспорядку, царившему въ этой области государственнаго хозяйства. Онъ скинулъ со счетовъ недоимку по сбору *taille*, достигшую двадцати милліоновъ ливровъ, объявилъ недѣйствительными безчисленные дворянскія свидѣтельства, купленные за послѣднія 30 лѣтъ буржуа ради освобожденія отъ налоговъ, и безъ дальнѣйшихъ разсужденій отмѣнилъ различныя новыя повинности, наложенныя за этотъ же періодъ времени дворянами на своихъ крестьянъ, повинности, установленныя безъ тѣни какого бы то ни было права путемъ простаго вооруженнаго насилія. Но еще большее вліяніе имѣла его реформа собиранія налоговъ, значительно сократившая безчисленныхъ тунеядцевъ—сборщиковъ, выжимавшихъ изъ бѣднаго, беззащитнаго крестьянства 150 милліоновъ, для того чтобы уплатить всего 30 милліоновъ въ кассу короля. Къ несчастію, этому великому государственному человѣку

*) Дѣйствительные мотивы народолюбія Генриха IV ярче всего выступаютъ въ слѣдующихъ словахъ, сказанныхъ имъ въ 1660 году по поводу разгромленія солдатами нѣсколькихъ крестьянскихъ дворовъ въ Шампани. «Quoi! воскликнулъ король, si l'on ruine mon peuple, qui me nourrira, qui soutiendra les charges de l'état, qui payera vos pensions, messieurs? Vive Dieu! S'en prendre à mon peuple, c'est s'en prendre à moi.» (Какъ! вѣдь, если разорять мой народъ, кто же будетъ меня кормить, кто станетъ нести бремя государственныхъ налоговъ, кто, наконецъ, заплатитъ ваши пенсіи, господа! Боже упаси! Коснуться моего народа это значитъ коснуться меня самого). Цит. у Гольцева, Государств. Хоз. во Франціи стр. 16.

приходилось бороться съ легкомысленной расточительностью коронованнаго господина, который путемъ богатыхъ подарковъ фавориткамъ спѣшилъ снова возложить на согбенныя плечи крестьянина тяжесть, только что снятую съ нихъ Сюлли.

Описанный прогрессъ агрикультуры и крестьянскаго благосостоянія былъ прерванъ внезапною смертью Генриха IV и послѣдовавшимъ затѣмъ регентствомъ Маріи Медичи. Феодальная аристократія, высокомеріе которой было нѣсколько подавлено въ теченіе послѣднихъ двѣнадцати лѣтъ, снова подняла голову въ полномъ сознаніи своей силы и поторопилась вознаградить себя за долгіе годы воздержанія всеобщимъ опустошеніемъ страны, т. е. крестьянъ. Вооруженными бандами скитались дворяне по Франціи, грабили и проматывали все, что только можно было ограбить и промотать, и затѣмъ, обремененные богатою добычей, возвращались съ награбленными сокровищами въ свои разбойничьи замки *). На собраніи генеральныхъ штатовъ въ 1614 г. (это было послѣднее ихъ собраніе передъ полуторавѣковымъ промежуткомъ, въ теченіе котораго французская монархія не считала болѣе нужнымъ ихъ созывать) Робертъ Миронъ слѣдующими сильными словами охарактеризовалъ ту ужасную нищету, въ которую было повергнуто французское крестьянство, отданное въ жертву всеобщему грабежу и насилію. „Нужно имѣть тройную броню и алмазную крѣпость вокругъ сердца, чтобы говорить объ этомъ (о положеніи народа въ деревнѣ) безъ слезъ и рыданій. Бѣдный народъ неустанно работаетъ, не щадя ни души, ни тѣла, для прокормленія всего королевства: онъ обрабатываетъ землю, улучшаетъ ее, собираетъ ея плоды и употребляетъ съ пользою то, что она приноситъ. Нѣтъ такого времени года, такого мѣсяца, недѣли, дня, даже часа, когда отъ крестьянина не требовался бы непрестанный, прилежный трудъ. Однимъ словомъ, народъ—слуга и нѣкоторымъ образомъ единственный источникъ той жизни, которую ниспослалъ намъ Богъ и которая была бы невозможна безъ благъ, производимыхъ землею. И отъ его труда ему самому остается только потъ и нищета; все остальное онъ употребляетъ

*) Миронъ на собраніи генеральныхъ штатовъ въ 1614 г. произнесъ слѣдующія слова (цитировано у Боннемера, *Histoire des paysans* II, стр. 14) «нѣсколько времени тому назадъ мы видѣли, какъ единственное у насъ общество вооруженныхъ людей отразило половину Франціи и какъ потомъ, когда все было расхищено, каждый возвратился въ свой домъ, обогащенный имуществомъ бѣдняковъ, даже не вынувши ни разу меча изъ ноженъ».

на платеж *tailles*, соляного налога, *aides* *) и др. повинностей. И хотя онъ уже ничего не имѣетъ, онъ все же вынужденъ заботиться о другихъ лицахъ, мучащихъ его комиссіями, реквизиціями (т. е. экстренными поборами) и прочими дурными и слишкомъ уже безропотно переносимыми выдумками. Надо еще удивляться, какъ онъ ухитряется удовлетворять всѣмъ этимъ требованіямъ.

„Этотъ бѣдный народъ, получившій въ удѣлъ только обработку земли, трудъ своихъ рукъ и потъ лица своего, подавленный *taille*, солянымъ налогомъ, несущій двойную тяжесть податей благодаря безжалостнымъ, варварскимъ реквизиціямъ безчисленныхъ партизановъ и тремъ неурожайнымъ годамъ, этотъ народъ заставляютъ жать траву подобно полевымъ животнымъ; одна его часть, менѣе терпѣливая, толпами отправилась за границу, проклиная неблагодарную отчизну, отказывающую крестьянину въ пищѣ, убѣгая отъ тѣхъ согражданъ, которые безъ состраданія способствуютъ угнетенію крестьянъ или, по крайней мѣрѣ, ни мало не стараются поддержать ихъ въ нуждѣ.

„Сиръ, вѣдь, это не наѣкомыя и не черви умоляютъ Васъ о справедливости и сожалѣніи: это бѣдный народъ, дѣти, которыхъ отцомъ, покровителемъ и защитникомъ являетесь Вы. Простерите Вашу благосклонную руку, чтобы освободить ихъ отъ рабства, тяжесть котораго пригибаетъ ихъ къ землѣ. Что сказали бы Вы, Сиръ, если бы въ вашихъ провинціяхъ *Guyenne* и *Auvergne* Вы увидѣли бы людей, принужденныхъ подобно полевымъ животнымъ питаться травою...“

„Если бы не было труда бѣднаго народа, что пользы было бы церкви отъ ея десятины, отъ ея богатыхъ владѣній? что пользы было бы дворянству отъ его прекрасныхъ помѣстievъ, отъ его большихъ леновъ? что пользы третьему сословію отъ его домовъ, аренды и наслѣдственныхъ имуществъ?.. Надо страшиться, какъ бы народъ изъ наковальни, которою онъ теперь является, не сдѣлался молотомъ“ **).

*) „*Aides*“, какъ показываетъ самое слово, назывались первоначально всякаго рода „пособія“, собиравшіеся въ томъ случаѣ, когда на общегосударственныя потребности не хватало доменныхъ доходовъ короля. Впослѣдствіи значеніе слова сузилось, и подъ „*aides*“ разумѣлись уже только налоги на напитки и съ продажи различныхъ товаровъ“. Гольцевъ. Государственное хозяйство во Франціи XVII вѣка стр. 66.

**) Рѣчь Мирона на собраніи генеральныхъ штатовъ. цит. по *Bonnemère Histoire etc.* II стр. 14 и сл., отчасти *Romke's Werke* IX стр. 144.

Всѣ притѣсненія, насилія и злоупотребленія, которыя позволяло себѣ дворянство по отношенію къ крестьянамъ, до мельчайшихъ подробностей разсказаны были въ *Doléances* (челобитныя), поданныхъ представителями третьяго сословія королю въ 1614 году. Извѣстно, какой отвѣтъ дали на эти жалобы, *Cahiers* *), опекуны несовершеннолѣтняго королевства—регентша и дворяне; зала за сѣданій была закрыта и депутатамъ запрещено собираться гдѣ бы то ни было. Такимъ образомъ, работа генеральныхъ штатовъ оказалась совершенно безрезультатной: Жакъ Бономъ платилъ, служилъ и терпѣлъ по прежнему.

Интересы Ришелье и вся дѣятельность его были слишкомъ поглощены борьбой съ гугенотами, дворянствомъ и домомъ Габсбурговъ для того, чтобы у него осталось еще время подумать о проведеніи въ жизнь тѣхъ ордоннансовъ, которые онъ издавалъ въ защиту крестьянства противъ озвѣрѣвшихъ солдатъ, хищныхъ губернаторовъ и т. п. Правда, его дворянская политика косвеннымъ образомъ облегчила положеніе крестьянъ, но зато его внѣшняя политика, его участіе въ тридцатилѣтней войнѣ, оказали самое роковое вліяніе на крестьянство. Съ одной стороны были вызваны опустошительные походы Іоанна Верта и другихъ королевскихъ полководцевъ въ такихъ частяхъ Франціи, которыя еще не были затронуты войной, съ другой стороны налоги вслѣдствіе непрестанной нужды въ деньгахъ для военныхъ цѣлей возросли съ такою чрезвычайной быстротой, что, напримѣръ *taille* увеличилась почти втрое по сравненію съ размѣрами ея при Генрихѣ IV **). Однимъ словомъ, въ наслѣдство своему преемнику, Мазарини, Ришелье оставилъ полнѣйшее финансовое истощеніе страны.

Новое регентство—и тотчасъ поднимаетъ голову дворянство, алчное и ненасытное, какъ всегда. Регентша, Анна Австрійская,

*) *Doléances* соединялись сначала въ одну тетрадь (*cahiers*) и потомъ уже передавались королю.

**) Въ сущности для Ришелье экономическое положеніе народа само по себѣ не имѣло ни малѣйшаго значенія. Всѣ классы населенія интересовали его лишь постольку, поскольку они могли способствовать или препятствовать созданію абсолютной централизованной бюрократіи,—дѣло, которому Ришелье посвятилъ всю свою жизнь. Съ этою цѣлью великій кардиналъ старался подорвать самостоятельную силу дворянства, запретилъ взимать налоги и захватывать общинныя земли безъ разрѣшенія короля, учредилъ интендантства юстиціи, полиціи и финансовъ, отнявъ у губернаторовъ всякую власть, кромѣ военной; то же стремленіе упредить новый государственно-бюрократическій механизмъ заставило его понизить цѣлый рядъ платежей, создать правильный бюджетъ, урегулировать сборъ налоговъ, но одновременно съ тѣмъ повысить косвенные налоги. Сравни. Зевортъ. Исторія новаго времени, стр. 325—331.

чтобы только задобрить этого звѣря, бросаетъ ему все, что можетъ хоть нѣсколько укротить его ненасытный голодъ: деньги, привилегіи, монополіи, самые невѣроятные налоги. „La Reine est si bonne!“ (королева такъ добра!) — вотъ тотъ кликъ ликованія, которымъ дворянство привѣтствуетъ это время; кончается счастливая для дворянства полоса и начинается фронда, періодъ, когда нищета французскаго крестьянина достигла крайней степени. — хуже жилось крестьянину развѣ только во время столѣтней войны противъ англійскаго вторженія (съ 1339 г. до половины 15 вѣка). Дворяне, „эти квалифицированные негодяи—gentilhommes называется ихъ Раблэ,—для которыхъ воровать и убивать такъ же естественно, какъ пить и ѣсть“ *), дѣлаютъ послѣднюю попытку оживить всѣ свои, давно уже забытые, феодальныя права (напримѣръ имѣть военные караулы изъ крестьянъ, „droit de guet et garde“), чтобы превратить ихъ въ постоянныя ренты. Путемъ открытаго насилія округляютъ они свои домены насчетъ крестьянской собственности. Губернаторы и интенданты стараются не отстать отъ нихъ и въ трогательномъ единодушіи со сборщиками податей грабятъ провинціи: они даютъ въ распоряженіе податныхъ чиновниковъ солдатъ для собиранія *taille*, солдатъ, которые, слѣдуя примѣру героевъ тридцатилѣтней войны, работаютъ не только въ пользу господъ финансоваго вѣдомства, но также воруютъ, грабятъ и опустошаютъ ради себя самихъ. Наступаетъ время, когда экспроприация крестьянства снова принимаетъ забытые было размѣры **). Крестьяне теряютъ свою земельную собственность, по клочкамъ накопленную во время царствованія Генриха IV и первыхъ лѣтъ Людовика XIII. Если они не въ состояніи выполнить свои обязательства по отношенію къ помѣщику и фиску, банда дворянъ и чиновниковъ, не получая больше денегъ, набрасывается на землю, принудительно отчуждаетъ ее въ свою пользу за безцѣнокъ, или—еще проще—просто овладѣваетъ ею силой. Нерѣдко, правда, доведенный до отчаянія Жакъ-Бономъ преподноситъ имъ не особенно пріятный сюрпризъ. Онъ лишаетъ наслѣдства дѣтей и жертвуетъ остатокъ своего имущества какому-нибудь монастырю, который зато принимаетъ обязательство содержать жертвователя до его смерти. Богатый ротюрье ****) бѣжитъ отъ тали

*) Bonnemère, Histoire des paysans, II стр. 45.

**) H. Doniol, Histoire des classes rurales en France, Paris 1865, стр. 389 и сл. Bonnemère, Histoire etc. II стр. 36; Feillet, La misère au temps de la Fronde etc., стр. 363 и 364.

****) „Roturier“—все, что не благородно, „податныя сословія“.

въ городъ и за его стѣнами находить защиту отъ своихъ мучителей и кровопійцъ. Но каждый крестьянскій надѣлъ, попавшій въ руки монастыря, дворянина или „облагороженныхъ“ ротюрье (а число послѣднихъ растетъ пропорціонально нуждѣ короля въ деньгахъ) и ставшій, такимъ образомъ, свободнымъ отъ налоговъ, увеличиваетъ тяжесть податей, лежащихъ на остальныхъ надѣлахъ и, слѣдовательно, ускоряетъ процессъ экспроприации. Таковъ наиболѣе важный результатъ этой эпохи французской исторіи *).

Прежде чѣмъ перейти къ исторіи французскаго крестьянина при Кольберѣ и Людовикѣ XIV, намъ представляется умѣстнымъ описать вкратцѣ рядъ наиболѣе важныхъ возстаній, которые отъ времени до времени производилъ Жакъ-Бономъ, когда страданія его превышали всякую мѣру.

Jacques, Rustauds, Gautiers, Croquants, Va-nu-pieds — такими презрительными кличками называла аристократія французскаго крестьянина, когда этотъ терпѣливѣйшій изъ всѣхъ крестьянъ все же, наконецъ, брался за оружіе, будучи не въ силахъ выносить долѣе роль выючнаго животнаго. Ходъ этихъ крестьянскихъ бунтовъ былъ всегда одинъ и тотъ же. Застигнутыхъ врасплохъ дворянъ и сборщиковъ податей убиваютъ или вѣшаютъ; замки и конторы сборщиковъ сжигаютъ. Затѣмъ, по прошествіи извѣстнаго времени, король, кардиналъ, вообще лицо, стоящее въ данный моментъ у кормила правленія, посылаетъ значительныя военныя силы, къ которымъ добровольно присоединяются дворяне, горя жаждою мести и добычи. Гдѣ-нибудь происходитъ стычка; плохо вооруженныя кучки крестьянъ разсѣиваются послѣ, болѣе или менѣе, кровавой борьбы и вотъ начинается экзекуція: повстанцевъ вѣшаютъ и колесуютъ, сжигаютъ ихъ дома, опустошаютъ поля. Усмиреніе совершено, и снова царствуетъ спокойствіе лѣтъ на пятьдесятъ.

*) Наилучшія свидѣтельства объ этомъ ограбленіи крестьянъ находимъ въ „Monitoire“ и „Arrêt des Grand-Jours“, см. Doniol, Histoire etc., стр. 394. Вынужденное признаніе рентъ, пошлинъ, барщинъ и др. несправедливыхъ повинностей; злоупотребленія въ оцѣнкѣ хлѣба при переводѣ натуральныхъ платежей въ денежныя или произвольное пониженіе цѣнъ; заключеніе крестьянъ въ тюрьмы рыцарскихъ замковъ безъ судебного приговора; взысканіе незаконныхъ пошлинъ съ товаровъ; нечисленіе рентъ и пошлинъ въ годы низкихъ цѣнъ для того, чтобы собирать ихъ потомъ, когда цѣны стоятъ высоко; принудительный помолъ на мельницѣ господина (хотя соотвѣтственныя феодальныя права уже отмѣнены) и конфискація зерна или штрафъ для тѣхъ крестьянъ, которые этого не исполняютъ; принудительная закупка испорченнаго зерна у сенъера и т. д., таковы преступленія, за которыя должны были отмѣтить „великіе дни“ (Grand-Jours).

Послѣ ужаснаго крестьянскаго возстанія, Жакеріи 1358 года, и вплоть до 16 столѣтія нигдѣ не было сколько-нибудь значительныхъ безпорядковъ. Только съ наступленіемъ въ Германіи великой крестьянской войны, перекинувшейся также и въ предѣлы Лотарингіи, начинается новый рядъ крестьянскихъ бунтовъ, вызванныхъ по большей части невыносимою тяжестью налоговъ. Такъ, напримѣръ, въ 1548 году въ провинціи Гіеннѣ серьезное возстаніе было вызвано солянымъ налогомъ, этимъ ненавистнѣйшимъ изъ всѣхъ налоговъ, который исполненная ненависти фантазія крестьянъ могла олицетворить лишь въ видѣ дракона. Число бунтовщиковъ достигло круглымъ числомъ 50,000; отряды крестьянъ бродили по всей провинціи; многіе города, въ томъ числѣ Бордо, были взяты или добровольно присоединились къ возстанію.

Коннетабль Монморанси, которому было поручено подавить движеніе, показалъ себя во всемъ своемъ величіи. Бордо былъ отнятъ у повстанцевъ и разграбленъ, сотни крестьянъ повѣшены, однимъ словомъ, примѣнены обычные въ высшей степени простыя мѣры радикальнаго лѣченія: бунтовщиковъ подавили и потопили ихъ жалобы на невыносимые налоги въ ихъ собственной крови. Сорокъ лѣтъ спустя, къ концу религіозныхъ войнъ, когда борьба обѣихъ партій превратилась въ общій опустошительный походъ ихъ съ цѣлью грабежа и наживы, крестьянскія возстанія слѣдуютъ одно за другимъ. Въ 1586 году поднимаются „Gautiers“ въ нижней Нормандіи, руководимые „естественнымъ мотивомъ защитить свое имущество, своихъ женъ и дѣтей противъ насилія негодяевъ — солдатъ“. Лига сумѣла склонить на свою сторону это движеніе, направленное противъ аристократіи. Благодаря предательству самый сильный отрядъ готье попался въ засаду, устроенную герцогомъ Монпансье, и былъ уничтоженъ. Не лучше была судьба возставшихъ крестьянъ въ Бретани, которые также объединились для защиты своей страны. Они безъ разбора предавали избіенію всѣхъ дворянъ, попадавшихъ въ ихъ руки, роялистовъ и членовъ лиги, кальвинистовъ и католиковъ. „Это неистовство“, говоритъ историкъ этого возстанія, Морисъ, „отличало всѣхъ крестьянъ нижней Бретани и планъ ихъ былъ не столько вести войну съ еретиками, сколько вырвать съ корнемъ дворянство. Это они твердо рѣшили; если бы имъ удалось побѣдоносно возвратиться изъ-подъ Карчэ, они набросились бы на дома всѣхъ благородныхъ и перебили бы всѣхъ дворянъ, попавшихся имъ на пути. Только это и нужно, говорили они, для того, чтобы возстановить во

всемъ мірѣ то равенство, которое должно бы было царить среди людей“ *).

Болѣе обширно по размѣрамъ и болѣе продолжительно было возстаніе „Croquants“, поднявшее противъ короля и дворянства въ трехлѣтіе 1593—1595 г. провинціи: Пуату, Сантонжъ, Лимузенъ, Маршъ, Перигоръ и Керси. Повстанцы обратились съ прокламаціей ко всѣмъ „благомыслящимъ“, приглашая послѣднихъ „вмѣстѣ съ ними выступить противъ пагубныхъ плановъ враговъ ихъ и короля, именно противъ изобрѣтателей субсидій, воровъ и сборщиковъ податей, всюду запускающихъ свои когти, а также противъ ихъ помощниковъ и приспѣшниковъ“. — Слова „aux croquants“, по которымъ и сами крестьяне получили названіе „croquants“, звучали вездѣ сигналомъ къ нападенію и избіенію сборщиковъ налоговъ, дворянъ и солдатъ, этого сомкнувшагося противъ народа тріумвирата. Борьба затянулась надолго. Значеніе ея очень ясно выражено въ слѣдующихъ фразахъ прокламаціи, изданной дворянствомъ: „крестьяне, когда они пытаются освободиться отъ подчиненія, предписаннаго имъ самимъ Богомъ, нарушаютъ этимъ всѣ божескіе и человѣческіе законы. Они намѣреваются ниспровергнуть религію, отказываясь платить десятину, установленную съ начала міра въ пользу служителей Господа, они намѣреваются ниспровергнуть монархію и учредить демократію на подобіе швейцарской...“

Это стремленіе къ самостоятельности отдѣльныхъ провинцій играетъ роль и въ другихъ возстаніяхъ. Мы увидимъ въ послѣдствіи, что крестьяне соединяются съ внѣшними врагами короля, Испаніей и Голландіей, и что воспоминаніе о быломъ соединеніи Бретани и др. провинцій съверо-запада съ Англіей пробуждаетъ въ тамошнихъ крестьянахъ мысль отдаться подъ покровительство этой страны. Королевскимъ войскамъ удалось подавить возстаніе croquants въ Лимузенѣ и Сантонжѣ; въ Перигорѣ крестьянское войско численностью въ 40,000 человѣкъ оказало настолько стойкое сопротивленіе, что правительство сочло за лучшее вступить съ крестьянами въ договоръ и простить имъ недоимку по сбору taille, которая, впрочемъ, и безъ того была безнадежна. Сорокъ лѣтъ царствуетъ въ этихъ провинціяхъ спокойствіе, но въ 1636—1637 гг. снова накапливается достаточно горячаго матеріала, и тлѣющій подъ пепломъ огонь вспыхиваетъ яркимъ пламенемъ. На

*) Bonnemère, Histoire etc. I, стр. 519.

этотъ разъ возмущившіеся крестьяне провинцій Сантонжъ, Гіеннь, Ангумуа и Пуату въ теченіе нѣкотораго времени пользовались поддержкой Испаніи. Когда возстаніе распространилось на города. Ришелье выслалъ противъ него своихъ солдатъ подѣ начальствомъ герцога де Лавалеттъ; послѣдній напалъ на крестьянъ, покинутыхъ въ критическій моментъ Испаніей, и послѣ отчаяннаго сопротивленія разбилъ ихъ на голову. „Зачинщики были повѣшены, и это гнусное отродье уничтожено въ корнѣ“ *). Это было въ 1636 г.; уже черезъ годъ сословія Нормандіи передали королю памятную записку, въ которой рисовалось ужасное положеніе провинцій: страна опустошена солдатами и агентами фиска, темницы переполнены жертвами соляного налога, деревни покинуты, дворяне бѣжали въ лѣса, образовавъ шайки разбойниковъ. Парламентъ и муниципалитетъ города Руана стали на сторону крестьянъ противъ сборщиковъ налоговъ; такимъ образомъ, снова со всѣхъ сторонъ поднялись доведенные до отчаянія крестьяне и при поддержкѣ городской буржуазіи и городскихъ властей призывали въ своихъ плакатахъ „къ защитѣ и освобожденію отечества, подавленнаго дворянскими междуусобіями и сборщиками податей“. Они дали своему вождю имя Jean-va-nu-pieds (Жакъ босой), организовали свои боевыя силы и намѣревались предпринять завоеваніе провинціальныхъ городовъ. Ришелье рѣшился на энергическое усмиреніе страны. Онъ началъ съ распушенія руанскаго парламента, осмѣливагося стать къ нему въ оппозицію, затѣмъ смѣстилъ генераль-лейтенанта провинціи, обнаружившаго симпатію къ дѣлу крестьянъ, отставилъ мэра и весь руанскій городской совѣтъ и, наконецъ, послалъ въ провинцію 4,000 солдатъ изъ чужестранцевъ, менѣе доступныхъ голосу состраданія **). „Цвѣтъ дворянства“ въ огромномъ количествѣ присоединился къ этому походу, имѣвшему цѣлью убійство, грабежъ и опустошеніе. Конечъ былъ обыченъ для подобнаго рода возстаній. „Плѣнники повѣшены и толпа каналій разсѣяна,“ рассказываетъ въ своихъ мемуарахъ Монгла ***).

Приступая теперь къ вѣку Людовика XIV, мы быстро пробѣжимъ исторію французскаго крестьянина во время управленія Кольбера, для того, чтобы потомъ подробнѣе описать тотъ ужас-

*) Bonnemère, Histoire II S. 30.

**) Дабы они были менѣе доступны состраданію. Sismondi, Histoire des Français, XXII, стр. 396.

***). Leymarie, Histoire des paysans en France II, стр. 632 и сл.

ный упадокъ, въ который пришло крестьянство въ послѣднія тридцать лѣтъ царствованія „Короля солнца“. Басня о враждебности или равнодушіи Кольбера по отношенію къ земледѣлію, такъ блестяще опровергнутая еще Мартиномъ и Клементомъ, не совсѣмъ оставлена и въ наши дни *); между тѣмъ, достаточно одного взгляда хотя бы на корреспонденцію его съ интендантами, чтобы убѣдиться въ противномъ. Въ дѣйствительности, первая 10 лѣтъ управленія Кольбера приходится назвать временемъ быстрого, почти безпримѣрнаго подъема земледѣлія и вообще сельской промышленности, что въ значительной степени должно быть приписано непомѣрной дѣятельности министра. Послѣдняя началась съ широкихъ мѣропріятій противъ освобожденія отъ налоговъ за деньги. Регламентомъ о талли отъ 1663 г. и эдиктомъ отъ сентября 1664 г. всѣ дворянскія грамоты, выданныя съ 1634 г., были объявлены недействительными, и такимъ образомъ страна очищена отъ этихъ „постоянно развѣдающихъ ее паразитовъ“, какъ называлъ Кольберъ буржуа, ищущихъ дворянскаго титула и связанной съ нимъ свободы отъ налоговъ **). Насколько возможно, Кольберъ старался смягчить притѣсненія, практиковавшіяся при собираніи талли, не пытаясь, однако, преобразовать въ самой основѣ способъ взиманія этого налога. Большее значеніе имѣло освобожденіе крестьянскихъ общинъ отъ тяготѣвшихъ на нихъ долговъ, возвращеніе имъ общинныхъ полей и выгоновъ, незаконно отнятыхъ дворянами, и покровительство скотоводству путемъ запрещенія конфисковать и продавать крестьянскій скотъ за недоимки. Съ неослабной энергіей боролся Кольберъ противъ расхищенія общественныхъ фондовъ и другихъ злоупотребленій помѣщиковъ. Вообще, цѣлый рядъ его указовъ, памятныхъ записокъ и мѣропріятій показываютъ, насколько сознательный былъ это противникъ феодализма, особенно же феодальной власти въ деревнѣ. Такъ, онъ аннулировалъ земельныя пожертвованія въ пользу монастырей, въ рукахъ которыхъ скопилось все больше и больше помѣстій;

*) Филиппсонъ въ своемъ „Времени Людовика XIV“ снова повторяетъ эту басню.

**) Это, впрочемъ, не препятствовало въ послѣдствіи по мѣрѣ возрастанія финансовой нужды снова продавать періодически дворянскія грамоты и потомъ объявлять ихъ недействительными. Этотъ старый финансовый фокусъ французскихъ королей особенно часто примѣнялъ именно „гордый король-солнце“ наряду съ переплавкой монеты, вторичнымъ взысканіемъ одного и того же налога и т. п. Вообще врядъ ли былъ хоть одинъ параграфъ законодательства, который бы свѣтлѣйшій король не нарушалъ самымъ безпечнымъ образомъ; впрочемъ, параграфы, какъ извѣстно, всегда существуютъ только для простыхъ смертныхъ.

разработалъ проектъ новаго уложенія, совершенно уничтожавшаго феодальную зависимость, какъ личную, такъ и вещную, и устанавливавшего принудительный выкупъ помѣщичьихъ рентъ; создалъ новое ипотечное право, основнымъ принципомъ котораго было: освободить землю отъ феодальныхъ оковъ и сообщить ей товарный характеръ. Съ такою же очевидностью проявилась его заботливость о крестьянскомъ хозяйствѣ въ строгой регламентаціи охоты и въ эдиктахъ, касающихся „colombiers“ (права водить голубей). Дѣло въ томъ, что богатые roturiers Прованса присвоили себѣ, наравнѣ съ благородными, право заниматься разведеніемъ голубей; безчисленныя стаи этихъ птицъ превратились въ ужасный бичъ страны, поражавшій, конечно, прежде всего опять-таки крестьянина. Кольберъ самымъ энергичнымъ образомъ выступилъ противъ этого и, какъ видно изъ его длинной переписки съ интендантомъ провинціи, вовсе не потому, что ротюрье присвоили себѣ привилегіи дворянства, а исключительно потому, что отъ прихоти крупныхъ господъ страдало общественное благо, особенно крестьянство. Эта многосторонняя дѣятельность увѣнчалась рѣшительнымъ успѣхомъ. Несмотря на нѣсколько неурожайныхъ годовъ, благосостояніе крестьянъ быстро возростало. Къ концу шестидесятыхъ годовъ количество скота настолько увеличилось, что значительный ввозъ его изъ-за границы, бывший обычнымъ въ прежнее время, прекратился и на мѣсто его сталъ небольшой вывозъ. Наконецъ, самое лучшее доказательство: крестьяне начали мало-помалу снова покупать часть тѣхъ земель, которыя были ими потеряны во время Фронды *). Таково было положеніе крестьянскаго сословія къ концу перваго десятилѣтія управленія Кольбера, т.-е. къ концу періода, въ теченіе котораго этотъ государственный человѣкъ являлся неограниченнымъ господиномъ Франціи. Въ существенныхъ чертахъ его дѣятельность на пользу крестьянства опредѣлялась двумя основаніями. Во-первыхъ, въ интересахъ финансовой политики необходимо было сдѣлать платежеспособнымъ крестьянина, этотъ главный объектъ обложенія въ королевствѣ, надо было сохранить курицу, несущую золотыя яйца, — цѣлый рядъ указовъ Кольбера былъ направленъ къ этой цѣли. Но въ то же время Кольберъ былъ покровителемъ развивающейся новѣйшей индустріи, представителемъ новаго класса

*) Объ управленіи Кольбера см. Мартинъ, *Histoire de France*, XIII, 79. Doniol, *Histoire etc.* стр. 39 и сл. и особенно труды Clément.

предпринимателей, крупныхъ торговцевъ и т. п., находившихся въ рѣзкомъ противорѣчій съ старой аристократіей. Въ борьбѣ, которую онъ въ интересахъ новаго класса велъ противъ дворянства и всей феодальной системы, мужикъ, освобожденный отъ тягостей крѣпостничества, этотъ старый врагъ сеньора, рассматривался имъ, какъ самый сильный и прочный опорный пунктъ. Но въ началѣ семидесятыхъ годовъ возникаетъ борьба за единовластіе между Кольберомъ и Лувуа, изъ которой послѣдній вышелъ побѣдителемъ. Умѣло пользуясь цезаризмомъ Людовика XIV, Лувуа сумѣлъ привлечь его на путь завоевательной политики и такимъ образомъ разрушилъ зданіе, съ такимъ трудомъ воздвигнутое Кольберомъ, заложивъ въ то же время основы своего собственнаго всемогущества. Процессъ окончательнаго разложенія Франціи, съ которымъ Кольберъ неустанно боролся до самой своей смерти, начинаетъ быстро развиваться при его неспособныхъ преемникахъ. Уже въ 1673 году Кольберъ былъ вынужденъ повысить талю, соляной налогъ, таможенные пошлины, однимъ словомъ, увеличить всѣ виды фискальнаго гнета и въ слѣдующемъ году повторить то же самое. Талья, надъ пониженіемъ которой онъ такъ долго работалъ, возросла за эти два года съ 33 до 41 милліона *); кромѣ того, финансовая нужда заставила снова ввести созданный еще Мазарини и потомъ уничтоженный штемпельный налогъ. Что же удивительнаго, что этотъ необычайно быстрый ростъ налоговъ уже въ 1675 году привелъ къ ужасному возстанію въ Бретани, при чемъ не только крестьяне, но и буржуа различныхъ городовъ поднялись противъ правительства. Шагъ за шагомъ вводились здѣсь штемпельные налоги, хотя сословія провинціи годъ назадъ выкупили ихъ за двойную сумму „don gratuit“ („добровольнаго дара“); повышены налоги на табакъ и соль, и восстановлены феодальныя „lods et ventes“ (налоги при продажѣ имущества). вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ повинности, тяготѣвшія на крестьяннѣ согласно обычному праву, взимались съ него безъ малѣйшаго послабленія всѣми возможными способами. Старымъ,

*) Талья съ 42.028.096 ливровъ въ 1661 году упала до 33.815.797 ливровъ въ 1671 г. и даже во время войны съ Голландіей никогда не поднималась выше 40 милліоновъ. Еще въ 1683 г. Кольберъ писалъ въ своихъ мемуарахъ о финансахъ (напечатано у Forbonnais, I, стр. 564): „Если бы его величество рѣшилъ сократить расходы и пожелалъ бы прийти на помощь народу, то на мой взглядъ слѣдовало бы уменьшить талю, свѣдя ее въ теченіе трехъ лѣтъ до 25 милліоновъ...“. Цитировано у Bonnemère, *Histoire etc.*, II, стр. 104.

но вѣчно повторяющимся, страданіямъ соотвѣтствовалъ старый боевой кличъ возставшихъ крестьянъ. Страхнуть съ себя ярмо дворянства и налоговъ и добиться свободы отъ повинностей было естественною цѣлью движенія.

Въ одномъ „Code paysant“ (кодексъ крестьянъ) требовалось освобожденіе труда и консолидированіе арендныхъ платъ. Пуату, Борделэ, даже Дофинэ присоединились къ возстанію. Какъ сто лѣтъ тому назадъ, такъ и теперь, центромъ движенія явился Бордо, откуда велись переговоры съ голландцами объ оказаніи помощи. Людовикъ XIV, всецѣло поглощенный внѣшними войнами, былъ вынужденъ вступить въ переговоры съ инсургентами и даже обѣщать имъ амнистію, которая, однако, не имѣла никакого результата, такъ какъ ей съ полнымъ основаніемъ не довѣряли. Однако возстанію не хватало какъ внутренней силы, такъ и ясно намѣченной цѣли; самостоятельность провинцій нельзя назвать его задачей, хотя объ этомъ и велись переговоры съ иностранными державами. Такимъ образомъ, король путемъ выжиданія, къ которому онъ былъ вынужденъ, могъ только выиграть. Какъ только внѣшняя война дала ему возможность свободно распоряжаться значительными военными силами, онъ послалъ солдаты въ возставшія провинціи и очень быстро уничтожилъ отряды повстанцевъ. За побѣдою солдатъ послѣдовали обычные сцены.

Со смертью Кольбера начинается періодъ, который Вольтеръ коротко и ярко охарактеризовалъ слѣдующимъ образомъ: „Люди умирали съ голоду подъ звуки Те Деум! (Тебя, Бога, хвалимъ!)“. „Люди“—это огромная масса „peuple menu“ (простого народа), прежде всего крестьяне. За послѣднія 25 лѣтъ славнаго царствованія Людовика XIV они достигли на своей *via dolorosa* самаго ужаснаго пункта, агоніи крестныхъ страданій. Послѣ Нимвегенскаго мира Кольберъ тщетно боролся въ теченіе четырехъ лѣтъ противъ неудержимаго паденія доходовъ и столь же неудержимаго роста расходовъ; всякое напоминаніе о желательной бережливости встрѣчало со стороны короля одинъ отвѣтъ: „все мои расходы необходимы!“. Преемники Кольбера мало-по-малу совершенно оставили преслѣдуемую имъ политику. Созданіе и продажа новыхъ должностей и дворянскихъ грамотъ, фальсификація монеты и т. п. пагубныя финансовыя операціи одна за другою пускались въ ходъ безпомощными министрами финансовъ, хватавшимися за все это, какъ за единственное средство спасенія. Уже въ 1685 г.

когда талья была повышена на $\frac{1}{11}$ и создано множество новыхъ должностей, связанныхъ съ освобожденіемъ отъ налоговъ, сельское населеніе возвратилось въ то состояніе массоваго нищенства, въ которомъ оно обрѣталось во времена Фронды. Тяжелыя потери, причиненныя благосостоянію страны безумной религіозной политикой и выселеніемъ гугенотовъ (представителей ремесленного труда во Франціи), всей своею тяжестью отозвались на положеніи земледѣлія. Но этого мало. По мѣрѣ того, какъ король становился старѣе, аристократія все болѣе и болѣе завоевывала ту власть, которой она отчасти лишилась въ первую половину царствованія, и, разумѣется, дворяне позаботились о восстановленіи ихъ старой, освященной опытомъ, крестьянской политики, покоившейся на томъ положеніи, что мужика надо согнуть въ бараній рогъ (*écraser*), чтобы сдѣлать его покорнымъ и кроткимъ. По глубочайшему убѣжденію Людовика XIV, работающимъ классамъ, особенно же сельскимъ, самимъ Богомъ предназначено служить въ качествѣ крѣпостныхъ дворянству и духовенству. Абсолютная монархія, опиравшаяся въ борьбѣ съ феодализмомъ на поднимающіеся классы буржуазіи,—монархія, которая своимъ блестящимъ расцвѣтомъ при Людовикѣ XIV была обязана именно этой политикѣ, стойко проводившейся Кольберомъ, забыла свое прошлое: вмѣсто того, чтобы продолжать борьбу съ существующими привилегіями, она расточительною рукою создаетъ цѣлый рядъ новыхъ, усиливаетъ могущество обоихъ классовъ, безудержная эксплуатація которыхъ была въ послѣдствіи въ значительной степени причиной ея гибели, и сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ, въ интересахъ извлеченія средствъ, всю колоссальную махинацію новѣйшаго централизованнаго государства. Это небольшое число людей, богатство которыхъ непрерывно растетъ на счетъ всей страны, довершаетъ крушеніе земледѣлія, безсмысленно расточая суммы, взятыхъ съ крестьянъ, и ни мало не думая о томъ, чтобы хотя часть ихъ употребить на меліорациі *). Гнетъ эксплуатаціи и нищета развивались параллельно. Люди стараются казаться бѣдными для того, чтобы не стать жертвою откупщиковъ податей, а для того, чтобы казаться бѣднымъ, приходится ограничиваться работою, необходимой для поддержанія самаго

*) Объ абсентеизмѣ дворянъ и его послѣдствіяхъ см. Du Cellier, Histoire etc., стр. 254 и сл.: ренты, собираемыя съ земли, никогда не возвращались въ сельское хозяйство.

жалкаго существованія *). Съ другой стороны, эта лицемѣрная или дѣйствительная нищета вынуждаетъ откупщиковъ налоговъ при собираніи различныхъ податей примѣнять всякія средства вымогательства, для того чтобы вынудить какъ-нибудь нужныя суммы у нищихъ крестьянъ. Такимъ образомъ, крестьянина разоряли всякими способами, даже самыми бессмысленными, если только они доставляли хотя бы мгновенную выгоду: крестьянина-собственника разоряли прямо, арендатора все растущіе налоги лишали въ концѣ концовъ всякаго дохода; у половника отнимался его натуральный доходъ; поденщикъ погибалъ отъ недостатка работы. Приведемъ еще нѣсколько примѣровъ, чтобы показать, насколько безумна была финансовая политика по отношенію къ крестьянскому сословію. Для того чтобы штемпельный налогъ давалъ больше денегъ, запрещалось заключать арендный договоръ болѣе, чѣмъ на девять лѣтъ, т.-е. крестьянинъ лишался возможности прочно устѣться на своемъ арендованномъ участкѣ и поднять чистый доходъ путемъ амелиораций **). Кольберовское запрещеніе конфисковать скотъ и орудія труда за недоимки было отмѣнено, и крестьянинъ былъ такимъ образомъ съ руками и ногами выданъ сборщикамъ налоговъ, разрушавшимъ нерѣдко его хижину, для того чтобы продать дерево и желѣзо на сломъ. Подъ предлогомъ, что сельское духовенство при веденіи церковныхъ книгъ не соблюдаетъ якобы предписаній закона, были назначены новые чиновники, имѣвшіе задачей вести списокъ крещеній, бракамъ и погребеніямъ, при чемъ были установлены поборы для содержанія этихъ должностныхъ лицъ. Менѣе чѣмъ за 400.000 ливровъ мѣста эти были проданы затѣмъ одному обществу, такъ что „во всемъ королевствѣ можно было видѣть, какъ сборщики нала-

*) Vauban, *Projet d'une dix-me royale* 1707, стр. 30: „Сильный всегда подавляетъ болѣе слабого; и дѣло зашло такъ далеко, что тотъ, кто могъ бы воспользоваться своимъ талантомъ, искусствомъ или знаніемъ ремесла, для того чтобы улучшить положеніе своего семейства, предпочитаетъ оставить все, какъ есть, и ничего не дѣлать, и тотъ, кто могъ бы держать одной-двумя коровами, нѣсколькими баранами или овцами болѣе, что дало бы ему возможность улучшить арендованную или свою землю, вынужденъ отказаться отъ этого, чтобы въ слѣдующій годъ не быть раздавленнымъ тальей, какъ это несомнѣнно случилось бы, если бы онъ что-либо зарабатывалъ и если бы замѣтили, что его урожай богаче обыкновеннаго. Поэтому онъ не только живетъ съ своимъ семействомъ очень бѣдно и ходитъ почти нагимъ, т.-е. потребляетъ весьма мало, но даже запускаетъ тотъ кусочекъ земли, который онъ имѣетъ, обрабатывая его лишь наполовину изъ боязни, что урожай, который она дала бы ему, если бы онъ ее какъ слѣдуетъ удобрить и культивировать, причинилъ бы ему только зло, давъ поводъ потребовать съ него талью въ двойномъ размѣрѣ“.

**) Forbonnais, II, стр. 63.

гали свою нечистую руку даже на Св. Тѣло Господне“. Въ Перигорѣ и Керси крестьяне крестили благодаря этому своихъ дѣтей сами и женились безъ всякихъ формальностей. Преслѣдуемые компаніей, эксплуатирующей налогъ, они оказали сопротивленіе, и разразился бунтъ. Отряды крестьянъ двинулись по странѣ, принудили многихъ дворянъ стать во главѣ ихъ и взяли штурмомъ городъ Кагоръ. Городской совѣтъ оставался глухъ къ жалобамъ сборщиковъ податей и отказывался принимать какія бы то ни было мѣры, хотя уже получилъ отъ нихъ арендную сумму (за налогъ, взятый на откупъ); въ то же время онъ не отмѣнялъ и адикта *).

Снова вынужденъ былъ крестьянинъ для уплаты долговъ и налоговъ продавать свою земельную собственность, снова спускается онъ до положенія наемнаго работника или половника. Въ трудахъ Вобана и Буагильбера онъ выступаетъ лишь, какъ тапоеуге или métauger, работа котораго эксплуатируется крупнымъ арендаторомъ. Оба автора указываютъ на чрезвычайное сокращеніе обработанной площади и уменьшеніе урожаевъ, какъ на слѣдствіе экспроприаціи крестьянъ **).

Эта финансовая политика непосредственно вызывалась тѣми чрезвычайными расходами, которые была вынуждена дѣлать государственная казна благодаря непрерывнымъ войнамъ. Съ 1689 г. по 1697 имѣла мѣсто война коалиціи, съ 1701 по 1714 г. — война за испанское наслѣдство и одновременно съ этимъ съ 1702—1705-й война противъ камисардовъ, окончившаяся ужаснымъ опустошеніемъ Лангедока. 1692 и 1693 годъ были годами необычайно плохихъ урожаевъ, въ 1695-омъ была введена подушная подать (capitation). Въ 1693 и 1694 годахъ въ Алансонскомъ округѣ свирѣпствовалъ такой ужасный голодъ, что населеніе значительно уменьшилось. Съ 1691 года Лимузенъ находился въ ужасной нуждѣ; хлѣбъ, виноградъ, каштаны померзли; жители продавали скотъ и мебель, чтобы не умереть съ голоду. Въ январѣ 1692 года интендантъ этой провинціи насчитывалъ болѣе 70.000 лицъ, вынужденныхъ питаться подаеніемъ. Такъ какъ голодъ продолжался, въ слѣдующій годъ вымерла почти одна треть населенія; въ 1694 году крестьяне питались хлѣбомъ, смолотымъ изъ виноградныхъ зернышекъ и корней папоротника. Въ 1698 году

*) Bailly, *Histoire financière de la France*, Paris, 1830, II, стр. 10 и 11.

**) Cp. Doniol, *Histoire etc.*, стр. 428—434.

во Фландрію осталась едва десятая доля ея первоначального населенія, при чемъ пятая часть жителей этой провинціи питалась милостыней *).

Въ 1709 году союзники вѣдряются во Франціи, и провинціи опустошаются какъ своими войсками, такъ и враждебными. Не получая жалованья, французская армія жила грабежемъ и контрабандой.

Шайками отъ 2 до 300 человекъ бродили солдаты по Нормандіи, Пикардіи, Анжу, Орлеану и открыто продавали соль, украденную ими изъ королевскихъ магазиновъ **). Суровыя зимы, продолжительныя засухи, наводненія—всѣ эти бѣдствія соединились въ послѣдніе годы царствованія Людовика XIV. Зима 1709 г. была особенно сурова. Въ Провансѣ пропали апельсинныя и масличныя деревья; виноградъ вездѣ погибъ, озими померзли. Доведенные до отчаянія крестьяне сѣяли только ячмень, хотя полиція и пыталась воспротивиться этому, и спасли страну отъ ужасающаго голода ячменнымъ хлѣбомъ. Во многихъ мѣстахъ растирали въ порошокъ корни арума, пырей, царскія кудри и другія травы и приготавливали изъ всего этого нѣчто въ родѣ хлѣба; кое-гдѣ крестьянинъ, лишившись своего жалкаго урожая, проданнаго для уплаты податей, питался травой, которую у него не оспаривала давно уже съѣденная скотина ***). Послѣ зимнихъ морозовъ голодъ, послѣ мороза и голода, наводненія, причинившія особенныя опустошенія долинъ Луары; мѣра нужды была довершена хлѣбнымъ ростовщичествомъ, пользовавшимся поддержкою правительства. Вся Франція умирала съ голоду; значительныя области были опустошены, крупныя фермы опустѣли, такъ что ордонансы отъ 11-го іюня 1709 г., января и октября 1713, 16-го января 1714 и 6-го декабря 1717 сочли нужнымъ разрѣшить крестьянамъ захватывать въ свое полное и нераздѣльное пользованіе всѣ земли, оставшіяся не обработанными вслѣдствіе смерти, бѣгства или разоренія владѣльца ****).

По счастью, мы располагаемъ значительнымъ числомъ документовъ, изображающихъ положеніе Франціи вообще и положеніе французскаго крестьянскаго сословія въ особенности въ концѣ XVII-го

*) По докладамъ интендантовъ генеральному контролеру. См. Levasseur, La population française, I, стр. 196 и сл.

**) Bailly, Histoire etc., II, стр. 23.

***) Bonnemère, Histoire etc., II, стр. 144.

****) Bonnemère, Histoire, II, стр. 151.

и началъ XVIII вѣковъ. Мы заключимъ нашъ краткій очеркъ исторіи французскаго крестьянина нѣсколькими выдержками, почерпнутыми изъ этой богатой сокровищницы. Кромѣ книгъ независимыхъ писателей, какъ Вобанъ и Буагильберъ, которые, впрочемъ, далеко не были врагами монархіи, мы воспользуемся издававшимися по инициативѣ герцога Бургонскаго отчетами интендантовъ о положеніи провинцій королевства; хотя послѣдніе менѣе всего стараются сгущать краски и, наоборотъ, склонны скорѣе разсматривать все сквозь розовыя очки, тѣмъ не менѣе они развертываютъ передъ нами ужасающую картину *).

„Я могу съ увѣренностью сказать, —говоритъ Вобанъ,—что за послѣднее время почти десятая часть народа повергнута въ нищенство и дѣйствительно побирается; что изъ остальныхъ девяти десятыхъ пять не въ состояніи поддерживать милостыней первую часть, ибо сами находятся почти въ такомъ же положеніи; что изъ остающихся еще четырехъ частей тремъ приходится очень плохо и что онѣ обременены долгами и тяжбами“ **).

Конечно, наиболѣе разоренъ, наиболѣе ввергнутъ въ нищету простой народъ (le menu peuple), который, впрочемъ, по своей численности и по тѣмъ услугамъ, которыя онъ въ дѣйствительности оказываетъ, является самою важною частью населенія. Онъ несетъ всѣ тягости и всегда страдалъ да и теперь страдаетъ болѣе всѣхъ остальныхъ ***). Заслуживаютъ упоминанія, кромѣ того, цифры бюджета работника, приводимыя Вобаномъ. Онъ считаетъ 180 рабочихъ дней въ году, и дневной заработокъ сельскаго батрака въ 9 sols представляется ему слишкомъ высокимъ; ближе къ дѣйствительности было бы опредѣлить его въ 8 sols. Для содержанія семейства изъ 4 лицъ крестьянину нужно хлѣба на 60 ливровъ, такъ что, за вычетомъ этого расхода плюсъ 14 ливровъ 16 sols на уплату податей, у него остается еще 15 ливровъ 4 sols на арендную плату, ремонтъ, бѣлье, домашнюю утварь и т. п. Если бы, слѣдовательно, онъ не держалъ коровы, козы, свиньи или птицы, если бы его жена и онъ самъ не зарабатывали еще кое-чего ткачествомъ и другимъ промышленнымъ трудомъ, то пришлось бы совершенно отказаться отъ сала, коровьяго и

*) Графъ Буленвилье обработалъ отчеты интендантовъ въ своемъ трудѣ: État de la France. Extraits des mémoires dressés par les intendants du Royaume par l'ordre du roi Louis XIV. Здѣсь использовано лондонское изданіе этой книги 1727—28 гг.

**) Vauban, Projet, стр. 4.

***) Vauban, Projet, стр. 18.

даже постного масла. Даже въ самомъ благопріятномъ случаѣ существованіе батрака безъ обработки собственнаго, хотя бы ничтожнаго, клочка земли врядъ ли было бы возможно *). Подобную же картину отчаяннаго положенія Франціи, особенно ея крестьянскаго сословія, нарисовалъ уже въ 1690 г. Jurieu въ своей книгѣ „Les soupirs de la France esclave qui aspire après la liberté“ (Амстердамъ). „Королевство упало до такой степени, что въ немъ теперь на одну четверть или даже на треть меньше населенія, нежели 50 лѣтъ тому назадъ. За исключеніемъ Парижя, куда каждый спасается, какъ въ убѣжище, и который поэтому растетъ не по днямъ, а по часамъ, всѣ города утратили половину своихъ богатствъ и своихъ жителей... Крестьяне живутъ самымъ жалкимъ образомъ; сожженные солнцемъ, они черны, какъ африканскіе рабы, и все, что у нихъ находится, говорить языкомъ нищеты“ **). Три года спустя Людовикъ XIV получилъ анонимное, приписываемое архіепископу Камбрэ, Фенелону, письмо, въ которомъ королю показывается, разумѣется безрезультатно, истинная картина положенія его страны. „Вашъ народъ погибаетъ съ голоду; земля почти не обрабатывается; города и села обезлюдѣли... Вся Франція превращена въ одинъ ужасный, опустошенный, лишенный средствъ къ существованію, госпиталь; народъ, который васъ такъ любилъ, начинаетъ терять свои дружжелюбныя чувства, свое довѣріе и даже уваженіе къ вамъ. Народныя движенія, съ давнихъ поръ небывалыя, становятся все болѣе частыми. Вы доведены теперь до ужаснаго положенія: вамъ приходится или оставить возстаніе безнаказаннымъ, или подвергнуть избіенію народъ, который вы довели до отчаянія... который постоянно умираетъ отъ болѣзней, вызванныхъ голодомъ“. Но всѣ эти рѣчи пропускались мимо ушей; столь же мало могли отклонить отъ новыхъ войнъ одержимаго цезаризмомъ короля отчеты интендантовъ. Было бы нетрудно составить изъ этихъ отчетовъ, приведенныхъ въ фоліантахъ Буланвилъе, полную картину крестьянской нищеты, но мы удовольствуемся лишь нѣсколькими выдержками ***). „Крестьянинъ, почернѣвшій, почти постоянно грязный,

*) Vauban, Projet, стр. 97.

**) Les soupirs de la France esclave qui aspire après la liberté. Amsterdam, 1690, стр. 23.

***) Эти выдержки см. у Bonnemère, Histoire etc., II, стр. 120—127, Bonnemère, La France sous Louis XIV, II, стр. 272—294. Martin, Histoire de France XIV, кн. 89 и др.

трудолюбивый и бережливый, питается смѣсью ячменя, пшеницы и ржи. Онъ пьетъ только воду, и даже крестьяне, занимающіеся разведеніемъ винограда, смѣшиваютъ свое вино съ водою. Онъ спитъ вмѣстѣ съ своими животными, чтобы пользоваться теплотою ихъ тѣла“. „Недостатокъ питанія разрушаетъ расу, ибо нищета крестьянъ настолько велика, что дѣти появляются на свѣтъ Божій больными, слабыми, недолговѣчными, такъ какъ нѣтъ средствъ къ существованію, могущихъ обезпечить сильное потомство“. „Нѣтъ ничего болѣе похожаго на дикихъ звѣрей, какъ крестьяне. Часто можно видѣть толпу ихъ посреди вспаханнаго поля, вдали отъ дорогъ, сидящую, собравшись въ кружокъ; какъ только вы приближаетесь къ нимъ, они быстро разбѣгаются въ разныя стороны“. Наиболѣе удачное выраженіе для этого дикаго, звѣроподобнаго существованія крестьянъ нашелъ La Bruyère въ своихъ Caractères. „Тамъ и сямъ, — говорится въ этомъ сочиненіи, — вы встрѣчаете дикихъ звѣрей, самцовъ и самокъ, черныхъ, совершенно обожженныхъ солнцемъ; они крѣпко держатся за землю, обрабатывая ее съ непобѣдимымъ упорствомъ; они обладаютъ чѣмъ-то въ родѣ членораздѣльной рѣчи и, когда поднимаются на ноги, обнаруживаютъ человѣческое лицо — и въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, это люди; ночью они скрываются въ свои пещеры, гдѣ живутъ, питаясь чернымъ хлѣбомъ, водою и кореньями; они избавляютъ другихъ людей отъ труда сѣять, работать и собирать жатву, для того чтобы жить, и потому не заслуживаютъ того, чтобы у нихъ отнимали хлѣбъ, который они посѣяли“ *).

II. Сельское духовенство.

Въ другомъ мѣстѣ уже упоминалось о той глубокой пропасти, которая мало-по-малу разверзлась между крестьянскимъ сословіемъ и остальными классами населенія, и съ каждымъ столѣтіемъ все болѣе и болѣе углублялась. Единственный классъ, являвшійся нѣкоторымъ связующимъ элементомъ между той и другой стороной, сельское духовенство, былъ осужденъ на безсиліе, и вмѣсто того, чтобы содѣйствовать интеллектуальному и моральному подъему крестьянства, самъ спустился до уровня послѣд-

*) La Bruyère, Les caractères de Théophraste, Paris 1688, ch. de l'homme.

няго, раздѣляя такимъ образомъ его изолированность. Время регентства Анны Австрійской и Фронды оказало свое пагубное вліяніе и на сельское духовенство. Выгнанные изъ своихъ жилищъ, священники (*sicrès*) превратились въ бродягъ; нищенствуя и грабя, скитались они по странѣ; чтобы не погибнуть на большой дорогѣ съ голоду, оказывали обѣимъ партіямъ шпионскія услуги и предавали обѣихъ ихъ въ равной степени. Всякіе указы церковныхъ властей были безрезультатны. Уваженіе къ священникамъ упало до такой степени, что для духовнаго лица съ положеніемъ имя *prêtre* звучало, какъ оскорбленіе. Пьянство и развратъ были любимыми занятіями низшаго духовенства *).

Этотъ процессъ не представлялъ, строго говоря, ничего удивительнаго—онъ былъ естественнымъ результатомъ искони практиковавшейся церковной политики, сущность которой сводилась къ доставленію господства аристократіи. Съ тѣхъ поръ какъ высшіе духовные посты стало возможнымъ занять только при условіи благороднаго происхожденія и вмѣстѣ съ тѣмъ внутри духовенства было проведено раздѣленіе между эксплуататорами и эксплуатируемыми, привилегированными и обездоленными, деревни стали удѣломъ духовныхъ низкаго, обыкновенно крестьянскаго, происхожденія. Въ большинствѣ случаевъ доходы пасторскаго мѣста принадлежали какому-либо духовному сановнику, который оставлялъ изъ нихъ на долю сельскаго священника подъ именемъ *portion congrue* ровно столько, сколько необходимо, чтобы не умереть съ голоду. Подавленный, эксплуатируемый, дурно оплачиваемый, огрубѣвшій и опустившійся отъ постоянного обращенія съ крестьянами, сельскій священникъ былъ покорнымъ рабомъ епископа, въ карманы котораго стекались несмѣтныя богатства церковныхъ помѣстій **). „Священники (*prêtres*) рабы епископовъ. Трудно представить себѣ что нибудь болѣе жалкое, опустившееся и приниженное, чѣмъ низшее духовенство. Въ то время какъ епископъ *grand-seigneur* и съ скандальной расточительностью содержитъ массу собакъ, лошадей, слугъ, экипажей, имѣетъ роскошную мебель и кухню, священникамъ его епархіи не на что купить сутану. Епископы обращаются съ своими священниками какъ съ

*) Bonnemère, La France etc., II. 2—4. См. также Mémoires de Fléchier sur les Grand-Jours d'Auvergne en 1665. Paris, 1856, стр. 84 и 111—114.

**) Во времена Людовика XIV духовенство имѣло пятую часть всѣхъ земель Франціи и годовой доходъ въ 130 милліоновъ ливровъ, составившійся изъ десятины, пожертвованій, платы за требы и т. п.

конюхами“ *). Это рабство низшихъ духовныхъ лицъ было довершено указомъ Людовика XIV, объявившимъ ихъ „*destituables par leurs évêques ad nutum*“; это значить, что епископъ имѣетъ право смѣстить, прогнать и даже арестовать подчиненное ему духовное лицо, если это ему нравится, не приводя никакихъ основаній, кромѣ своей воли или прихоти: „*car tel est notre plaisir*“ **).

Нѣтъ ничего удивительнаго, что сельскіе священники въ родѣ того, о которомъ рассказываетъ Флешье, встрѣчались очень рѣдко. Этотъ добрый пастырь изъ Оверни попалъ въ одной изъ своихъ проповѣдей на короля и министровъ. „Онъ очень внушительно сказалъ своей паствѣ, что Франція дурно управляется; это тираническое королевство; въ одной старой книгѣ, рассказывающей о Римской республикѣ, онъ прочиталъ много прекрасныхъ вещей и считаетъ теперь за лучшее жить самостоятельно, не платя налоговъ; онъ говорилъ о томъ, что народъ никогда сильнѣе не мучили, какъ въ настоящее время, и много другихъ неслыханныхъ выдумокъ, которыя ему и его грубымъ слушателямъ казались пріятнѣе, чѣмъ Евангеліе. Слушатели нашли эту проповѣдь весьма разумной, прониклись намѣреніемъ жить ради великой истины, не платя налоговъ, и всѣ были того взгляда, что священникъ въ этотъ день говорилъ такъ хорошо, что превзошелъ самого себя“ ***). Флешье прибавляетъ еще, что „*bon sicrè*“ произнесъ при этомъ безбожныя и кощунственныя рѣчи, однимъ словомъ возсталъ противъ неба и земли, за что и былъ наказанъ заслуженнымъ заключеніемъ въ тюрьмѣ срокомъ на одинъ годъ. До такой смѣлости этотъ сельскій священникъ, съ идеями котораго мы въ ближайшей главѣ ознакомимся подробнѣе, несомнѣнно не дошелъ, тѣмъ не менѣе онъ все же далеко превосходилъ обывателей Оверни независимостью своихъ убѣжденій.

*) Les soupirs de la France etc., стр. 48.

**) Les soupirs etc., стр. 49.

***) Mémoire de Fléchier sur les Grand-Jours en 1665, стр. 194 и 195.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Жанъ Мелье.

Жанъ Мелье (Meslier или Mellier), сынъ ткача, родился 15 июня 1664 года *) въ Мадерни въ Шампани. Одно духовное лицо, жившее по-сосѣдству, дало ему первоначальное образованіе и подготовило къ поступленію въ шалонскую (на Марнѣ) семинарію; здѣсь Мелье, не ограничиваясь богословіемъ, изучалъ философію Декарта. Въ 1692 году онъ получилъ мѣсто въ Этрешинь, въ Арденнскомъ департаментѣ, и занималъ его до самой смерти, исполняя, какъ должно, свои духовныя обязанности. Миръ и однообразіе его жизни были нарушены только столкновениемъ съ мѣстнымъ помѣщикомъ. Владѣлецъ деревни Клері жестоко наказалъ нѣсколькихъ крестьянъ; Мелье, вся жизнь котораго была посвящена служенію этимъ несчастнымъ, измученнымъ дѣтямъ человѣческимъ, пришелъ въ негодованіе и въ ближайшее воскресенье пропустилъ въ церковной молитвѣ имя помѣщика. Дворянинъ пожаловался Реймскому архіепископу, кардиналу де-Мельи. Архіепископъ потребовалъ, чтобы Мелье принесъ извиненіе и продолжалъ бы поминать помѣщика въ молитвахъ. Наступило воскресенье. Мелье взшелъ на кафедру и горячо помолился за господина де-Клері. „Такова судьба бѣднаго деревенскаго пастыря!“ воскликнулъ онъ. „Архіепископы, эти сильные владыки, презираютъ насъ и нисколько не заботятся о насъ. Уши существуютъ у нихъ только для дворянъ. Итакъ, помолимся за нашего помѣщика. Вознесемъ мольбы къ Господу, чтобы онъ не допу-

*) По Вольтеру въ 1678 году.

стилъ его снова впасть въ грѣхъ: мучить бѣдныхъ и грабить сиротъ“. Новая жалоба и новое внушеніе были результатомъ этой удивительной церковной молитвы. Есть основанія думать, что борьба между пастыремъ и дворяниномъ растянулась на долгое время, и что тяжелое душевное состояніе, вызванное отношеніемъ начальства, довело Мелье до самоубійства при помощи голода (въ 1729 г.),—такъ, по крайней мѣрѣ, рассказывали впоследствии въ приходѣ *).

Мирной и спокойной могла казаться духовнымъ дѣтямъ Жана Мелье его жизнь, взволнованная только этой борьбой за справедливость. Но тяжка и печальна была она для того, кому пришлось переживать ее. Онъ былъ невѣрующей, —и въ то же время его задачей и его призваніемъ было возвышать величіе и божественность католической религіи и церкви; онъ былъ сторонникъ общности имуществъ, онъ до глубины души былъ проникнутъ ненавистью къ „старому строю“ Франціи съ его деспотизмомъ, дворянствомъ и духовенствомъ, —и въ то же время онъ былъ вынужденъ каждое воскресенье возносить молитвы за нихъ и призывать свою общину къ безпрекословному подчиненію этому самому строю, который порабощалъ и разорялъ ее. У него было достаточно отваги для того, чтобы въ мысляхъ порвать со всѣмъ, что тогда считалось священнымъ, но недостаточно для того, чтобы возвѣстить истину міру; не достаточно сильный, чтобы претерпѣть гоненія за истину, онъ предпочелъ всю свою жизнь страдать отъ мучительнаго раздвоенія, и бѣжалъ отъ людей, чтобы не выдать какъ-нибудь своихъ думъ и чувствъ **). Въ трогательныхъ выраженіяхъ оправдываетъ онъ передъ своими прихожанами это лицемеріе, продолжавшееся цѣлую жизнь: родители, когда онъ

*) По другимъ источникамъ, Мелье умеръ въ 1733 году. — Во время господства Конвента (1792—1793 гг.) Анахарисъ Клотъ, восторженный „трибунъ рода человѣческаго“, предложилъ соорудить памятникъ Мелье, котораго онъ называлъ „неустранимымъ, благороднымъ, достойнымъ подражаніемъ“. Конвентъ передалъ это предложеніе въ комитетъ по народному образованію. „Національный конвентъ передаетъ въ свой комитетъ по народному образованію сдѣланное однимъ изъ членовъ конвента предложеніе, —воздвигнуть памятникъ Жану Мелье, священнику въ Этрешинь въ Шампани, первому духовному лицу, которое обладало мужествомъ и истинной вѣрой, чтобы отречься отъ религіозныхъ заблужденій.

**) Le Testament de Jean Meslier, I, стр. 25; „Дорогіе друзья мои (т. е. крестьяне прихода Мелье)! я былъ бы радъ умереть такъ же мирно, какъ я жилъ; я никогда не давалъ вамъ повода желать мнѣ чего-либо дурного или радоваться, если бы со мной случилось такое, и потому я не думаю, что вы ликовали бы, если бы увидели, какъ меня преслѣдуютъ и мучаютъ за это: поэтому я рѣшился сохранять молчаніе“.

былъ еще юношей, избрали для него духовное званіе, чтобы обезпечить ему пріятную, мирную и почетную жизнь; но онъ никогда не стремился къ тому, чтобы пользоваться благочестіемъ для ростовщическихъ цѣлей и обогащаться отъ совершенія богослуженія: напротивъ, онъ всегда старался загладить добрыми дѣлами то зло, которое онъ былъ вынужденъ совершать своими проповѣдями. Страшная, накоплявшаяся годами пламенная ненависть сквозитъ въ его словахъ, когда онъ вспоминаетъ, какъ онъ проповѣдывалъ своимъ крестьянамъ глупыя заблужденія и сплошное суевѣріе, которыми онъ гнушался, которыя ненавидѣлъ и проклиналъ *). Но чего онъ во всю свою жизнь не отваживался высказать,—это онъ долженъ возвѣстить своей общинѣ и всему міру хоть послѣ своей смерти! И вотъ онъ, чтобы засвидѣтельствовать истину, пишетъ свое „завѣщаніе“, въ которомъ излагаетъ все, что въ теченіе жизни возбуждало его сердце и умъ, и оставляетъ записки общинѣ, какъ драгоценнѣйшее наслѣдіе.

По смерти Мелье нашли три копія этихъ записокъ, которыя онъ изготовилъ съ величайшей тщательностью. Онѣ носили заголовокъ: „Мое завѣщаніе“. Двѣ изъ копій были найдены въ его квартирѣ и одна въ канцеляріи Сантъ-Менегульда. Очень скоро въ Шампани были пущены въ оборотъ многія сотни списковъ съ этой книги, запрещенной, но возбуждавшей тѣмъ большее любопытство. Слухи о книгѣ проникли даже въ Парижъ, и уже въ 1735 году на нее обратили вниманіе Вольтера. Однако, Вольтеръ только въ 1762 году сдѣлалъ изъ этого „слишкомъ длиннаго, слишкомъ неуклюжаго и слишкомъ возмутительнаго произведенія извлеченіе, которое вкратцѣ передаетъ все заслуживающее прочтенія“; т. е. изъ котораго Вольтеръ старательно выбросилъ самую существенную часть — все, что Мелье говоритъ противъ религіи и соціального строя своего времени. Да и какъ бы могъ деистъ Вольтеръ, авторъ „Siècle de Louis XIV“ („Вѣка Людовика XIV“), тонкій придворный и лукавый помѣщикъ,—какъ бы онъ могъ предать гласности эти бурныя выраженія ненависти къ религіи того времени и къ французской государственной власти. Но изъ одного письма къ Даламберу (февраль 1762 года) можно видѣть, какое вѣпечатлѣніе произвела на него книга Мелье: „Въ Голландіи—пишетъ онъ—отпечатали „Завѣщаніе“ Жана Мелье; это—лишь краткое извлеченіе изъ книги названнаго священника.

*) См. его оправданія въ Testament, I, стр. 21—25.

Я содрогался отъ ужаса, когда читалъ ее. Признаніе священника, который, умирая, просилъ у Бога прошенія, что онъ училъ христіанству, можетъ оказаться сильною гирею на чашкѣ вѣсовъ для вольномыслящихъ. Я пришлю Вамъ экземпляръ этого завѣщанія антихриста, такъ какъ Вы хотѣли опровергнуть его. Оно написано съ грубою простотой, которая, къ несчастью, выглядитъ какъ краснорѣчіе *)“.

Такимъ образомъ, болѣе сотни лѣтъ книга была извѣстна міру только въ этомъ извлеченіи. Лишь въ 1764 году Р. Шарль издалъ ее полностью и освободилъ Мелье отъ печальной и недостойной роли, на которую осудилъ его Вольтеръ **).

„Завѣщаніе“ написано кровью сердца Мелье. На протяжении трехъ томовъ разливается потокъ горькаго ожесточенія и ненависти, накопившихся въ теченіе цѣлой жизни, и налагаетъ дикую и мрачную окраску на чудовищные періоды ***). Острая пронизательность отважнаго ума, не отшатывающегося ни передъ какими выводами, повсюду открываетъ мощные аргументы, чтобы швырнуть ими въ крѣпости традиціонныхъ воззрѣній и въ твердыни французскаго государства XVIII вѣка,—и съ грохотомъ падаютъ башни и валы, превращаясь въ обломки и щебень. Мы видимъ потомъ, какъ на расчищенной почвѣ возникаетъ новое царство,—царство счастья для человѣчества; въ изображеніи его передъ нами выступаетъ вся доброта, вся кротость натуры Мелье, загнаннаго судьбой и людьми, и мы лишь съ трудомъ признаемъ тогда въ авторѣ дикаго разрушителя.

„Я—пишетъ Мелье на обложкѣ той копіи своего „Завѣщанія“, которая была предназначена для его прихожанъ,—я позналъ заблужденія, злоупотребленія, суетность, глупость и дурныя стороны людей; я возненавидѣлъ ихъ и ужасался передъ ними ****). Слѣдовательно, его произведеніе направлено противъ человѣческихъ заблужденій, суетности и злоупотребленій; Мелье открываетъ нападеніе въ послѣднемъ счетѣ противъ общественной си-

*) Письмо къ Даламберу, февраль 1762 г. Le Testament, I, LIV.

**) Le Testament de Jean Meslier... par Rudolph Charles, Амстердамъ 1764 г., 3 тома. Изъ этого изданія взяты всѣ цитаты. Первоначальное заглавіе книги было таково: „Записи думъ и чувствъ Ж. М., приходскаго священника въ Этрешини касательно многочисленныхъ злоупотребленій и заблужденій въ образѣ дѣйствій и управленія людьми, написанная для того, чтобы послужить послѣ его смерти памятною запиской для его прихожанъ и чтобы повѣдать истину имъ и имъ подобнымъ“.

***). Вольтеръ называетъ стиль Мелье „стилемъ лошади, запряженной въ дрожки“.

Письмо къ Гельвецію, 1 мая 1763.

****) Le Testament, I, XXXIX.

стемы, построенной на тираннии одной стороны и на порабощении—другой. На религию и католическую церковь, хотя им посвящена большая часть его книги, онъ нападаетъ потому только, что видитъ въ нихъ главные средства для того, чтобы держать народы въ темнотѣ и послушаніи. По своимъ принципамъ и предписаніямъ религія и политика должны бы собственно быть взаимно противоположны и враждебны. Кротость и благочестіе религіи должны подвергаться осужденію суровость и несправедливость тиранническаго управления; мудрость разумной политики, въ свою очередь, должна противоѣдствовать злоупотребленіямъ, заблужденіямъ и обманамъ плохой религіи. Но для того, чтобы такъ было, недостаточно, что такъ должно бы быть; слишкомъ часто бываетъ такъ, какъ быть не должно. Религія и политика превосходно умѣютъ вступать въ союзъ и заключать дружбу между собой. Они работаютъ на руку другъ другу, взаимно поддерживаютъ и защищаютъ другъ друга. Католицизмъ всегда поддерживалъ французское правительство, какъ бы плохо оно ни было; въ награду за это правительство всегда поддерживало католицизмъ, какъ бы нехороши ни были его ученія. Духовные, слуги католицизма, грозя проклятіемъ и вѣчными мученіями, проповѣдовали послушаніе по отношенію къ суверенамъ, такъ какъ власть послѣднихъ имѣетъ неземное происхожденіе; суверены же обезпечиваютъ за духовными ихъ положеніе, даютъ имъ хорошія мѣста и хорошіе доходы и принужденіемъ поддерживаютъ въ народѣ признаніе проповѣдуемыхъ ими ученій *). Мелье обращается противъ догматовъ католицизма, сокровенную сущность котораго онъ видитъ въ грубомъ и презрѣнномъ фанатизмѣ.

Мелье выступаетъ противъ осужденія плоти, противъ взглядовъ, согласно которымъ совершенная добродѣтель и величайшее благо для человѣка заключается въ готовности къ страданіямъ и мукамъ. Его натурѣ противорѣчитъ ученіе, запрещающее противиться насилію и повелѣвающее любить враговъ **).

Послѣ замѣчаній о католицизмѣ Мелье обращается къ критикѣ общественнаго строя Франціи своего времени. Куда ни помотришь, говоритъ онъ, вездѣ встрѣчаешь чудовищныя несоотвѣтствія въ

*) Le Testament, I, стр. 14—15.

**) Le Testament, II, стр. 66—67. Въ книгѣ Штрауса о Вольтерѣ, во второмъ приложеніи къ ней („Мелье и его „Завѣщаніе“), стр. 403—423, подробно изложены критическія замѣчанія Мелье о религіи. Эта книга вышла на русскомъ языкѣ въ двухъ переводахъ. Болѣе полный изданъ фирмою „Книжное Дѣло“.

положеніи и условіяхъ жизни людей. Одни рождены какъ будто для того только, чтобы тираннически господствовать надъ другими и брать отъ жизни нескончаемыя удовольствія и наслажденія; другіе—только затѣмъ, чтобы быть жалкими, несчастными, приниженными рабами и всю свою жизнь томиться въ страданіяхъ и нуждѣ. Такъ какъ эти несоотвѣтствія не вытекаютъ ни изъ заслугъ одного класса, ни изъ отсутствія заслугъ за другимъ, то они въ самой основѣ своей несправедливы и должны возбуждать нашу ненависть. Первый изъ этихъ общественныхъ классовъ, тотъ, которому принадлежитъ все богатство, всѣ блага, всѣ наслажденія и досугъ, состоитъ изъ вершинъ общества, изъ дворянъ и духовныхъ, и изъ всѣхъ богачей и ни къ чему не нужныхъ бездѣльниковъ, которые вмѣстѣ со своими слугами живутъ лишь отъ плодовъ мучительной работы другого класса. Другой же классъ, подавленный игомъ заботъ и нужды, труда и усилій, это—бѣдный народъ, французскій крестьянинъ. О немъ, по справедливости, сказано, что нѣтъ никого такого, низкаго и отверженнаго, такого бѣднаго и презрѣннаго, какъ этотъ крестьянинъ, который только и знаетъ, что трудиться для дворянъ и духовныхъ, и при всѣхъ своихъ трудахъ едва лишь добываетъ кусокъ хлѣба для себя *). Крестьянина мучитъ и обираетъ все и вся до самаго ничтожнаго дворянина включительно. Какъ паразитъ, прицѣпившись къ тѣлу, непрестанно тревожитъ, пожираетъ и гложетъ его,—такъ и всѣ эти люди только и дѣлаютъ, что тревожатъ, мучатъ, гложутъ и пожираютъ бѣдный народъ **). На немъ тяготеютъ не только тиранны, но и все дворянство, весь клиръ, все монашество со всѣми представителями юстиціи, всѣми пиявками—финансистами и откупщиками—и со всѣмъ празднымъ и бесполезнымъ народомъ, какой только носитъ земля ***). „Дорогіе друзья мои!“ восклицаетъ Мелье: „вамъ много втолковываютъ о діаволѣ; простымъ именемъ діавола на васъ наводятъ трепетъ, ибо васъ заставляютъ вѣрить, что діаволъ не только величайшій врагъ вашего счастья, но и самое гнусное и отвратительное, что только можно вообразить себѣ. Однако, художники заблуждаются, когда они на своихъ картинахъ разрисовываютъ намъ діаволовъ

*) Le Testament, II, стр. 250.

**) Сравни изображеніе положенія крестьянина у другихъ французскихъ писателей XVIII вѣка. Карпентъ, Исторія Западной Европы въ новое время, т. III, стр. 229—260 Ковалевскій, Происхожденіе современной демократіи, т. I, стр. 349 и сл.

***) Le Testament, II, стр. 223.

въ видѣ мерзкихъ и ужасныхъ чудовищъ: они, какъ и ваши проповѣдники, обманываются сами и обманываютъ васъ, если первые на своихъ картинахъ, а вторые — въ своихъ проповѣдяхъ представляютъ діавола такимъ отвратительнымъ, такимъ гадкимъ, такимъ уродливымъ. Они должны бы, напротивъ, представлять вамъ діаволовъ во образѣ тѣхъ прекрасныхъ женщинъ и дѣвушекъ, которыхъ вы видите такъ хорошо одѣтыми, такъ хорошо причесанными и напудренными, такими благоухающими и блистающими золотомъ, серебромъ и благородными камнями. Діаволы, которыхъ ваши проповѣдники и ваши художники представляютъ вамъ въ такихъ отвратительныхъ и отталкивающихъ образахъ, суть созданія воображенія, которыя могутъ наводить страхъ только на дѣтей и людей невѣжественныхъ и могутъ причинить только воображаемое зло тѣмъ, кто страшится ихъ. Тѣ же, другіе діаволы и діаволицы, господа и дамы, о которыхъ я говорю, они — не созданія воображенія, они видимы и, дѣйствительно, существуютъ, равно какъ и зло, какое они причиняютъ бѣдному народу, даже слишкомъ дѣйствительно и осязательно“ *).

Но на чемъ, спрашиваетъ Мелье, основывается право сильныхъ забирать все богатство и всю власть въ свои руки, и обращаться съ бѣдными, какъ со своими рабами? Вѣдь, природа всѣхъ людей создала равными, всѣ они отъ природы имѣютъ одинаковое рожденіе и одинаковое происхожденіе, такъ какъ она не производитъ благородныхъ. Онъ отвѣчаетъ на поставленный вопросъ слѣдующими словами: „Если мы прослѣдимъ генеалогію господствующихъ и дойдемъ до самаго источника, то мы найдемъ, что первые предки этихъ людей, которые поднимаютъ такой шумъ и придаютъ такое значеніе своему происхожденію, были кровавые и жестокие люди, угнетатели, тираны, негодяи, нарушители общественного мира, воры, убійцы родственниковъ, что, говоря короче, древній господинъ былъ проходимцемъ, опиравшимся на безстыдство и насилие, надѣленный саномъ“ **). Эта власть, пріобрѣтенная такимъ несправедливымъ способомъ, унаследована потомъ въ теченіе столѣтій и облекается мантией справедливости, чести и добродѣтели. Было бы вопіющей и отвратительнѣйшей

*) Le Testament, II, стр. 180—181. Переведено Штраусомъ въ названной выше книгѣ.

**) Le Testament, II, стр. 175.—Сравни аналогичныя разсужденія французскихъ писателей XVIII в. о происхожденіи общественныхъ неравенствъ. Примѣры у Карьева, *ibid.*, т. III. У Ковалевскаго, *ibid.*, т. I, стр. 395 и др.

несправедливостью строить на такомъ фундаментѣ то поразительное несоотвѣтствіе въ положеніи различныхъ классовъ человѣчества, которое однимъ обезпечиваетъ всякую власть, наслажденія и богатства, а другихъ ставитъ въ безусловнѣйшую зависимость отъ первыхъ и фактически превращаетъ въ рабовъ. Но гордость и высокомеріе сильныхъ разрослись до такой степени, что они считаютъ себя за особую расу, отличную отъ народа, лучшую и болѣе чистую, за совершенно другихъ существъ, и полагаютъ, что народъ только и созданъ для ихъ удовольствія и для службы имъ. По ихъ убѣжденіямъ счастье служить имъ уже само по себѣ является достаточно большимъ вознагражденіемъ для тѣхъ, кто вынужденъ служить имъ.

Ихъ достойнымъ союзникомъ является деспотизмъ, подѣломъ котораго страдаетъ вся Франція. Его гордость и его безцеремонность поднялись до такой высоты, что единственнымъ основаніемъ своихъ дѣйствій, своихъ законовъ и указовъ онъ уже выставляетъ только свою волю, только свое усмотрѣніе: *car tel est notre plaisir, sic volo, sic jubeo stat pro ratione voluntas* *). Лыстцы втолковали королямъ Франціи, что они—владыки надъ тѣломъ и имуществомъ своихъ подданныхъ. И вотъ, они все приносятъ въ жертву своей славѣ и своему честолюбію, своей жадности и своей мстительности. Подъ измышленными нелѣпнѣйшими предлогами они навѣчиваютъ на своихъ подданныхъ всевозможныя виды талей (*tailles*), субсидій и другихъ поборовъ; подъ такими же нелѣпыми измышленными предлогами эти поборы увеличиваются,—удваиваются и утраиваются. Почти дня не проходитъ безъ новыхъ налоговъ, новыхъ эдиктовъ, новыхъ ордонансовъ, и горе крестьянину, если онъ тотчасъ же не исполнитъ всего, если онъ не можетъ съ величайшею быстротой достать непомѣрныя суммы, которыхъ отъ него требуютъ. Тогда къ нему присылаютъ драгунъ, солдатъ и тому подобныя грабительскія банды, и онъ вынужденъ кормить и оплачивать ихъ, пока не внесетъ всѣ свои недоимки. Ибо основное правило французскихъ королей и ихъ первыхъ министровъ—обезсилить народъ, доводить его до бѣдности и нищеты, чтобы увеличивать его подчиненность и поддерживать въ немъ неспособность выступить когда-либо противъ властей. Поэтому войску, финансистамъ и откупщикамъ, которыхъ воровство, мошенничество, грабительство, же-

*) Le Testament, II, стр. 239.

стоимость и наглость превосходятъ всякую мѣру вѣроятія, они разрѣшаются обогащаться на счетъ народа, да и среди самого народа стараются сѣять вражду и раздоры. Чтобы достигнуть этой цѣли, они не могли изобрѣсти лучшаго средства, чѣмъ талья (taille *); распределение ея между отдѣльными плательщиками неизмѣнно опутываетъ всѣхъ деревенскихъ жителей спорами и распрями, взаимной ненавистью и враждой, такъ что они всегда готовы на крутую расправу другъ съ другомъ; ея взиманіе доставляетъ сборщикамъ податей превосходнѣйшій случай грабить и вымогательствовать, какъ душа хочетъ **). На всѣ виды товаровъ короли наложили свои пошлины и налоги, чтобы извлекать барышъ изъ всего, что покупается и продается. Обложены вино и мясо, водка, пиво и масло, шерсть, ткани и кружева, перецъ и соль, бумага, табакъ и всѣ виды хлѣба; короли Франціи заставляютъ уплачивать себѣ пошлины за вывозъ и ввозъ, за контроль и довѣріе, за браки, крестины и похороны; они заставляютъ платить за амортизацію, за контракты о сервитутахъ, за пользованіе строевымъ лѣсомъ и дровами, за водныя богатства, и лишь немногoго не достаетъ до того, чтобы они заставили платить и за полетъ вѣтра и за движеніе облаковъ. Всякій, кто хочетъ заниматься торговлей въ королевскихъ земляхъ, долженъ обзавестись символомъ апокалиптического звѣря, королевскими свидѣтельствами о разрѣшеніи и объ уплатѣ пошлинъ, сертификатами королевскихъ людей, квитанціями, свидѣтельствами о свободѣ отъ пошлинъ, проходными свидѣтельствами, паспортами и паспортами для морского плаванія; иначе ему угрожаетъ опасность, что стражи и чиновники „королевскаго звѣря“ схватятъ и разорятъ его, присудятъ къ денежнымъ штрафамъ, къ тюрьмѣ, къ галерамъ, даже къ смертной казни ***).

Съ такой же силой, какъ противъ чрезмѣрности налоговъ, Мелье обращается потомъ противъ способа взиманія налоговъ, особенно соляного и тальи; при этомъ онъ тѣсно примыкаетъ къ книгѣ *L'Espion Turc*, которая тогда пользовалась чрезвычайной извѣстностью. Замѣчательно, что Мелье, повидимому, не былъ знакомъ съ сочиненіями Вобана и Буажильбера. Подобно всѣмъ оппозиціоннымъ писателямъ, главную причину разоренія Франціи

*) Объ этомъ налогѣ см. въ I и II главѣ.

**) *Le Testament*, стр. 243.

***) *Le Testament*, II, стр. 245 и 246.

онъ видитъ въ отдачѣ налоговъ въ аренду откупщикамъ. Взиманіемъ налоговъ занято 30—40 тысячъ чиновниковъ; но изъ 80 милліоновъ, которые они выжимаютъ изъ народа, въ королевскую казну попадаетъ едва 30 милліоновъ. Съ большою подробностью излагаетъ Мелье исторію соляного налога и тальи; мы, впрочемъ, можемъ не касаться этого предмета *). Деньги, выжатые такимъ образомъ, расточаются потомъ на сумасшедшія празднества и излишества, въ то время какъ народъ умираетъ отъ голода.

Если король жаждетъ славы или аппетитъ до чужихъ земель доводитъ его до борьбы съ сосѣдями изъ-за ничтожнѣйшихъ поводовъ,—за всѣ его склонности и причуды бѣдный народъ всегда долженъ расплачиваться своею кровью и своимъ добромъ. Изъ юношей бѣднаго сельскаго населенія набираются войска, въ которыхъ ихъ, вопреки ихъ желаніямъ, гонятъ насиліемъ; и то же самое бѣдное населеніе должно потомъ содержать ихъ своими деньгами и добромъ; оно же во время войны прежде всего подвергается грабежамъ и насиліямъ огрубѣвшихъ и потерявшихъ всякую совѣсть солдатъ. Для Мелье совѣтъ безразлично, страдаетъ ли отъ фурій войны французскій или чужеземный крестьянинъ. Патріотизмъ—невѣдомое для него чувство, и если что и вызываетъ въ немъ величайшее негодованіе, такъ это современная ему Франція съ ея военною славой и ея деспотизмомъ. Нигдѣ короли не довели тираннію до такихъ сумасбродныхъ размѣровъ, нигдѣ не доводили они свои народы до такой бѣдности, рабства и нищеты, какъ именно во Франціи; и, дальше, всѣхъ французскихъ сувереновъ, которые умертвили такъ много людей, заставили вдовъ и сиротъ пролить такіе потоки слезъ, ограбили и опустошили такъ много городовъ и провинцій, всѣхъ ихъ далеко превзошелъ Людовикъ XIV, получившій титулъ Великаго получившій его, конечно, не за свои великія и достославныя дѣянія—ибо за нимъ не числится такихъ, которыя могли бы составить славу ему,—а за свою великую несправедливость, грабежи и насилія, великія опустошенія и избіенія людей, которыя производились имъ на водѣ и на сушѣ **). Мелье—ожесточенный врагъ государственнаго „старого строя“; по отношенію къ его защитникамъ онъ знаетъ только презрѣніе и ненависть. Цѣлую главу посвящаетъ онъ изображенію „тиранническаго прав-

*) *Le Testament* II, стр. 252—256.

**) *Le Testament*, II, стр. 47.

ленія послѣднихъ французскихъ королей“, при чемъ въ значительной степени пользуется чрезвычайно любопытнымъ сочиненіемъ: „*Salut de l'Europe en l'an 1694*“ *). Въ этой главѣ Мелье старается показать, до какихъ предѣловъ довели французскіе короли злоупотребленіе властью, возложенной на нихъ. Цѣлью всѣхъ дѣйствій правительства должно быть благоденствіе народа, а королямъ, которые доводятъ до невыносимыхъ размѣровъ свою тираннію надъ народомъ, сила и власть даны только затѣмъ, чтобы мудро и справедливо управлять народомъ и поддерживать миръ. Не народы созданы для королей, но короли для народовъ; обязанность короля заключается въ томъ, чтобы создать народу спокойствіе своими трудами и безопасность своими волненіями, наблюдать за тѣмъ, чтобы подданные его почивали въ безопасности, короче, пожертвовать своею личностью родиной. Добрый король любитъ своихъ подданныхъ, какъ отецъ своихъ дѣтей; тиранъ обращается съ ними, какъ съ рабами. Добрый король жертвуетъ собою для блага своего народа; тиранъ—народомъ жертвуетъ для своей гордости, своего честолюбія и своей мстительности. Добрый король подчиняется закону; тиранъ хочетъ, чтобы ему все позволялось. Добрый король скорѣе захочетъ спасти жизнь одного своего подданнаго, чѣмъ умертвить тысячи враговъ; король Людовикъ XIV не раздѣлялъ такихъ взглядовъ, онъ скорѣе пожертвовалъ бы тысячами своихъ подданныхъ, чѣмъ простилъ бы одного врага. Его принципомъ было: „*L'Etat c'est moi*“ („государство—это я“), и ему доставляли удовольствіе слова льстецовъ, что ему принадлежитъ все въ королевствѣ, что онъ одинъ можетъ объявлять войну и заключать миръ, по произволу повышать поземельные сборы и налагать пошлины, издавать законы, эдикты и ордонансы—вполнѣ по своему усмотрѣнію. Тѣ же льстецы научили его жестокой политикѣ: что слѣдуетъ предоставить народу умереть голодною смертію, чтобы поддержать покорность, и что реформы противорѣчатъ его интересамъ **). Если народъ живетъ въ

*) *Le Testament*, II, стр. 256—270. Въ наиболѣе существенныхъ пунктахъ оно представляетъ величайшее сходство съ сочиненіемъ: „*Les soupirs de la France*“, цитированнымъ въ первой главѣ.

**) Сравни. *Bonnetière*, *La France sous Louis XIV*, II, стр. 241. Въ „*L'esprit du cardinal Mazarini*“, Кельнъ 1695, стр. 295, г-жа Ментенонъ говоритъ кардиналу Мазарини, духъ котораго явился ей: „Какъ вамъ извѣстно, изъ опасенія, что съ повышеніемъ благосостоянія народа начали бы оказывать сопротивленіе, вы въ свое время соблюдали правило держать народы въ приниженности и нищетѣ; это справедливо, что бѣдность поддерживаетъ въ нихъ покорность и отнимаетъ у нихъ мужество“.

изобиліи, онъ становится гордъ и непослушенъ и всегда готовъ къ мятежу. Благосостояніе народа и престижъ суверена исключаютъ другъ друга; а такъ какъ послѣдній для народа необходимъ, то самому народу была бы причинена величайшая несправедливость, если бы для него создали хорошія условія жизни. Такой-то софистикой наполняютъ голову короля. Никто не отваживается противорѣчить ему или выразить порицаніе его поведенію. Каждый возвеличиваетъ его пороки, какъ добродѣтели, а крошечные таланты и добродѣтели, которыми онъ обладаетъ, прославляются какъ чрезвычайныя, самыя рѣдкостныя, героическія добродѣтели. Судьи и магистраты слишкомъ робки для того, чтобы выступить противъ пороковъ и несправедливостей сильнаго человека. Правда, они съ величайшею строгостью преслѣдуютъ и наказываютъ мелкихъ преступниковъ, присуждаютъ мелкихъ воровъ и убійцъ къ повѣшенію и колесованію, но не отваживаются ни слова сказать великимъ и сильнымъ ворами, великимъ и сильнымъ убійцамъ и поджигателямъ *).

Съ такими же упреками обращается Мелье и къ католическому духовенству: и оно подверглось всеобщей деморализаціи, и оно, вопреки своему призванію, заняло такую же позицію, какъ судьи. Въмѣсто протеста противъ несправедливостей, оно истощаетъ всѣ силы своего ума, чтобы оправдать ихъ и укрѣпить покорность народа. Папы и архіепископы и подчиненные имъ—величайшіе льстецы передъ сильными. Они громятъ со своихъ кафедръ ничтожнѣйшіе недостатки и пороки бѣднаго люда; при встрѣчѣ же съ ужасающими пороками сильныхъ они ведутъ себя, какъ „собаки, потерявшія слухъ“ **). Это—псевдо-пророки, тысячи которыхъ процвѣтаютъ благодаря поту французскихъ крестьянъ; они дали обѣтъ бѣдности—и въ великолѣпныхъ замкахъ вкушаютъ земныя наслажденія жизни; слишкомъ лѣнныя, чтобы работать и вести честную жизнь, они занимаются нищенствомъ и вымогательствами. И какъ разъ самыя лѣнныя и ни къ чему не годные изъ нихъ богаче всего снабжены благами міра сего. Напротивъ, сельскіе священники, на которыхъ возлагается духовное руководительство и забота о душахъ, которые обучаютъ крестьянъ доброй нравственности, равно какъ и пустымъ суевѣріямъ католической религіи, слѣдовательно, въ извѣстномъ смыслѣ ра-

*) *Le Testament*, II, стр. 271, 277, 281, 282.

**) *Le Testament*, II, стр. 284.

ботають для общаго блага, и тѣмъ самымъ получаютъ право на пропитаніе,—эти священники получаютъ плохое вознагражденіе и живутъ развѣ немногимъ лучше, чѣмъ сами крестьяне.

Монахи завѣряютъ, что они живутъ, умерщвляя плоть и умъ и пребывая въ непрестанныхъ моленіяхъ о помилованіи; однако, они продолжаютъ жить въ мірѣ съ большою пріятностью и владѣть богатствами, имѣніями и всякими предметами, которые дѣлаютъ жизнь привлекательной. Ихъ монастыри выглядятъ какъ барскіе дома или княжескіе дворцы; ихъ сады—земной рай, въ которомъ произрастаютъ прекраснѣйшіе цвѣты и плоды; ихъ кухни изобильно снабжены всѣмъ, что только можетъ удовлетворять похоти желудка,—рыбой и мясомъ, смотря по уставамъ ихъ орденовъ. Повсюду они сдаютъ въ аренду большія имѣнія, которыя приносятъ имъ крупные доходы; конечно, монахамъ и въ голову не приходитъ заработать эти доходы трудами рукъ своихъ. Въ большинствѣ приходоѡ они взимаютъ богатія десятины и часто пользуются всѣми правами сюзерена: слѣдовательно, они такъ счастливы, что безъ труда и заботъ собираютъ богатія жатвы тамъ, гдѣ они не сѣяли, и подбираютъ тамъ, гдѣ ничего не разсыпали. Они поэтому въ дѣйствительности богаты, хотя ничего и не дѣлаютъ; всѣ эти условія позволяютъ имъ вести хорошую и привольную жизнь, преисполненную сладкой и благочестивой лѣнью *). Такъ, напримѣръ, самый простой монахъ бенедиктинецъ можетъ выбирать любой изъ 15,000, а по другимъ даннымъ—даже изъ 37,000 монастырей, которые всѣ построены, какъ княжескія палаты; онъ можетъ поступить въ каждый изъ нихъ, чтобы тамъ, въ лонѣ богатства, исполнять свой обѣтъ бѣдности. И всѣ эти лѣнтяи живутъ трудомъ другихъ и бременятъ общество, ибо сами они не совершаютъ никакой полезной работы. Это—вопіющая несправедливость: такому лѣнивому и бесполезному люду давать пропитаніе, на которое имѣютъ право только добрые труженики, и вырывать изъ рукъ послѣднихъ то, что они производятъ въ потѣ лица своего,—вырывать, чтобы отдать потомъ многочисленнымъ бесполезнымъ монахамъ. Все, что сказано вообще о послѣднихъ, въ еще большей степени справедливо по отношенію къ нищенствующимъ монахамъ, которые еще сильнѣе тяготѣютъ на обществѣ **). Ибо, хотя они, повидимому, ничѣмъ не владѣютъ, они вла-

*) Le Testament, I, стр. 186.

**) Около половины XVIII вѣка значительно возрастаетъ число мужскихъ и женскихъ монастырей, а также число нищенствующихъ монаховъ. Это несомнѣнный

дѣютъ фактически всѣмъ, и при томъ еще меньше знакомы съ трудомъ, заботами и усиліями, чѣмъ даже монастырскіе монахи. Они—владыки надъ всякою совѣстью, и они же владыки всѣхъ городскихъ кошельковъ; чтобы имѣть, имъ стоитъ лишь попросить; они маленькія божества: скажутъ они, —такъ и будетъ. Въ то время какъ государство выступаетъ со строгими законами противъ нищихъ, способныхъ къ труду,—церковь выпускаетъ цѣлыя полчища бездѣльниковъ, которые страшатся работы и для которыхъ считается почетнымъ, что они живутъ нищенствомъ. Ибо только вслѣдствіе глубокаго заблужденія утверждаютъ, что нищенствующие монахи своими молитвами, мессами и жертвами отвращаютъ небесный гнѣвъ, низводятъ благословеніе и тѣмъ самымъ заслуживаютъ почетнаго и хорошаго пропитанія. Одинъ часъ добросовѣстной работы имѣетъ больше значенія, чѣмъ всѣ эти мессы, молитвы и проповѣди нищенствующихъ монаховъ. Добрый сельскій работникъ со своимъ плугомъ производитъ пищи больше, чѣмъ требуется для него; промыслы самыхъ мелкихъ и ничтожныхъ ремесленниковъ полезны и необходимы для государства; даже за флейтистомъ и жалкимъ скрипачемъ есть свои заслуги, ибо они забавляютъ людей. Профессія же всѣхъ этихъ монаховъ представляетъ ремесло, преисполненное только заблужденій, суевѣрій, обмановъ и фиглярства; далекая отъ того, чтобы быть полезной и необходимой, она скорѣе вредна и пагубна по своимъ послѣдствіямъ. Чему служатъ ея представители, если они не оказываютъ обществу ни одной дѣйствительной услуги? „Я не понимаю“, говоритъ одинъ турокъ, котораго цитируетъ Мелье—турокъ этотъ взять, конечно, изъ описаній „путешествій“ того времени.—„я не понимаю, какія политическія соображенія заставляютъ устраивать питомники для пиявокъ, которыя только и дѣлаютъ, что стараются высосать изъ народа кровь до послѣдней капли“ *). Мелье тоже не въ состояніи понять это. По своей враждѣ къ католическому духовенству, какъ и въ другихъ отношеніяхъ, онъ является истиннымъ предшественникомъ дѣятелей Революціи **).

симптомъ возрастанія бѣдности. Трудъ перестаетъ давать пропитаніе, и потому ухвачивается за нищенство, но за нищенство легальное, почетное: человѣкъ дѣлается нищенствующимъ монахомъ. Мелье (Le Testament, II, стр. 193), основываясь на соображеніяхъ епископа дю-Белье, опредѣляетъ число нищенствующихъ монаховъ въ 1.200,000. Несомнѣнно преувеличено!

*) Le Testament, II, стр. 201.

**) Многочисленные примѣры см. у Тэна, Происхожденіе современной Франціи, I Спб. 1880 г.

На этомъ еще не останавливается перечень общественныхъ группъ, задача которыхъ заключается единственно въ томъ, чтобы попирали ближнихъ, обладающихъ меньшею силой, мучить ихъ и выжимать изъ нихъ, что только возможно. Сюда, говоритъ Мелье, слѣдуетъ причислить еще тѣхъ, которыхъ обыкновенно называютъ служителями права, но которые въ дѣйствительности являются скорѣе служителями безправія: судейскихъ чиновниковъ, прокуроровъ, адвокатовъ, актуаріусовъ, совѣтниковъ, нотаріусовъ и т. д., потомъ бездну канцелярскихъ чиновниковъ, сборщиковъ пошлинъ и налоговъ, рой проходимцевъ, бездѣльниковъ и мошенниковъ—чиновниковъ по сбору табачнаго и соянаго налоговъ; всѣ они потѣшаются надъ народнымъ разореніемъ и подъ предлогомъ, что служатъ королю, грабятъ и обираютъ, разоряютъ и угнетаютъ слабыхъ и беззащитныхъ *).

Насиліе сильныхъ въ союзѣ съ ложными проповѣдями создало неравенство среди человѣчества: они захватили богатства и блага міра въ частную собственность, чтобы каждый могъ пользоваться ими въ своихъ интересахъ, какъ ему заблагоразсудится. Это злоупотребленіе, которое почти безъ исключеній повторяется во всѣхъ частяхъ міра, имѣло самыя печальныя послѣдствія для человѣчества. Каждый стремится захватить, сколько удастся. Ненасытная жадность, этотъ корень всякаго зла, двери передъ которой въ извѣстномъ смыслѣ открыты, высматриваетъ, какъ бы ей достигнуть удовлетворенія всѣхъ своихъ желаній, и гонитъ человѣка въ свалку изъ-за собственности; каждый старается пріобрѣсти какъ можно больше собственности для удовлетворенія своихъ потребностей и для наслажденій. Побѣдителями изъ этой борьбы выходятъ наиболѣе сильные и изворотливые, которые въ то же время являются наиболѣе дурными и недостойными. Такъ учрежденіе частной собственности раздѣляетъ людей на классъ богатыхъ и классъ бѣдныхъ. Одни хорошо одѣты, другіе—въ лохмотьяхъ; одни живутъ въ великолѣпныхъ дворцахъ, другіе—въ грязныхъ лачугахъ; одни утопаютъ во всевозможныхъ земныхъ наслажденіяхъ, другіе умираютъ отъ голода; жизнь однихъ переполнена радостью, другіе живутъ въ нескончаемой бѣдности и печаляхъ; одни окружены всяческой почестью, другихъ—презираютъ и избѣгаютъ; одни бездѣлничаютъ цѣлую жизнь, другіе истекаютъ кровавымъ потомъ изъ-за куска жалкаго хлѣба; одни

*) Le Testament, I, стр. 210.

въ раю, другіе въ аду,—и часто лишь узкая улица, даже только толщина стѣны раздѣляютъ небо и адъ,—вотъ что такое богатые и бѣдные. Смѣлое счастье кладетъ въ колыбель новорожденнымъ эти подарки: однимъ—собственность, другимъ—бѣдность и нищету. Откуда, какъ не изъ труда бѣднаго люда, протекаютъ всѣ эти богатства, обладаніе которыми позволило богатымъ превратить землю въ рай для себя? Промышленность бѣднаго народа создаетъ весь этотъ блескъ и сіяніе, которые переполняютъ палаты, руками того же народа создано величіе и сила его угнетателей. Все, что они выжимаютъ изъ народа, — дѣлаетъ ихъ гордыми и надменными и доставляетъ имъ новыя средства для угнетенія. Это раздѣленіе людей на два класса: собственниковъ и немущихъ, неизбежно порождаетъ между ними зависть и ненависть, мятежи и войны со всѣми ихъ ужасными спутниками—страданіями и пороками. Вся жизнь превращается въ нескончаемую борьбу за собственность. Собственники живутъ въ постоянныхъ тревогахъ и заботахъ изъ-за своего достоянія, которое они должны отстаивать въ безконечныхъ, часто разорительныхъ процессахъ. Тѣ же, у кого нѣтъ ничего, даже самаго необходимаго, вынуждены употреблять всевозможныя предосудительныя средства, чтобы добыть для себя пропитаніе. Такъ возникаютъ обманы, мошенничества, несправедливости, грабежи, воровство, убійства и разбои, которые несутъ съ собою бездну зла для человѣчества *).

Въ этомъ пунктѣ какъ нельзя болѣе ясно выступаетъ двойственность положенія, какое занимаетъ Мелье, критикуя тогдашній общественный строй. Онъ жилъ въ переходное время, когда изъ феодальнаго французскаго государства пробивалась на свѣтъ современная капиталистическая система хозяйства и современное государство. Все, что прежде было устойчивымъ, теперь начало колебаться. На ряду со старыми формами выступали новыя и своимъ существованіемъ порождали новое зло въ пополненіе къ старому, къ исконному злу. Поэтому и критика Мелье нерѣшительная, двойственная: она направлена и противъ стараго, феодальнаго государства и противъ новой, капиталистической системы, которая побѣдоносно борется за господство,—при всѣхъ различіяхъ у феодальнаго строя и капитализма остается общей та сто-

*) Le Testament, II, стр. 215. Здѣсь „Завѣщаніе“ Мелье поразительно напоминаетъ многія мѣста изъ „Утопіи“ Т. Мора. Сравни рус. пер. послѣдней въ приложеніи къ книгѣ *Тарле*, Общественныя воззрѣнія Т. Мора, Спб. 1901.

рона, что и тотъ, и другой основываются на порабощеніи народа. Рядомъ съ критикой феодальныхъ сословныхъ привилегій дворянства и духовенства мы находимъ у Мелье не менѣе рѣзкую критику частной собственности и современнаго общества, распадающагося на классы собственниковъ и немущихъ. Такимъ образомъ, въ его сочиненіи выступаютъ двѣ стороны: критика феодализма съ точки зрѣнія капитализма и критика капитализма съ радикальной точки зрѣнія. Вольтеръ въ своемъ „извлеченіи“ старательно устранилъ вторую сторону.

Однако, Мелье не считаетъ своего дѣла законченнымъ критикою французскаго государства и критикою католицизма. Онъ обращается къ критикѣ самихъ религіозныхъ понятій и представлений и потомъ опять выступаетъ противъ католическаго духовенства, которое своими ученіями препятствуетъ человѣчеству обратить землю въ рай и, отвращая другихъ отъ мірскихъ заботъ, само умѣетъ устраниваться на землѣ какъ нельзя лучше. И вотъ „тысячи и сотни тысячъ добрыхъ и справедливыхъ людей никогда не получаютъ награды за свои добродѣтели и добрыя дѣла, а, съ другой стороны, тысячи и сотни тысячъ презрѣнныхъ и гнусныхъ преступниковъ никогда не получаютъ наказанія за свои позорныя дѣла“.

„Я хотѣлъ бы“, восклицаетъ Мелье, „чтобы мой голосъ гремѣлъ изъ конца въ конецъ королевства и отъ одного края земли до другого. Я собралъ бы все силы и воззвалъ бы: Глупцы вы, о люди! Глупцы вы за то, что позволяете водить себя на помочахъ и такъ слѣпо вѣрите въ безконечныя глупости! Я вскрылъ бы передъ ними ихъ заблужденія и сорвалъ бы маску съ обманщиковъ и мучителей! Я укорялъ бы ихъ въ трусости, что они такъ долго переносятъ тираннію и не сбросятъ съ себя ея ненавистнаго ига“ *). Дальше Мелье разбираетъ вопросъ, позволительно ли стремиться къ освобожденію отъ тиранніи. Изъ первыхъ десятилѣтій XVIII вѣка—составленіе „Завѣщанія“ слѣдуетъ отнести къ этому времени — мы разомъ переносимся въ эпоху религіозныхъ войнъ **). Мы несколько не удивились бы, если бы встрѣтили такой типъ, какъ Мелье, въ эпоху католической Лиги: мощь, энергія, неумѣренность выраженій, мыслей и чувствъ дѣлаютъ его человѣкомъ скорѣе этой эпохи, чѣмъ періода fin de

*) Le Testament, III, стр. 372.

**) См. главу первую.

siècle въ правленіи Людовика XIV, когда оппозиція безсильныхъ, выродившихся маріонетокъ замираетъ въ плаксивыхъ причитаніяхъ.

Мелье вспоминаетъ, какъ люди классической древности боролись противъ угнетателей. Но теперь, продолжаетъ онъ, люди, сами не замѣчая этого, такъ привыкли къ порабощенію, что рабство превратилось для нихъ почти въ естественное состояніе. Души людей становятся рабскими,—и, вмѣстѣ съ тѣмъ, „изъ чрезмѣрности счастья угнетателей и изъ ихъ изобильнаго жира“ вырастаетъ ихъ высокомеріе и нахальство. Давно уже нѣтъ проповѣдниковъ и писателей, которые были бы настолько отважны, чтобы выступить съ порицаніемъ пороковъ и несправедливости, заклеить ихъ и воспламенить народъ на борьбу съ ними. Къ позору столѣтія приходится сказать, что теперь существуютъ только трусливые и ничтожные рабы, жалкіе льстецы и низкіе исполнители худыхъ эдиктовъ и плановъ. Судьи и чиновники, интенданты и губернаторы провинцій, полководцы, офицеры и солдаты — все они видятъ свою честь въ исполненіи приказаній, какъ бы жестоки и несправедливы послѣднія ни были. Отъ нихъ ото всехъ французскому народу нечего ожидать спасенія,—все они вступили въ союзъ противъ народа. Спасеніе Франціи лежитъ въ рукахъ самого народа. Его освобожденіе зависитъ только отъ него, такъ какъ онъ располагаетъ всеми необходимыми средствами и силами для высвобожденія. Въ самомъ дѣлѣ, все это величіе, все эти богатства, все силы и вся власть исходятъ только отъ народа и поддерживаются народомъ. Его собственными силами подчиняютъ его и удерживаютъ въ рабской зависимости; его же силами разорили бы одинъ за другимъ города и провинціи, если бы нѣкоторые изъ нихъ рѣшились оказать сопротивленіе и свергнуть тяготящее на нихъ ярмо. Но если все народы, все провинціи и города объединятся для общей борьбы противъ общаго врага, тогда тиранніи очень скоро настанетъ конецъ.

„Unissez-vous donc, peuples!—соединяйтесь же народы!—восклицаетъ Мелье,—соединяйтесь, если у васъ есть сердце, чтобы освободиться отъ своей общей нужды. Ободрайте другъ друга для такого благороднаго и важнаго дѣла. Прежде всего повѣдайте другъ другу свои сокровенныя думы и желанія. Со всею энергіей распространяйте летучіе листки и уясните всему міру всю пустоту заблужденій и суевѣрій и научите повсюду питать нена-

висть къ угнетенію. Оказывайте взаимную помощь въ такомъ справедливомъ и необходимомъ дѣлѣ, отъ котораго зависитъ общее счастье всѣхъ народовъ. Объединеннымъ народамъ удастся ниспровергнуть всякое угнетеніе. Народы должны подавить всѣ взаимные споры и вражду, чтобы всѣ свои силы направить противъ общаго врага, этой надменной особой человѣческой расы. Когда же она будетъ изгнана, когда народы освободятся и уничтожатъ угнетавшіе ихъ порядки, — тогда настанетъ время для созданія новаго общества“.

Мы попытаемся набросать картину этого новаго общества, пользуясь отдѣльными замѣчаніями Мелье. Само собою понятно, что центр тяжести книги Мелье лежитъ въ ея критической сторонѣ, что здѣсь онъ во многихъ случаяхъ положительно превосходитъ; напротивъ, положительная, конструктивная часть характеризуется значительною скудостью. Весь характеръ книги, ея задачи, необходимо приводить къ тому, что критика выдвигается на первый планъ передъ положительными построеніями. Мелье хотѣлъ повѣдать людямъ объ ихъ предразсудкахъ и глупости, о несправедливости исторически сложившагося общества; поэтому задача его была преимущественно критическая. Онъ могъ ограничиться тѣмъ, что въ отдѣльных мѣстахъ разбросалъ замѣчанія, какъ онъ представляетъ себѣ лучшую форму общества, и далъ только эскизный набросокъ характерныхъ чертъ этой формы: общность имуществъ и одинаковая для всѣхъ обязанность трудиться, федерація общинъ, общественное воспитаніе дѣтей, новая форма брака и т. д. Впрочемъ, еще одно соображеніе можетъ оправдать краткость Мелье въ конструктивныхъ частяхъ его работы. Мелье писалъ для крестьянъ, прежде всего для французскихъ крестьянъ, для крестьянъ своего прихода. Выставляя передъ ними общность имуществъ, какъ идеальную форму общества, Мелье справедливо не видѣлъ никакой необходимости въ томъ, чтобы со всѣми деталями описывать, какъ онъ рисуетъ ее себѣ въ своей головѣ. Французскій крестьянинъ достаточно зналъ общность имуществъ по своимъ семейнымъ общинамъ, по *communautés agricoles*; и въ Шампани, гдѣ лежала деревня Мелье и гдѣ онъ провелъ большую часть своей жизни, еще при Людовикѣ XIV и въ теченіе восемнадцатаго вѣка существовало большое количество такихъ семейныхъ общинъ. Крестьянинъ хорошо былъ знакомъ съ ихъ механизмомъ, — съ какой стати Мелье сталъ бы говорить о нихъ съ большей подробностью? Слѣдовательно, цѣль была вполне понятна

для крестьянина: она заключалась въ распространеніи уже существующей общественной формы на цѣлую Францію. Поэтому Мелье говорить лишь о средствахъ и путяхъ для достиженія такой цѣли. Средства же онъ видитъ въ просвѣщеніи и образованіи угнетеннаго крестьянскаго сословія, „которое, въ согласіи съ правилами просвѣщенной политики, до сихъ поръ держали въ глубочайшемъ невѣжествѣ и въ страхѣ передъ будущимъ наказаніемъ, чтобы съ тѣмъ большимъ удобствомъ держать его въ уздѣ“ *). По всему своему складу и по умственному кругозору самъ Мелье остается вполне крестьяниномъ. Онъ крестьянинъ настолько, что отъ его взора совершенно ускользаетъ промышленность и тотъ переворотъ, который благодаря ея развитію уже совершился или еще совершался во всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ; для него совсѣмъ не существовали проблемы, которыя выдвигались, напр., въ большихъ городахъ, какъ Парижъ и Ліонъ.

Основнымъ принципомъ, на которомъ построено новое общество Мелье, является положеніе, что всѣ люди отъ природы равны, при томъ не только юридически, но — даже прежде всего — и въ социальномъ отношеніи. Каждый гражданинъ имѣетъ право жить, пользоваться естественной свободой и своей долей въ благахъ этого міра; но это право на удовлетворительное существованіе связано съ условіемъ, что гражданинъ совершаетъ полезную работу для общества. Злоупотребленіе частною собственностью уничтожено; всѣ богатства и блага земли представляютъ общую собственность. Жители города, торговаго мѣстечка, деревни объединяются въ одну большую семью; „они видятъ другъ въ другѣ братьевъ и сестеръ, дѣтей одного отца и одной матери, и потому живутъ мирною и совмѣстною жизнью, получаютъ одинаковую пищу, одинаково хорошо одѣты, имѣютъ хорошія жилища, спятъ спокойно и снабжены хорошою обувью“ **).

Чтобы удовлетворить свои потребности, всѣ они, каждый въ своей профессіи, совершаютъ полезныя и почтенныя работы, причемъ ими руководятъ лучшіе и мудрѣйшіе члены общины. Ибо, хотя всѣ равны, общество, уже потому что оно человѣческое общество, для исполненія своей цѣли, для поддержанія порядка и для снабженія членовъ необходимыми жизненными средствами требуетъ извѣстнаго расчлененія людей и субординаціи. Но расчле-

*) Le Testament, III, стр. 391.

**) Le Testament, II, стр. 211.

неніе должно быть вполне справедливымъ и хорошо сообразованнымъ, чтобы оно не возвышало слишкомъ однихъ и не слишкомъ принижало другихъ. Эта задача не по силамъ для малыхъ дѣтей, глухонемыхъ и сумасшедшихъ или для дурныхъ и порочныхъ людей, на долю которыхъ теперь, благодаря господству случайностей, выпадаетъ ея разрѣшеніе. Только мудрейшіе могутъ руководить другими, управлять и давать хорошіе законы, цѣлью которыхъ всегда должно быть поддержаніе и развитіе общаго блага. Если каждый совершаетъ почтенную и полезную работу и если установлено мудрое завѣдываніе благами земли и плодами труда и прилежанія гражданъ, то всѣ получаютъ вполне достаточно для довольной и счастливой жизни: земля производитъ предметы, необходимые для жизни людей, почти всегда въ достаточномъ количествѣ, а часто даже въ изобиліи. Человѣку въ такомъ упорядоченномъ обществѣ были бы невѣдомы тревоги за себя и за своихъ дѣтей. Исчезнутъ надувательство и обманъ: не будетъ процессовъ изъ-за жизненныхъ благъ, ибо ни у кого не будетъ почвы для зависти; убійства и грабежи не станутъ нарушать миръ такой общины.

Итакъ, общины будутъ мирно и сообща планомерно воздѣлывать землю и сообща же потреблять продукты, которые онѣ произвели своимъ трудомъ въ своей области. Всѣ эти деревенскія и городскія общины поддерживаютъ миръ во взаимныхъ отношеніяхъ и заключаютъ союзъ на вѣчныя времена, чтобы помогать другъ другу и взаимно содѣйствовать въ удовлетвореніи потребностей, ибо безъ этого не могло бы водвориться всеобщее благо.

Культъ въ новомъ федеративно-организованномъ обществѣ не будетъ возстановленъ: это, въ связи съ уничтоженіемъ общности имущества, повело бы къ возвращенію къ прежнему состоянію рабства. Но зато господство тамъ будетъ принадлежать нравственному ученію, основными принципами котораго являются братство и равенство. Оно, уча людей работать для всеобщаго блага и свободы, дастъ имъ благородство чувствованій. Но такъ какъ лишь при свѣтѣ естественнаго разума, а не при помощи ханжества, люди могутъ достигнуть совершенства въ наукахъ, искусствахъ и морали, такъ какъ невѣжество и недостаточное воспитаніе дѣлаетъ людей порочными и дурными,—то Мелье признаетъ за воспитаніемъ дѣтей огромнѣйшее значеніе. Въ настоящее время,—говоритъ онъ,—тысячи дѣтей расплачиваются за бѣдность и де-

морализацію родителей; другія, беззащитныя сироты, вырастаютъ безъ воспитанія и обученія и нерѣдко вынуждены бродить по міру, жалобно выпрашивая хлѣбъ для себя. Въ государствѣ Мелье общество беретъ на себя воспитаніе и обученіе дѣтей. Всѣ должны получать одинаковое обученіе, научное и моральное, изъ всѣхъ должны, такимъ образомъ, воспитаться полезные для общины члены. Предписанія, регулирующія отношенія обоихъ половъ, тоже подлежатъ у Мелье радикальному измѣненію. На мѣсто расторжимаго католическаго брака, на который Мелье нападаетъ съ величайшею рѣзкостью — онъ чрезвычайно остроумно описываетъ при этомъ печальныя послѣдствія для дѣтей у супруговъ, вытекающія изъ несчастнаго брака,—на мѣсто католическаго брака у Мелье выступаетъ свободный союзъ вполне равноправныхъ половъ, заключаемый только по склонности и поддерживаемый только при наличности таковой, ибо она одна можетъ гарантировать счастливый бракъ.

Удивительную фигуру представляетъ этотъ священникъ изъ маленькой арденнской деревушки. Онъ возмущается, что философская школа Декарта отрицаетъ въ животныхъ жизнь чувствованій и смотритъ на нихъ, какъ на простыя машины; онъ жалуется, что тираннія не встрѣчаетъ отпора во Франціи. Онъ вызываетъ помѣщика своей деревни на борьбу изъ-за того, что тотъ побилъ своего крестьянина,—и онъ же терпѣливо сноситъ жизнь, которая представляетъ сплошное великое насилие надъ всѣми его думами и чувствами. Перенесенныя самимъ страданія — юность Мелье была переполнена суровыми впечатлѣніями — и состраданіе къ окружающей бѣдности обрушились со всей своей непосредственностью на мягкую натуру Мелье. Онъ никакъ не могъ понять, почему это всеблагій Богъ сдѣлалъ людей такими несчастными. Несправедливость общественнаго строя, среди котораго онъ жилъ, потрясла свободный и отважный умъ, нарушила его уравновѣшенность и вытравила въ немъ ту покорность, которую должно было сковать его воспитаніе къ духовному званію. Такъ священническое облаченіе превратилось для Мелье въ одѣяніе Несса, которое адскимъ огнемъ жгло его искреннюю, прямую натуру и превращало его кротость и доброту въ ужасную ненависть и ожесточеніе. Состраданіе къ тѣмъ, которые, какъ онъ видѣлъ, всю свою жизнь пригнетаются подъ непосильнымъ ярмомъ, заставило звучать изъ его „завѣщанія“ такіе тоны ненависти, которые своей демонической силой потрясаютъ еще и со-

временного читателя. Гейне гдѣ-то говорить о Кантѣ: „если бы бравые кенигсбергскіе лавочники знали, какія разрушительныя идеи, грозящія уничтоженіемъ міру, проносились въ мозгу этого человѣка, котораго они обыкновенно привѣтствовали такъ дружелюбно,—они трепетали бы передъ нимъ больше, чѣмъ передъ палачемъ“. Какой ужасъ охватилъ бы прихожанъ Мелье, если бы они знали, что за думы и чувства скрываются въ немъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Промышленность въ XVI и XVII вѣкѣ.

Верассъ д'Алле, первый изъ великихъ французскихъ утопистовъ, вводитъ насъ въ совершенно новую область и раскрываетъ передъ нами несравненно болѣе широкіе горизонты. Изъ тѣсныхъ, ограниченныхъ отношеній, среди которыхъ живетъ мелкій крестьянинъ и бѣдный сельскій пастырь, мы переносимся въ два центра современной промышленности и современной торговли, въ Лондонъ и Парижъ; изъ тишины деревенской жизни—въ безустанную сутолоку городовъ и на пути отважныхъ крупныхъ купцовъ, этихъ наполовину авантюристовъ, наполовину все считающихъ дѣльцовъ. Мелье, повидимому, еще не знаетъ существованія промышленности, по крайней мѣрѣ ея самостоятельнаго существованія. Мелье борется противъ новаго, капиталистическаго способа производства лишь постольку, поскольку тотъ захватилъ земледѣліе,—противъ крупной аренды и противъ превращенія мелкихъ крестьянъ въ крестьянъ-батраковъ. Верассъ, напротивъ, является сыномъ индустріализма, который получилъ при Кольберѣ такое мощное развитіе; его занимаютъ прежде всего проблемы индустріализма. Его происхожденіе отъ гугенотовъ—французская торговля и французская промышленность лежала главнымъ образомъ въ рукахъ кальвинистовъ,—его путешествія въ Англію и Голландію, которыя, особенно послѣдняя, были тогда самыми развитыми въ промышленномъ отношеніи странами, его пребываніе въ Парижѣ въ эпоху министерства Кольбера,—все это какъ будто нарочно соединилось для того, чтобы надѣлать Верасса глубокимъ знаніемъ промышленности и правильнымъ пониманіемъ ея общественной роли. Съ другой стороны, усердные занятія географіей, исторіей и политикой познакомили Верасса

съ дѣйствительно существовавшими и съ идеальными коммунистическими обществами, каковы перуанское государство и идеальное государство Томаса Мора, расширили его кругозоръ и снабдили его оружіемъ критики, которымъ онъ умѣлъ владѣть съ величайшимъ искусствомъ. Впослѣдствіи мы въ деталяхъ прослѣдимъ отдѣльные моменты, подъ воздѣйствіемъ которыхъ слагался Верасъ, и покажемъ, въ чемъ заключается его оригинальность и что прогрессивнаго внесъ онъ отъ себя въ утопическія построения. Здѣсь же мы обстоятельнѣе остановимся на одномъ изъ важнѣйшихъ фактовъ его утопіи и дадимъ—сжатое, впрочемъ,—описание французской промышленности, чтобы показать, какимъ образомъ вообще могла возникнуть такая книга, какъ написанная Верассомъ. Для этого необходимо обратиться къ исторіи промышленности съ начала XVI вѣка.

XVI столѣтіе въ исторіи Франціи ознаменовано тремя большими группами войнъ: войны Карла VIII и Людовика XII въ Италіи, войны Франциска I противъ Карла V и религіозныя войны. Послѣднія въ конецъ расшатали земледѣліе, промышленность и торговлю; напротивъ, обѣ первыя группы войнъ оказали самое благоприятное вліяніе на развитіе французской промышленности. Французы, полуварварскій народъ еще къ концу XV вѣка, непосредственно ознакомились съ Италіей, этой наиболѣе культурной и промышленной европейской страной. Къ началу XVI столѣтія итальянскіе города достигаютъ, несомнѣнно, зенита своего промышленнаго развитія *). Венеція была знаменита своими шелковыми и суконными мануфактурами, своими прядильными и красильными заведеніями и производствомъ предметовъ изъ кожи; венеціанскія кружева были вѣтъ конкуренціи. Венеціанскіе сахарно-рафинадные заводы, венеціанское производство мыла, стекла и зеркалъ, венеціанскія печатныя заведенія снабжали весь міръ своими продуктами и повсюду вызывали изумленіе и почетъ. Флоренція по своей промышленности не уступала Венеціи; одно только флорентійское суконное производство давало занятія 30.000 рабочихъ. Дальше мы назовемъ еще только Геную и Миланъ. Параллельно промышленности и торговлѣ развивался весь аппаратъ капиталистическаго хозяйства: во Флоренціи въ особен-

*) Сравни. *Ковалевскій*. Происхожденіе современной демократіи, т. IV. Онъ посвященъ преимущественно судьбамъ Италіи въ XVIII вѣкѣ, но заключаетъ немало любопытныхъ страницъ о промышленности и торговлѣ и въ предыдущія столѣтія.

ности банковое дѣло, въ Венеціи—система бумажныхъ денегъ, статистическія бюро и т. д.

Понятно, что непосредственное соприкосновеніе французовъ съ такой высокой культурой должно было оказать на нихъ самое значительное вліяніе. Карлъ VIII вывезъ съ собой изъ Неаполя во Францію цѣлую колонію архитекторовъ, скульпторовъ, художниковъ и ремесленниковъ. Члены его свиты познакомились въ Неаполѣ и окрестностяхъ съ обширными шелковыми мануфактурами и рѣшили культивировать ихъ и во Франціи *). Любопытно, что этотъ фактъ засвидѣтельствованъ Оливье де-Серромъ, который столѣтіемъ позже сдѣлалъ такъ много для насажденія шелководной культуры во Франціи. „Нѣкоторые дворяне изъ свиты Карла VIII, которые замѣтили богатство Неаполитанскаго королевства шелкомъ“,—разсказываетъ онъ въ своей знаменитой книгѣ „Théâtre d'agriculture“,—„унесли съ собою во Францію желаніе украсить свои дома такими же тканями. И вотъ, когда итальянскія войны закончились, они приказали привезти изъ Неаполя тутовыя деревья, которыя они насадили въ Провансѣ, причѣмъ этому дѣлу благоприятствовала ничтожность различій между климатами въ обѣихъ странахъ **).

Людовикъ XII со своимъ министромъ, кардиналомъ д'Амбуазомъ, и особенно Францискъ I обнаружили несравненно большую настойчивость, чѣмъ Карлъ VIII, въ дѣлѣ насажденія итальянской промышленности во Франціи. Что усилія ихъ не остались безрезультатными, это лучше всего доказывается донесеніями венеціанскихъ пословъ при французскомъ дворѣ. Не скрывая ревнивыхъ опасеній, разсказываютъ они о быстромъ расцвѣтѣ французской промышленности и о той конкуренціи, какою она угрожаетъ итальянской мануфактурѣ ***). Въ Нижней Нормандіи и въ Пикардіи обосновалась шерстяная промышленность. Лучшіе сорта французской шерсти шли на обыкновенныя сукна, а изъ тонкой англійской и испанской шерсти вырабатывались болѣе дорогіе товары. Значительно развилась и процвѣтала льняная промышленность. Льно-прядильныя заведенія были устроены въ Лаваль,

*) Сравни. *Э. Зевортъ*, Исторія Новаго Времени, К. 1883, стр. 252 и слл. Относительно О. де-Серра см. *В. Голлицъ*, Государственное хозяйство во Франціи XVII в., М. 1878, стр. 18 и слл.

**) Théâtre d'agriculture, книга V, гл. XV.

***) Донесенія эти напечатаны въ Collection des Documents inédits sur l'histoire de la France. Они охватываютъ періодъ 1528—1560 г.г., на который приходится расцвѣтъ французской промышленности.

Камбре, Реймс и Бовуази. Полотна вывозились въ Англію, Испанію и Италію. Въ Турени сдѣлала большіе успѣхи шелковая промышленность—въ Турѣ до 8000 станковъ перерабатывали итальянскій и испанскій шелкъ (1546 г.),—а также производство золотыхъ и ювелирныхъ издѣлій и кожъ. Словомъ, Франція очень успѣшно и съ большою энергіей шла по пути промышленнаго развитія; перерывъ въ немъ былъ вызванъ долгими войнами Франциска I и Генриха II противъ дома Габсбурговъ, а потомъ постоянное повышеніе ввозныхъ и вывозныхъ пошлинъ, продиктованное фискальными соображеніями, сдѣлало торговлю абсолютно немислимою и такимъ образомъ расштало и разорило промышленность. Крахъ ея былъ завершёнъ религіозными войнами.

Только съ замиреніемъ Франціи при Генрихѣ IV открывается новый періодъ расцвѣта промышленности. При содѣйствіи Оливье де-Серра и Бартоломея де-Лаффема^{*} король принялъ энергичныя мѣры для возрожденія мануфактуры; прежде всего и преимущественно онъ оказывалъ покровительство и поддержку производству предметовъ роскоши, но, впрочемъ, не забывалъ производства и предметовъ необходимости. Оливье де-Серръ, *Théâtre d'agriculture* котораго представляетъ первое систематическое руководство по агрикультурѣ, занимался преимущественно шелковою промышленностью; цѣлую главу въ своей книгѣ онъ посвятилъ изложенію наилучшихъ средствъ, при помощи которыхъ, по его мнѣнію, можно акклиматизировать во Франціи культуру шелка. Еще большаго значенія для французской промышленности имѣла дѣятельность Бартоломея де-Лаффема^{*}). Въ 1598 году онъ представилъ Генриху IV составленную въ формѣ королевскаго эдикта памятную записку, въ которой развивалась цѣлая программа политики по отношенію къ промышленности. Де-Лаффема начинаетъ съ указанія, что Парижъ, Ліонъ и Туръ уже въ прежніе годы доказали свою способность перерабатывать и красить шелка не хуже, чѣмъ въ знаменитѣйшихъ городахъ Италіи; что Пикардія, Шампань и Байонна могутъ производить такіе же хорошіе полотна, какъ Фландрія; что кружева Лангедока по тонкости не уступаютъ нидерландскимъ и что шерстяныя ткани Реймса и Амьена лучше всякихъ другихъ. Достойно смѣху продавать за границу сырые матеріалы, какъ ленъ, пенька и шерсть, и потомъ получать ихъ обратно изъ-за границы въ видѣ готовыхъ товаровъ. Если бы

^{*}) *Зесортъ*, ib., стр. 323 и слл. *Голлмюсъ* ibid., 19 и др.

Франція сама занялась переработкой, число бѣдныхъ, которые бѣдны вслѣдствіе безработицы, значительно уменьшилось бы. Слѣдовательно, Франція вполне можетъ сдѣлаться промышленной страной; она даже въ высшей степени заинтересована въ томъ, чтобы сдѣлаться таковою. Для достиженія этой цѣли Лаффема предлагаетъ прежде всего запретить ввозъ продуктовъ заграничныхъ мануфактуръ, за исключеніемъ хорошихъ книгъ и произведеній искусства, а также запретить вывозъ всѣхъ сырыхъ матеріаловъ и полуфабрикатовъ. Съ другой стороны, онъ призналъ настоятельно необходимымъ уничтоженіе всѣхъ внутреннихъ таможенныхъ границъ и замѣщеніе всѣхъ налоговъ, обременявшихъ торговлю, единымъ налогомъ, который долженъ взиматься въ размѣрѣ одного су съ каждаго ливра цѣнности всѣхъ хлѣбовъ и другихъ товаровъ, предназначенныхъ для продажи. Рядъ важнѣйшихъ мѣръ, предлагаемыхъ имъ, завершается созданіемъ должности генеральнаго контролера и учрежденіемъ постоянной торговой камеры, на которую возлагается задача изучать потребности торговли и въ случаяхъ необходимости реформировать торговое законодательство и торговую полицію^{*}).

Такимъ образомъ, де-Лаффема стремится однимъ ударомъ смести съ лица земли безконечную раздробленность и расчлененность, характерную для феодализма и разбивавшую Францію на множество территорій, обособленныхъ одна отъ другой таможенными и другими границами. Онъ хотѣлъ создать во всей странѣ то единообразіе условій, въ которомъ современная торговля нуждается такъ же, какъ и современная промышленность. Эта идея была воспринята потомъ Кольберомъ, но и онъ реализовалъ ее только отчасти, и только французская революція уничтожила названія старыхъ провинцій; она раздѣлила страну на извѣстное число департаментовъ и создала вмѣстѣ съ административнымъ единствомъ коммерческое единство.

Приказомъ отъ 20-го іюля 1602 года Генрихъ IV изъ всѣхъ предположеній Лаффема осуществилъ только послѣднее — учрежденіе торговой камеры. Вниманіе новой комиссіи прежде всего было направлено на шелковую промышленность — обширная ліонская промышленность беретъ свое начало именно изъ этого

^{*}) Памятная записка де Лаффема (а также пренія торговой камеры) напечатана въ *Collection des Documents inédits sur l'histoire de la France. Mélanges historiques*, т. IV, стр. XV—XXXIII.

времени,—потомъ на шерстяную промышленность, на полотняныя мануфактуры въ предмѣстьяхъ Руана, а впоследствии и на другія производства. Фабрикація обоевъ и гобеленовъ, хрусталя и зеркалъ обязана своимъ возникновеніемъ также Генриху IV. Онъ заманивалъ венеціанскихъ рабочихъ обѣщаніями высокой заработной платы и другихъ выгодъ, приказывалъ тайкомъ вывозить ихъ во Францію изъ Венеціи и принималъ во французское подданство, чтобы спасти ихъ отъ мести покинутыхъ родныхъ городовъ.

Въ сущности, въ царствованіе Генриха IV французская промышленность пережила полное возрожденіе; но регентство Маріи Медичи опять положило ея развитію быстрый конецъ. Ришилье, слишкомъ занятый „большой политикой“, борьбой противъ дома Габсбурговъ, не могъ обратить свое вниманіе и на промышленность; эпоха Фронды была эпохой полного разоренія Франціи,—какъ могла бы здѣсь развиваться промышленность! Истощенная страна начинаетъ вновь оживать только въ послѣдніе годы Мазарини, при министрѣ финансовъ Фуке, и только Кольберъ рѣшительно направляетъ вновь пробуждающуюся жизненную силу и энергію на путь промышленнаго развитія.

Какъ и Генрихъ IV, Кольберъ начинаетъ съ основанія новыхъ предпріятій для производства предметовъ роскоши и лишь потомъ постепенно привлекаетъ въ сферу своего покровительства производство и необходимыхъ предметовъ. Онъ устроилъ „королевскую мануфактуру мебели“, руководство которой было возложено на ле-Брюна, и для содѣйствія ей собралъ въ Hôtel des Gobelins художниковъ, скульпторовъ, золотыхъ дѣлъ мастеровъ, краснодеревщиковъ, словомъ, искуснѣйшихъ работниковъ изъ всевозможныхъ ремеслъ, участвующихъ при изготовленіи meubles, т. е. всякихъ предметовъ, которые служатъ для меблировки и убранства палатъ. Онъ основалъ, дальше, двѣ новыхъ фабрики ковровъ; одна изъ нихъ—въ Бове—впрочемъ, скоро погибла изъ-за слишкомъ ужъ высокихъ цѣнъ. Но съ особенной быстротой при управленіи Кольбера выросъ Лионъ. Еще Людовикъ XI въ борьбѣ съ жителями Ліона насаждалъ тамъ шелковую промышленность; (въ 1469 году) онъ же перенесъ ее въ Туръ, гдѣ она очень скоро достигла высокой степени процвѣтанія *). Но Генрихъ IV и Оливье де-Серръ, устраивая обширныя плантаціи тутоваго

*) *Vital de l'alour*, Etienne Turquet et les origines de la fabrique lyonnaise, Лионъ, 1868.

дерева, постепенно передвинули центръ шерстяной промышленности изъ Тура снова въ Лионъ; эта промышленность нашла здѣсь благопріятную почву, между прочимъ, и потому, что еще Францискъ I переселилъ сюда многочисленныя семейства миланскихъ шелко-ткачей. И вотъ уже къ началу XVII столѣтія изящныя и прекрасныя лионскія фабrikаты побиваютъ произведенія всѣхъ конкурентовъ. Благодаря поддержкѣ Кольбера, городу удалось завоевать монопольное положеніе на европейскомъ рынкѣ. При содѣйствіи Шарье, тогдашняго прево (старшины) лионскихъ купцовъ, Кольберъ основывалъ фабрики всевозможныхъ издѣлій изъ шелка: бархата, парчи, шелковыхъ чулокъ и т. д. При помощи патентовъ, привилегій, денежныхъ пожалованій, запрещенія ввоза,—короче, при помощи всѣхъ мыслимыхъ средствъ воспитывалъ Кольберъ, какъ въ теплицѣ, лионское производство, и воспитывалъ настолько успѣшно, что въ 1685 году Лионъ насчитывалъ 13,000 ткацкихъ станковъ. 20 лѣтъ спустя, вслѣдствіе изгнанія гугенотовъ изъ Франціи и вслѣдствіе нескончаемыхъ войнъ, число станковъ упало до 2000, и только въ 1753 году опять дошло до прежней цифры.

Какъ съ шелковой промышленностью, такъ обстоило дѣло и съ другими. Тайкомъ переманивая во Францію иностранныхъ рабочихъ—въ этомъ случаѣ Кольберъ вѣрно слѣдовалъ политикѣ предыдущихъ царствованій, особенно Генриха IV, — Кольберъ насаждалъ во Франціи одно за другимъ иностранныя производства, напр. кружевное и зеркальное, заимствованныя у Венеціи. Въ 1665 году была основана первая мануфактура зеркалъ, — въ С. Антуанѣ, парижскомъ предмѣстьи; за ней скоро послѣдовала другая въ Неверѣ. Реймсъ сдѣлался центромъ кружевного производства.

Но Кольберъ не ограничился производствами, доставляющими предметы роскоши. Онъ содѣйствовалъ переселенію шерстяной мануфактуры изъ Англіи и особенно изъ Голландіи, съ продуктами которыхъ французскія фабrikаты не могли конкурировать ни по добротѣ, ни по изяществу. Производство тонкихъ суконъ во Франціи начинается съ основанія голландцемъ ванъ-Робе при помощи Кольбера мануфактуры въ Аббевилѣ; скоро тамъ работало уже 1.692 рабочихъ и работницъ въ трехъ предпріятіяхъ. Старыя суконныя мануфактуры—въ Седанѣ, Лувьерѣ, Эльбефѣ—были преобразованы и поставлены на высоту тогдашней техники. Для поддержанія туземной суконной мануфактуры Кольберъ запретилъ въ 1666 году ввозъ англійскихъ суконъ и наложилъ вы-

сокія пошлины на сукна, ввозимыя изъ Испаніи, Фландріи и т. д. (тарифъ 1667 года). Статистическое изслѣдованіе, произведенное въ 1669 году, показало, что подъ защитой тарифа было въ ходу 34.200 станковъ, на которыхъ работало 60.000 рабочихъ, производившихъ 671.000 кусковъ сукна.

Такое же содѣйствіе встрѣтило со стороны Кольбера производство вязаныхъ чулокъ. Одинъ купецъ, по имени Камюзе, получилъ привилегію на это производство; городскіе и деревенскіе мэры были обязаны предоставлять въ его распоряженіе приспособленныя мастерскія: безработныхъ мужчинъ и женщинъ, а также дѣтей отъ 10-лѣтняго возраста принуждали работать въ этихъ мастерскихъ.

Такую же поддержку встрѣтило множество и другихъ производствъ, на которыхъ въ данномъ случаѣ нѣтъ возможности останавливаться.

Относящіеся къ послѣднимъ годамъ министерства Кольбера отчеты, въ которыхъ интенданты доносятъ о состояніи подвѣдомственныхъ имъ округовъ, даютъ ясную картину промышленнаго развитія во Франціи *). Французская промышленность никогда не была въ такомъ цвѣтущемъ состояніи, какъ въ это время, и Франція была, несомнѣнно, на вѣрномъ пути, чтобы сдѣлаться одною изъ самыхъ промышленныхъ странъ въ Европѣ. Но по смерти Кольбера новыя мануфактуры, вслѣдствіе безсмысленной военной и церковной политики Людовика XIV, разрушаются почти съ такою же быстротою, какъ онѣ выросли. Благодаря правительственной политикѣ въ предыдущій періодъ промышленность сосредоточилась почти исключительно въ рукахъ гугенотовъ. Ришелье уничтожилъ ихъ политическую самостоятельность, но въ то же время милостивымъ Нантскимъ эдиктомъ положилъ конецъ ихъ мятежамъ; съ этого времени они перестаютъ составлять государство въ государствѣ. Имъ предоставили свободу вѣроисповѣданія; Мазарини и въ этомъ отношеніи былъ продолжателемъ Ришелье; онъ сумѣлъ настолько привязать гугенотовъ къ королевской власти, что имѣлъ основаніе называть ихъ своимъ „вѣрнымъ стадомъ“ (*troupeau fidèle*). Но въ то же время гугенотамъ былъ закрытъ доступъ ко всѣмъ придворнымъ должностямъ и

*) *Levasseur*, Histoire des classes ouvrières en France jusqu'à la Révolution, Парижъ 1859, II, стр. 259—277. Въ 1901 году вышло новое, исправленное и дополненное, изданіе этого цѣннаго изслѣдованія.

къ большинству государственныхъ, а также къ ремесленнымъ корпораціямъ. Въ войскѣ тоже косо смотрѣли на нихъ—примѣромъ тому можетъ служить Верассъ,—и потому имъ оставалось, въ сущности, только одно: обратиться къ земледѣлію, промышленности и торговлѣ, какъ единственнымъ занятіямъ, доступнымъ для нихъ. Обладая болѣе высокой интеллигентностью, чѣмъ вообще католическое населеніе, тѣсно связанные своей религіей съ такими выдающимися по промышленному развитію протестантскими странами, какъ Голландія, Англія, а отчасти и Швейцарія, гугеноты безъ особаго труда сосредоточили въ своихъ рукахъ почти все вновь возникающія французскія мануфактуры. Торговля въ Бордо и Ла-Рошеліи направлялась преимущественно гугенотами; благодаря богатству и широкимъ торговымъ сношеніямъ, гугенотамъ же принадлежало вліятельное положеніе въ суконныхъ и шелковыхъ, полотняныхъ и бумажныхъ мануфактурахъ Седана, Аббевиля, Лувьера, Эльбефа, Реймса, Оверни, Ліона и Тура. Кольберъ, этотъ дѣлопроизводитель современнаго индустриализма, постоянно бралъ гугенотовъ подъ свое покровительство и, гдѣ только могъ, противодействовалъ гоненіямъ, которыми угрожали имъ святоши, окружавшіе ограниченаго короля.

Но черезъ два года по смерти Кольбера Нантскій эдиктъ былъ отмѣненъ, и началось выселеніе гугенотовъ. Они уносили съ собою свои таланты, свое умственное превосходство, богатые сокровища опыта, который они накопили долгими годами трудолюбивой дѣятельности во всѣхъ отрасляхъ производства; они уносили съ собою и очень значительные капиталы и, какъ миссіонеры французской промышленности, несли ихъ въ большинство странъ Европы, которыя гостепріимно давали имъ пристанище *). Вскорѣ по изданіи эдикта и по выселеніи гугенотовъ интендантъ Турени констатировалъ, что въ шелковой промышленности Тура, дававшей недавно занятія 40.000 рабочимъ, считая въ томъ числѣ малолѣтнихъ и женщинъ, теперь было занято всего лишь 4.000; что число станковъ, на которыхъ ткали парчу, понизилось съ 8.000 до 1.200, число станковъ для тканія лентъ—съ 3.000 до 60-ти. Не меньше потерялъ и Ліонъ, въ которомъ количество ткацкихъ станковъ упало съ 13.000 до 4.000.

Семнадцатое столѣтіе было свидѣтелемъ того, какъ во Франціи возникала и развивалась крупная мануфактура. Конечно, она не

*) *Ch. Gourand*, Histoire de la politique commerciale. Парижъ 1854, стр. 282 и сл.

могла не оказать влияния на условия жизни лиц, занятых в ней; но, в общем, преобразование этих условий было далеко не таким решительным и всеобщим, как можно бы думать *). Не следует забывать, что все операции — подготовка волокнистых веществ, прядение и ткачество — совершались руками, и что тесная связь между земледелием и домашней промышленностью оставалась самым распространенным явлением, так как большинство станков, особенно для более простых сортов тканей, стояло в избытках сельских рабочих и во дворах мелких арендаторов. Насажены Генрихом IV производства — шелковых изделий, кружев и ковров — развивались первоначально не в городах, а в деревнях, куда они спасались от вражды и гонений городских корпораций. Кольбер видел свою главную и настоятельную задачу в освобождении этого домашнего (кустарного) производства деревень от тех придирок и тягот, которые обрушивали на него корпорации соседних городов. Поощрение, оказываемое им прядению и ткачеству из шерсти, льна и пеньки, на первых порах несколько не затрагивало старого строя вещей и вело только к увеличению количества работ, совершаемых в домашнем производстве; следовательно, результатом промышленного развития было первоначально только распространение и расширение домашнего производства. Такая политика не вела к запустению деревни и к стремительному возрастанию городов, — напротив, она животворно воздействовала на сельское население.

Тем не менее, уже первые предприятия, основанные Кольбером, имели тенденцию вытеснять до известной степени индивидуальный труд в обособленной мастерской работой в мануфактурах. Было бы любопытно проследить в одном из вновь созданных производств, в производстве тонких кружев, эту борьбу между домашним производством и мануфактурой. Тонкие кружева сначала изготовлялись только в Венеции. Когда Кольберу удалось овладеть тайной их фабрикации, он употребил все усилия, чтобы новое кружево, которому он дал название „point de France“, сделало предметом национального производства. Он учредил особое общество, снабдил его ис-

ключительной привилегией производить тонкие кружева и дал ему право основывать предприятия во всех провинциях королевства. Так возникли кружевные мануфактуры в Реймсе, Бурбонэ, Оверни и Нормандии. Реймская мануфактура насчитывала в начале 58 работников, а в конце первого года уже 148 работников; мануфактура в Бурж — 140 работников. Основывая общество, Кольбер преследовал двойную цель: сделать Францию независимой от заграничного производства и насадить промышленность в деревнях. Но так как он дал этому обществу исключительную привилегию и, следовательно, запретил фабрикации всяких других кружев, кроме тонких, то работники, которые прежде делали кружева других сортов, были вынуждены отбывать теперь новый срок ученичества. Кроме того, предприниматели нашли более удобным для себя давать работу лишь таким работницам, которые соглашались работать в построенных обществом мастерских. Но большинство работников не могло отлучаться из дома, и вот по всем этим причинам начинается борьба между ними и предпринимателями. Из 900 двоек, которые познакомились в Бурже с техникой производства новых кружев, в мастерских осталось всего 140, а остальные начали работать дома на конкурентов. В Алансон деле дошло прямо до бунта. В городе и окрестностях уже с давних пор существовало производство известного сорта простых кружев; около этого дела кормилось до 8.000 человек, — женщин и малолетних. Введение новых образцов и принуждение работать в мастерских грозило лишить их работы. Вспыхнул мятеж, и взбунтовавшиеся женщины едва не убили агента Кольбера. Компромисс, предложенный работницами, был отклонен; но хотя администрация пустила в ход все свои силы, из 8.000 работников удалось примирить с новым способом производства и с мастерскими не более 250.

Кроме этого действия — объединения значительных масс рабочих в одном предприятии, — следует обратить внимание еще на два явления, вызванных новым способом производства: создание нового класса предпринимателей и нового класса рабочих.

Мануфактура, характерной чертой которой является то обстоятельство, что она — крупное производство, не могла бы развиваться внутри цеховой организации; здесь ее со всех сторон стесняли бы и ограничивали. Достаточный простор для своего роста и необходимую свободу движения для своих членов она

*) Для последующего сравн. Ковалевский, *ib.*, I, 203 — 241; Карпеев, *ib.* III, 113 — 125; и особенно дополнения проф. Луцкого к Зеворту, *ib.*, стр. 642 — 675 и др.

могла найти только внѣ цеховъ. И вотъ, выступаетъ на сцену новый классъ мастеровъ, который составляется изъ собственниковъ и директоровъ мануфактуръ, изъ богатыхъ промышленниковъ; они не принадлежатъ ни къ одной изъ старыхъ корпорацій и не хотятъ основывать новыя. Они стоятъ подъ непосредственною защитою короля и въ большинствѣ случаевъ пользуются чрезвычайными привилегіями; и только благодаря помощи королей властью и деньгами и благодаря предоставленнымъ имъ монопольнымъ правамъ, они могли начать борьбу съ ревнивыми корпораціями, которыя относились къ нимъ съ большою враждебностью. Монополіи слѣдовало противопоставить монополію. Этому новому классу монополистовъ, который двигалъ впередъ развитіе все революціонизирующаго крупнаго производства, захваченнаго имъ въ свои руки, суждено было уничтожить въ свое время юридическія привилегіи стараго класса монополистовъ, чтобы замѣнить ихъ потомъ экономической монополіей, которая тоже оказалась въ его рукахъ. Титуль „королевская мануфактура“, „*manufacture royale*“, которымъ надѣлилъ Кольберъ свои созданія, былъ для послѣднихъ внушительной охранною грамотою, которая, подчинивъ мануфактуры непосредственно королевской власти и королевской инспекціи, избавила ихъ отъ исковъ и надзора со стороны ремесленныхъ корпорацій. Тому, кто работалъ *par privilège du roi*, на основаніи королевской привилегіи, можно было смѣяться надъ нападками цехового мастера.

Правда, и мануфактуристъ не былъ свободенъ отъ всякихъ регламентовъ; но регламенты эти издавались короной, и корона же наблюдала за ихъ исполненіемъ. У коронныхъ же чиновниковъ не было никакого интереса въ томъ, чтобы рядомъ придинокъ нанести вредъ предпринимателю,—стремленіе, обычное для цеховыхъ должностныхъ лицъ по отношенію къ другимъ мастерамъ того же цеха. Регламенты Кольбера, въ интересахъ потребителей и самой развивающейся промышленности, имѣли цѣлью достигнуть извѣстной добротности товаровъ. Отсюда—предписанія примѣнять новѣйшіе и совершеннѣйшіе способы производства; отсюда—часто доходящія до мелочности предписанія касательно, напр., ширины полотнищъ, длины кусковъ и т. д.; отсюда и суровыя наказанія для предпринимателей-обманщиковъ, и тотъ принципъ, что безъ королевскаго разрѣшенія не можетъ быть основана ни одна мануфактура, ни одно промышленное предпріятіе.

Кольберъ не внесъ никакихъ измѣненій въ законодательство

о мануфактурныхъ рабочихъ. Персоналъ, въ которомъ нуждалась мануфактура, въ значительной степени былъ подготовленъ для нея уже цеховою системою. Это—рабочіе, которые не имѣли возможности получить въ цехѣ званіе мастера и которые, какъ свободные, внѣ-цеховые рабочіе, занимались своимъ ремесломъ въ деревняхъ, маленькихъ городахъ и въ предмѣстьяхъ большихъ городовъ. Мануфактура привлекала эти рабочія силы, отвергнутыя ремесленными корпораціями, формировала изъ нихъ свои кадры и создавала среди нихъ новый классъ привилегированныхъ рабочихъ *). Положеніе многихъ рабочихъ мануфактуры было настолько благопріятно, что среди нихъ могло возникнуть стремленіе монополизировать эти выгоды для своей семьи и передать ихъ дѣтямъ. Въ зеркальныхъ, ковровыхъ и бумажныхъ мануфактурахъ рабочіе устроили настоящія корпораціи, и администрація преднамѣренно игнорировала ихъ существованіе. Только сынъ или племянникъ рабочаго могъ найти доступъ въ эту *compagnie*, въ это товарищество „подмастерьевъ“; регламенты мануфактуръ, обезпечивая престарѣлыхъ рабочихъ пенсіями и давая работу членамъ ихъ семействъ, покровительствовали существованію такихъ корпорацій.

Почти все жалованныя грамоты мануфактурамъ устанавливають, правда, максимумъ цѣнъ за товары, но зато онѣ даютъ и самыя широкія гарантіи противъ пониженія цѣнъ. По всемъ этимъ и по другимъ причинамъ конкуренція между предпринимателями сводится къ нулю или къ очень незначительной величинѣ; поэтому при первыхъ шагахъ развивающейся промышленности рабочіе имѣли возможность получать почти постоянную заработную плату. Рабочимъ не приходилось отбывать оффиціального срока ученичества; точно также, чтобы заниматься на фабрикахъ своимъ ремесломъ, имъ не требовалось ни отъ цеховъ, ни отъ короля грамоты на званіе мастера. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи они пользовались величайшей свободой; но зато въ теченіе всего срока работы въ мастерскихъ и даже по минованіи этого срока они подвергались самому строгому надзору. Полиція со всею богатствомъ средствъ, находившихся въ ея распоряженіи, моментально выступала противъ всякой попытки рабочихъ какъ бы то ни было нарушить заключенный ими контрактъ. Полицейскіе

*) Сравни. *Du Cellier*, *Histoire etc.*, стр. 252 и сл.

судьи, которымъ были непосредственно подчинены мануфактурные рабочіе, видѣли преступленіе противъ общественной безопасности во всякомъ нарушеніи дисциплины внутри предпріятія *).

Правила „внутренняго распорядка“ были чрезвычайно суровы; даже бытъ рабочаго внѣ мануфактуры регламентировался множествомъ распоряженій и предписаній. Въ качествѣ хорошаго образца можно привести правила на мануфактурѣ золотой парчи въ Сантъ-Морѣ, на которой работало нѣсколько сотъ человѣкъ **). Работа начиналась съ разсвѣтомъ. Рабочіе, придя на мануфактуру, вымывали руки, крестились, читали утреннюю молитву и потомъ принимались за дѣло. Во время работы запрещалось произносить богохульственные слова, ругаться и даже рассказывать какія-либо исторіи, такъ какъ это могло бы отвлечь вниманіе ткачей отъ работы. Ткачи почти никогда не прерывали своей работы; все, что требовалось имъ, подавали особые слуги, которые нанимались за общій счетъ рабочихъ и должны были слѣдить за чистотой въ мастерскихъ, а зимою отопливать ихъ. Рабочимъ запрещался доступъ въ другія мастерскія, запрещалось расхаживать и по собственной. Самый пустячный случай утайки сырыхъ матеріаловъ или инструментовъ считался кражей и подлежалъ суровому наказанію. Для обѣда назначался перерывъ продолжительностью въ одинъ часъ. Завтракали и полдничали рабочіе въ самой мануфактурѣ, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ перерывъ работъ продолжался полчаса. Рабочіе были обязаны каждую субботу расплачиваться со своими квартирохозяевами; въ противномъ случаѣ послѣдніе имѣли право захватить мебель и одежду рабочаго. Дальше, рабочій долженъ былъ присягнуть, что онъ будетъ свято хранить тайны производства, насколько познакомится съ ними; онъ обязывался вести себя хорошо не только въ мануфактурѣ, но и внѣ ея, ходить по праздникамъ въ церковь, искать только приличныхъ развлеченій и удовольствій—всякое распутство и пьянство, которыя въ товариществахъ подмастерьевъ играли такую выдающуюся роль, были воспрещены строжайшимъ образомъ—и, наконецъ, къ десяти часамъ аккуратно являться домой.

Въ такомъ видѣ представляется изслѣдователю состояніе фран-

*) Сравни. *Зевортъ*, *ib.*, стр. 653—655.

**) *Levasseur*, *ib.*, II, стр. 520. Перепечатано въ дополненіяхъ къ книгѣ *Зеворта*, *ib.*, стр. 653 и сл.

цузской промышленности при Кольберѣ. Въ теченіе болѣе чѣмъ двадцатилѣтняго управленія этого необыкновеннаго человѣка по всему организму Франціи разливается бодрая жизнь и энергичная дѣятельность. Въ побѣдоносномъ шествіи вступаетъ во Францію современная мануфактура,—и, какъ и повсюду, тотчасъ же обнаруживаетъ свои характернѣйшія особенности: съ одной стороны, объединяетъ въ крупныхъ предпріятіяхъ большія массы рабочихъ, разлагаетъ производственные процессы на детальныя операціи, и, съ другой, превращаетъ раньше самостоятельные производственные процессы въ отдѣльныя части новаго, объединяющаго ихъ въ себѣ, производственного процесса. Для поясненія достаточно одного примѣра. Мануфактура, основанная голландцемъ Ванъ Робе, сосредоточила 1.692 рабочихъ; въ ней были разнообразныя мастерскія: столярная, кожевенная, для промывки, красильная, для проборки основъ и т. д.; въ ткацкихъ мастерскихъ работали разнороднѣйшіе рабочіе: ткачи, сновальщики, сортировщики шерсти, размотчицы, шпульницы, вышивальщицы и т. д. Но эти особенности мануфактуры скорѣе едва лишь намѣчались, чѣмъ уже выяснились—и все же Верассъ, къ которому мы сейчасъ перейдемъ, усмотрѣлъ ихъ своимъ гениальнымъ взоромъ. Онъ мысленно продолжилъ тенденціи мануфактуры до ихъ логическихъ послѣдствій и на нихъ-то и построилъ свою утопическую общественную систему. Въ происхожденіи системы Верасса надо искать источникъ и того прогресса, какой во многихъ отношеніяхъ обнаруживаетъ она по сравненію съ „Утопіей“ Томаса Мора.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Верассъ.

Относительно жизни *Дени Верасса д'Алле*—таково его полное имя—намъ извѣстно до чрезвычайности мало. По мнѣнію нѣкоторыхъ писателей происхожденіе Верасса буржуазное; онъ называлъ себя д'Алле по лангедокскому городку Алле, въ которомъ католическое и протестантское вѣроисповѣданія имѣли почти одинаковое число представителей, и потому религіозныя страсти доходили до величайшей экзальтаціи. По мнѣнію другихъ писателей, Верассъ вель свое происхожденіе отъ одной дворянской фамиліи провинціи Лангедокъ. Въ возрастѣ шестнадцати лѣтъ Верассъ поступилъ во французскую армію и участвовалъ въ походѣ на Пьемонтъ, но вскорѣ послѣ того оставилъ военную карьеру и обратился къ изученію права. Получивши званіе доктора, онъ отправился въ Англію, „чтобы проникнуть въ интриги лондонскаго двора и изслѣдовать правила управленія этой страной“. Въ 1665 году, во время морской войны противъ голландцевъ, Верассъ былъ на кораблѣ „Адмиралъ Англіи“, которымъ командовалъ герцогъ Йоркскій; но спустя нѣкоторое время онъ долженъ былъ покинуть Англію, такъ какъ его заподозрили въ томъ, что онъ принималъ участіе въ интригахъ одного англійскаго министра (лорда Кларендона, 1667 годъ?). Верассъ возвратился въ Парижъ и въ 1672 году участвовалъ въ походѣ противъ голландцевъ. Верассъ видѣлъ, что правительство все враждебнѣе и враждебнѣе относится къ партіи реформъ, къ которой онъ принадлежалъ, и что ему приходится оставить всякую надежду на повышение; тогда онъ во второй разъ вышелъ въ отставку и попытался обезпечить свое существованіе въ Парижѣ преподаваніемъ англійскаго и французскаго языка. Плодомъ его занятій въ этой области были „Grammaire

méthodique, contenant les principes de cet art et les règles les plus nécessaires de la langue française dans un ordre clair et naturel, 1681, 12°“ („Методическая грамматика, содержащая принципы этого искусства и наиболѣе необходимыя правила французскаго языка, въ порядкѣ ясномъ и естественномъ“), нашедшая въ „Journal des Savants“ хвалебный отзывъ аббата де ла Рокъ, и „A short and methodical Introduction to the French tongue, composed for the particular use and benefit of the English by D. V. d'Allais, a teacher of the French and English tongues in Paris 1683, 12°“ („Краткое и методическое введеніе къ французскому языку, составленное для внѣшкольнаго употребленія и на пользу англичанъ Д. Верассомъ д'Алле, учителемъ французскаго и англійскаго языковъ въ Парижѣ“). По зимамъ Верассъ обыкновенно читалъ также лекціи по исторіи и географіи; онъ посѣщались многочисленными представителями науки *). Относительно того когда онъ умеръ ничего неизвѣстно. — Въ 1675 году явилась первая часть главной работы Верасса—„Исторіи севарамбовъ“,—книги, для которой мы должны отвести во французской литературѣ такое же мѣсто, какое въ англійской занимаетъ „Утопія“ Томаса Мора. Первая часть сначала была написана на англійскомъ языкѣ и опубликована Верассомъ въ Лондонѣ. Въ полномъ видѣ работа явилась въ Парижѣ въ 1677—79 годахъ, на французскомъ языкѣ, и очень скоро была переведена на голландскій, нѣмецкій и итальянскій языки. Въ самой Франціи книга выдержала цѣлый рядъ изданій, что является доказательствомъ успѣха книги въ тогдашнее время **).

*) См. біографію Верасса, составленную по мемуару, использованному Томасомъ въ его „Freymüthige, jedoch vernunft-und gesetzmässige Gedanken über allerhand, fürnehmlich aber Neue Bücher durch alle zwölf Monat des 1689 Jahres“ Галле 1690, стр. 963 и сл. („Смѣлыя, но однако сообразныя съ разумомъ и закономъ мысли обо всякихъ, но преимущественно новыхъ книгахъ, за всѣ 12 мѣсяцевъ 1689 года“).—Сравни также Prosper Marchand, Dictionnaire historique, стр. 10—20; Biographie Universelle I, стр. 490.

**) Первая часть явилась подъ заглавіемъ: The History of sevarites or sevarambi, a Nation inhabiting Part of the third Continent commonly called Terrae Australes Incognitae, with an Account of their admirable Government, Religion, Customs and Language written by one Captain Siden, a Worthy Person, Who together with many others, was cast upon those Coasts and lived many Years in that Country. London. Printed for Henry Brome, at the Gun at the West End of St. Pauls Church Yard 1675. («Исторія севаритовъ или севарамбовъ, націи, населяющей часть третьяго континента, обыкновенно называемаго невѣдомыми австралійскими землями, со свѣдѣніями объ ихъ достойномъ удивленія правительствѣ, религіи, обычаяхъ и языкѣ, написано капитаномъ Сайденомъ, достойною личностью, который вмѣстѣ со многими другими былъ выброшенъ на берега этой страны и жилъ въ ней въ теченіе многихъ лѣтъ»). Вторая часть „more wonderful and

Во введеніи, предпосланномъ собственно разсказу, Верассъ высказываетъ сожалѣніе, что путешествія, предпринимаемыя для открытій, не организуются на научныхъ основаніяхъ, и требуетъ, чтобы государи затрачивали часть своихъ богатствъ на этотъ предметъ. Голландцы въ особенности, говоритъ онъ, въ своихъ путешествіяхъ руководствуются одною лишь жадностью до барышей. Несмотря на многія поѣздки, совершенныя ими въ Остъ-Индію, внутреннія части Зондскихъ острововъ, особенно острова Борнео, все еще остаются совершенно невѣдомыми. Нерѣдко случалось, что достигали даже береговъ третьяго континента (Австраліи), но ни разу не поставили точнѣе изслѣдовать и описать ихъ. Верассъ намѣренъ восполнить этотъ пробѣлъ въ знаніяхъ, подробно описавши третью часть земного шара, Австралію.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи утопія замаскирована до чрезвычайности искусно. Верассъ разсказываетъ, что онъ получилъ отъ одного врача большое количество бумагъ, написанныхъ на различныхъ языкахъ, и переработалъ ихъ въ предлагаемую читателямъ книгу. Самому же врачу эти бумаги были ввѣрены капитаномъ Сайденомъ, который разсказываетъ въ нихъ о своемъ пребываніи въ чудесной странѣ Севарамбіи, части австралійскаго континента.

Собственно романъ, мемуары капитана Сайдена, начинается лишь послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній. Во время одной поѣздки въ Остъ-Индію голландскій корабль Сайдена выброшенъ бурей на берегъ австралійскаго, неизвѣстнаго ему, континента. Экипажу и пассажирамъ удается спастись. Маленькая колонія водворяется въ странѣ, и лишь по истеченіи сравнительно долгаго времени приходитъ въ соприкосновеніе съ обитателями страны, севарамбами, которые дружелюбно встрѣчаютъ пришельцевъ. Описанію государства и общественнаго строя этого народа и посвящена книга Верасса.

На континентѣ первоначально обитали двѣ различныхъ народности; престарамбы и струкарамбы; общественный строй у нихъ и нравы были почти одни и тѣ же: они жили большими семей-

delightful than the first" (болѣе удивительная и занимательная, чѣмъ первая), написана (въ 1679 году) не Верассомъ и представляетъ невыразимо вздорное твореніе. Первая часть на французскомъ языкѣ напечатана въ 1677 году, вторая въ 1678—79 г.г. Вторая часть посвящена господину Рике, барону Бопрена. Голландскій переводъ напечатанъ въ 1683 году въ Амстердамѣ; черезъ шесть лѣтъ появилось нѣмецкое изданіе. Итальянскій переводъ относится къ 1728 году (Вененія).

ными общинами, и въ каждой изъ нихъ было свое отдѣльное управленіе. А именно: каждая община (communauté) отъ времени до времени избирала вождя, на котораго возлагалась обязанность контролировать производство и руководить имъ. Дѣйствуя совместно съ совѣтомъ старѣйшинъ, онъ распоряжался имуществами и самими членами семейныхъ общинъ. Главнымъ источникомъ существованія обоихъ народовъ было земледѣліе и лишь на второмъ планѣ охота и рыбная ловля. Завѣдываніе дѣлами всей націи возлагалось на большой совѣтъ, который составлялся изъ депутатовъ семейныхъ общинъ. Для организаціи защиты отъ сосѣднихъ народовъ ежегодно избирался главный предводитель; каждая семья отправляла въ его распоряженіе опредѣленный контингентъ вооруженныхъ людей. Оба народа различались только по своимъ обычаямъ, касавшимся брака. Престарамбы соблюдали строгую моногамію; напротивъ, у струкарамбовъ еще сохраняла свою силу первобытная форма брака. „Они безъ всякихъ стѣсненій вступали въ бракъ со своими дочерьми и сестрами, такъ какъ считали болѣе почетнымъ заключить союзъ съ человѣкомъ одной крови съ ними, чѣмъ съ чужимъ человѣкомъ. Несмотря на то, они вступали въ браки съ дочерьми своихъ сосѣдей; но юноши никогда не покидали семей, къ которымъ они принадлежали. Если кто-нибудь женился на какой-либо женщинѣ, онъ не былъ единственнымъ ея собственникомъ. Каждый мужчина, принадлежащій къ той же семьѣ, могъ, если хотѣлъ, вступить въ связь съ нею. Но если женщина вступила въ связь съ чужимъ мужчиной или мужчина съ чужой женщиной, это считалось великимъ преступленіемъ, которое наказывалось смертью“.

Таково было состояніе обоихъ народовъ, когда Севарисъ, — персъ, объѣхавшій всю Европу и Азію, узналъ объ ихъ существованіи отъ матросовъ, прибывшихъ бурей къ берегамъ Австраліи. Севарисъ рѣшилъ предпринять поѣздку въ эту страну и явился въ нее съ двумя кораблями. Мы можемъ здѣсь безъ всякаго ущерба для дѣла опустить разсказъ о томъ, какъ ему удалось подняться до положенія владыки обоихъ народовъ. Сдѣлавшись владыкой, Севарисъ посвящаетъ всѣ свои выдающіяся способности на разрѣшеніе слѣдующей задачи: создать для этихъ, богато одаренныхъ, но необразованныхъ, первобытныхъ народовъ такую форму государственнаго и общественнаго строя, которая наряду съ самымъ высокимъ уровнемъ культуры обезпечила бы и величайшую сумму счастья для всѣхъ. До чрезвычайности лю-

бопытно обстоятельство познакомиться съ мотивами, которые заставили Севариса воспользоваться существовавшими учреждениями, особенно общностью имуществъ, и остановиться на томъ государственномъ строѣ, который позже будетъ описанъ у насъ. Рѣзкая критика государственнаго и общественнаго строя тогдашней Франціи доставляетъ Верассу прочный базисъ, на которомъ Севарисъ воздвигаетъ государственный строй севарамбовъ. Главныя идеи, съ которыми утописты XVIII вѣка, Морелли и Мабли, выступили на борьбу противъ собственности, мы находимъ уже у Верасса въ очаровательномъ по формѣ, мастерскомъ изложеніи.

Севарисъ, или, какъ его называютъ новые подданные, Севаріасъ, и его первый гофмейстеръ, Джіованни, начинаютъ свое дѣло изученіемъ всѣхъ извѣстныхъ имъ формъ правленія. Одной системѣ въ особенности благоволятъ Джіованни и персы, переселившіеся вмѣстѣ съ Севарисомъ; она принята почти у всѣхъ народовъ континента; согласно ей слѣдуетъ раздѣлить народъ на семь различныхъ классовъ, а земли подѣлить въ собственность между отдѣльными лицами *). Каждый изъ семи классовъ занимаетъ опредѣленный рангъ и носитъ особенную одежду; первый изъ нихъ долженъ быть составленъ изъ поденщиковъ и земледѣльческихъ рабочихъ, второй изъ низшихъ ремесленниковъ, каковы каменщики, столяры, ткачи, и т. д., третій изъ болѣе искусныхъ ремесленниковъ, каковы маляры, золотыхъ дѣлъ мастера и т. под., четвертый изъ торговцевъ, пятый изъ богатыхъ буржуа и изъ представителей либеральныхъ профессій, шестой изъ низшаго дворянства, и наконецъ седьмой—изъ высшаго дворянства. Сразу бросается въ глаза то обстоятельство, что сословіе жрецовъ не составляетъ особаго класса; но объясненіе этому явленію лежитъ въ идеяхъ, развитыхъ у Верасса въ дальнѣйшемъ изложеніи. Изъ фонда земель, подлежащихъ раздѣлу, значительная часть должна была составить резервъ для удовлетворенія обычныхъ потребностей государства; только въ экстраординарныхъ случаяхъ каждый классъ подлежалъ обложенію соотвѣтственно своему рангу и своимъ средствамъ; при этомъ ни одному изъ классовъ не предоставлялось никакихъ привилегій и никакихъ изъятій **). Было бы несправедливо и во всѣхъ отношеніяхъ про-

*) У Фенелона (Телемахъ, кн. XII) Менторъ тоже раздѣляетъ жителей Саленты на семь классовъ, отличающихся одинъ отъ другого и по своимъ одѣжаніямъ.

**) Критика существовавшей во Франціи системы налоговъ и проекты рациональной организаціи этого дѣла встрѣчаются во множествѣ описаній путешествій, кото-

тиворѣчило бы разуму, если бы одни члены общества пользовались защитой законовъ и выгодами, предоставляемыми обществомъ, и въ то же время ничего не вносили отъ себя для поддержанія государства, а другая часть членовъ государства была бы подавлена податями и налогами. Свободу отъ налоговъ слѣдуетъ предоставить только доменамъ государей, всѣ же подданные должны участвовать въ несеніи общественныхъ повинностей, причемъ слѣдуетъ соблюдать справедливое соотвѣтствіе съ ихъ рангомъ и ихъ состоятельностью. Кромѣ того, всякое лицо, перешедшее за двадцатилѣтній возрастъ, обязуется уплачивать извѣстную очень умѣренную поголовную подать. Далѣе, тѣ лица, имущества которыхъ достигли максимума, установленнаго для ихъ класса, и которыя желаютъ перевода въ высшій классъ, должны покупать разрѣшеніе на это за опредѣленную сумму денегъ. Такимъ образомъ собственность, открывая возможность перейти въ высшій классъ, пробиваетъ брешь въ феодальномъ раздѣленіи на сословія.

Таковъ-то былъ проектъ государственнаго и общественнаго строя, прежде всего обращавшій на себя вниманіе законодателя; въ пользу его говорилъ уже тотъ фактъ, что въ существенныхъ чертахъ онъ былъ дѣйствительностью для большинства европейскихъ государствъ, съ той только разницей, что проектъ устанавливаетъ болѣе справедливую налоговую систему. Несмотря на то, Севаріасъ не могъ рѣшиться на принятіе этого проекта. Внутренніе раздоры, войны и другія неисчислимые несчастія показали ему, что система, изложенная выше, ошибочна въ самомъ своемъ корнѣ. Это побудило его къ настойчивому изученію причинъ ея неудовлетворительности. Севаріасъ раскрываетъ ихъ въ высокомѣріи, жадности и лѣности.

1. Природа создала насъ всѣхъ равными; она не знаетъ различій между благороднымъ и человѣкомъ низкаго званія. Подверженные однимъ и тѣмъ же слабостямъ, мы—какъ одни, такъ и другіе—одинаково вступаемъ въ жизнь. Ни богатство, ни благородство не въ состояніи удлинить хотя бы на одинъ день жизнь князей и подданныхъ. Самое высокое различіе, какое можетъ существовать между людьми, есть различіе, обусловливаемое превосходствомъ добродѣтели. Въ тѣхъ же государствахъ, гдѣ суще-

рыя ведутъ читателя въ какія-нибудь вымышленныя страны. См., напр., аббата Desfontaines, Le nouveau Gulliver, въ Voyages imaginaires etc., т. XV, стр. 87 и сл.

ествуется наследственное дворянство, выгоды знатнаго происхождения дают пищу надменности и честолюбію. Дворянство думает, что лишь оно одно рождено для господства, и требует, чтобы всѣ остальные люди находились въ подчиненіи у него. Чтобы рѣшительно устранить все зло, вытекающее изъ этого, Севаріасъ уничтожилъ всякое наследственное неравенство. Онъ признаетъ единственно неравенство возраста, а также неравенство между народомъ и чиновниками.

2. Богатства и вообще собственность на какія-либо блага являются другою, дальнѣйшею причиной различій въ буржуазномъ обществѣ; жадность, зависть, вымогательства и безчисленное множество другихъ золъ неизбежно вытекаютъ изъ учрежденія частной собственности. Поэтому Севаріасъ рѣшительно изгоняетъ ее изъ своего плана новаго государственнаго устройства. Вся земля и всѣ богатства должны принадлежать государству, ему же одному принадлежит и право распоряженія ими; члены государства могутъ владѣть лишь тѣмъ, что имъ предоставятъ чиновники *). Съ частною собственностью—таково было убѣжденіе Севаріаса—тотчасъ же исчезнутъ всѣ дурныя и пагубныя человѣческія страсти, исчезнутъ съ нею и налоги, и пошлины, и голодовки, и бѣдность. Всѣ севарамбы сдѣлаются богатыми, хотя ни у кого изъ нихъ не будетъ ничего собственнаго; каждый будетъ такъ же счастливъ, какъ богатѣйшій въ мірѣ монархъ. У каждаго всѣ его потребности будутъ удовлетворены; гражданина никогда впредь не будетъ терзать забота о пищѣ, одеждѣ, жилищѣ для себя, жены и дѣтей: государство, не прибѣгая къ податямъ и пошлинамъ, позаботится обо всѣхъ.

3. Но чтобы предотвратить угрожающую опасность праздности, на всякаго члена общества возлагается обязанность, выполнять

*) Любопытно познакомиться съ взглядами *Проспера Маршана* (*Dictionnaire historique*, стр. 14, прим. 59) на общность имущества. „Это равенство рожденія и эта общность имущества“, говоритъ онъ, „представляются нѣкоторымъ людямъ уродливыми и непрактичными только потому, что они знаютъ лишь права своей страны и своего времени и, сжившись съ этими правами, воображаютъ, что рѣшительно невозможно жить иначе. Побольше изученія—и они сдѣлались бы менѣе рѣшительными въ своихъ сужденіяхъ и узнали бы, что эти два учрежденія (равенство рожденія и общность имущества) были въ дѣйствительности обычаями у различныхъ народовъ древности, которые превосходно устраивались при такихъ учрежденіяхъ и имѣли въ пользу ихъ очень серьезныя основанія“. Въ качествѣ примѣровъ Маршанъ ссылается на первыхъ обитателей Италіи, лакедемонянъ, древнихъ германцевъ, и даже утверждаетъ потомъ, что такіе учрежденія были, несомнѣнно, у всѣхъ древнихъ народовъ, доказательствомъ чему служить то обстоятельство, что многіе недавно открытые народы жили еще въ общности имущества. Это писано въ 1758 году.

полезную и умѣренную работу. День распадается на три части, изъ которыхъ одна предназначается для работы, другая для удовольствій, третья для отдыха. Отъ общей обязанности трудиться освобождаются только старики, больные или по другимъ причинамъ непригодные для работы. Умѣренный трудъ укрѣпляетъ тѣло и духъ; первое не знаетъ вреда и не разрушается отъ непомернаго бремени работъ, второй—отъ заботъ и печалей. Развлеченія и забавы, которыя слѣдуютъ за трудомъ, освѣжаютъ тѣло и душу, между тѣмъ какъ отдыхъ восстанавливаетъ растроченныя силы.

Слѣдовательно, Севаріасъ въ своемъ проектѣ принимаетъ въ основныхъ чертахъ общность имущества, уже установившуюся при существовавшемъ у туземцевъ общественномъ порядкѣ, и только послѣдовательно развиваетъ ее дальше. Съ другой стороны, въ противоположность многимъ законодателямъ, жившимъ до него, онъ не запрещалъ дальнѣйшаго развитія законодательства, поскольку оно не нарушаетъ естественнаго права и основныхъ государственныхъ учреждений, въ которыхъ это право находить себѣ выраженіе.

Обратимся теперь къ болѣе детальному изображенію организации производства. Въ основѣ ея лежитъ товарищество, созданное для производства опредѣленнаго рода продуктовъ, союзъ значительнаго числа мужчинъ и женщинъ, живущихъ въ большомъ зданіи, въ *осмазіи*. Осмазія четырехъ-этажное зданіе, въ 50 геометрическихъ шаговъ въ квадратѣ; въ немъ можетъ помѣститься болѣе 1.000 человѣкъ. Внутри расположенъ большой дворъ, украшенный сооружениями и фонтанами. И съ внутренней и съ наружной стороны вокруг осмазій идутъ широкіе балконы, поддерживаемые желѣзными колоннами; подъ ними можно найти защиту отъ солнца и дождя *). Всѣ балконы украшены богатыми вазами съ цвѣтами. Каждый городъ въ странѣ состоитъ изъ многихъ осмазій, Севаринда, главный городъ, изъ 267. Во главѣ отдѣльныхъ отраслей производства стоятъ префекты, которые должны заботиться о добываніи сырыхъ матеріаловъ и распредѣленіи ихъ между промышленными осмазіями. Напр., „существуютъ осмазіи, которыя производятъ хлопокъ, ленъ, пеньку, шелкъ. Руководители соответствующихъ отраслей производства приказываютъ доставить сырые матеріалы въ склады и потомъ рассылаютъ

*) Сравни. *Boissel*, Les services publics.

ихъ для переработки по городамъ, гдѣ изъ нихъ фабрикуются ткани, пряжа и т. д. Изъ городовъ продукты разсылаются повсюду, гдѣ въ нихъ чувствуется нужда“. Въ каждой осмазіи есть свои чиновники, потомъ рабы для грязныхъ работъ, магазины. Каждая осмазія отправляетъ въ свой магазинъ такую часть произведенныхъ ею продуктовъ, какая требуется для нея самой; избытокъ поступаетъ въ большіе общественные магазины, которые разсыяны по всей странѣ и служатъ складами для всего избытка въ производствѣ осмазіи; избытки изъ магазиновъ распределяются потомъ какъ для личнаго потребленія, такъ и для цѣлей производства. Въ осмазіяхъ продукты распределяются, наконецъ, между отдѣльными индивидуумами. Существуютъ различныя осмазіи, представляющія всевозможныя отрасли человѣческой дѣятельности: для выполнения строительныхъ работъ и для театральнаго дѣла, для воспитанія дѣтей и для земледѣлія.

Но собственные слова Верасса лучше всего покажутъ намъ, какъ онъ понималъ процессъ производства. „Если мы изучимъ строй жизни у другихъ націй“, говорится у него, „то мы найдемъ, что, въ общемъ, повсюду имѣются склады (магазины), что города получаютъ продукты изъ деревни, деревня изъ городовъ; что одни работаютъ своими руками, другіе—своей головой; что одни рождены для того, чтобы повиноваться, другіе—повелѣвать; что устраиваютъ школы для воспитанія юношества и имѣютъ мастеровъ для обученія ремесламъ; что нѣкоторыя изъ ремеселъ необходимы для жизни, другія даютъ возможность увеличить удобства жизни, а третьи доставляютъ только удовольствія. Вещи остаются по существу однѣ и тѣ же; но способъ распределенія ихъ различенъ. Среди насъ есть люди, которые задыхаются среди благъ и богатствъ, и есть другіе, у которыхъ нѣтъ ничего. У насъ есть нѣкоторые, проводящіе всю свою жизнь въ бездѣльи и удовольствіяхъ,—и другіе, которые непрестанно мучаются, чтобы добыть самыя жалкія средства для жизни. У насъ есть люди, которые поднялись до высшихъ сановъ,—и во всѣхъ отношеніяхъ недостойны и неспособны занимать эти мѣста и управлять; и есть у насъ люди, которые оказываютъ великія услуги, но за неимѣніемъ благъ, доставляемыхъ счастьемъ, жалко погибаютъ среди грязи и обречены на вѣчную приниженность.

„Напротивъ, у севарамбовъ не бѣденъ никто; ни у кого нѣтъ недостатка въ полезныхъ и необходимыхъ для жизни вещахъ; для каждаго имѣется своя часть въ общественныхъ удовольствіяхъ и

представленійхъ,—и притомъ, чтобы пользоваться всѣмъ этимъ, никому не приходится истомлять свою душу и тѣло суровой и чрезмѣрной работой. Умѣренное рабочее время—8 часовъ въ день—доставляетъ имъ всѣ эти блага, имъ, ихъ семьямъ и дѣтямъ, хотя бы у кого-нибудь было до тысячи ребяти. Никого не угнетаютъ заботы: можетъ ли онъ уплатить талью (taille) или пошлины, можетъ ли онъ накопить богатства для своихъ дѣтей, на приданое дочерямъ или на покупку имѣнья. Севарамбы свободны отъ всѣхъ этихъ заботъ и богаты съ самой своей колыбели. И хотя не всѣ могутъ достигнуть до почетныхъ общественныхъ мѣстъ,—за то ихъ можетъ удовлетворить то обстоятельство, что они видятъ, какъ до такихъ мѣстъ достигаютъ лишь люди, которыхъ возвели на должности собственныя заслуги и уваженіе ихъ согражданъ. Они всѣ благородные и всѣ граждане; ни одинъ изъ нихъ не можетъ презирать другихъ за низкость ихъ происхожденія или величаться блескомъ своего рода. Никому уже невѣдомо негодованіе—видѣть, какъ другіе живутъ въ праздности, межъ тѣмъ какъ онъ работаетъ, чтобы питать ихъ надменность и гордость. Коротко говоря: глядя на счастье этого народа, придешь къ выводу, что оно такъ совершенно, какъ только можетъ быть въ этомъ мірѣ, и что, по сравненію съ этимъ народомъ, всѣ другія націи очень несчастны“ *).

Критика старѣйшихъ утопистовъ неизбежно исходила изъ бессмысленности и несправедливости распределенія; противъ него она только и могла направлять всѣ свои нападенія. Отсюда она необходимо приводилась къ обобществленному производству, какъ единственному способному гарантировать справедливое распределеніе. Это находитъ очень ясное выраженіе въ только-что цитированномъ мѣстѣ изъ Верасса: существенное различіе между обществомъ севарамбовъ и обществомъ у европейскихъ народовъ онъ видитъ въ коренныхъ различіяхъ не производства, а распределенія, которое у севарамбовъ согласовано съ принципами естественнаго права и естественной морали. Однако, уже Верассъ въ двухъ случаяхъ приходитъ къ идеѣ, что общество съ обобществленнымъ производствомъ превосходитъ всякое другое въ отношеніи производства. Такъ, одинъ осмазіонтъ говоритъ у него, что нѣтъ никакого дѣла, недоступнаго для севарамбовъ, ибо все принадлежитъ государству, и потому оно не нуждается ни въ зо-

*) Hist. des Sev., стр. 273 и слл.

лотѣ, ни въ серебрѣ для оборудованія крупныхъ предпріятій *); въ другомъ случаѣ Верассъ заявляетъ, что въ Севарамбіи нѣтъ техническихъ тайнъ,—напротивъ, каждое изобрѣтеніе тотчасъ же идетъ на благо общества **). Въ этихъ случаяхъ Верассъ является несомнѣннымъ предшественникомъ Шарля Фурье и его продолжателей.

Въ связи съ этимъ отмѣтимъ еще одну во всѣхъ отношеніяхъ современную идею. Это—безусловная обязанность труда. Въ Севарамбіи она со всею строгостью распространяется на оба пола: отъ нея не освобождаются даже иностранцы, если они пребываютъ въ странѣ сравнительно долгое время. Отъ работы освобождены только больные, потомъ беременныя и кормящія грудью женщины, а также лица свыше 60-лѣтняго возраста. Но такъ какъ работа пользуется у севарамбовъ большимъ почетомъ, то и освобожденные отъ обязанности трудиться предпочитаютъ совершать легкія работы, посвящая имъ сравнительно короткое время, чѣмъ оставаться совершенно праздными. Восьмичасовой трудъ самымъ точнымъ образомъ регулированъ для всѣхъ; начало его измѣняется въ зависимости отъ временъ года.

Денегъ здѣсь, конечно, не существуетъ; несмотря на то, въ Севарамбіи далеко нѣтъ того крайняго страха передъ благородными металлами, который побудилъ Томаса Мора заставить своихъ утопійцевъ ставить ночные горшки изъ золота подъ кровати и отягощать золотыми и серебряными цѣпами своихъ рабовъ и лишенныхъ чести людей. У севарамбовъ золото и серебро употребляются на то, къ чему они въ особенности пригодны по своимъ свойствамъ: на предметы украшенія.

Въ сочиненіяхъ обоихъ утопистовъ, Мора и Верасса, очень явственно отражается огромный прогрессъ, который совершился въ капиталистическомъ способѣ производства, перешедшемъ въ теченіе съ небольшимъ полутора вѣка отъ стадіи простой кооперации къ стадіи мануфактурной организаціи. Во времена Мора еще господствовало ремесло; поэтому, въ странѣ утопійцевъ—если оставить въ сторонѣ ихъ обѣды—мы находимъ отдѣльныя домохозяйства и отдѣльныя ремесленные предпріятія. У Верасса большія массы людей, занятыхъ въ одномъ и томъ же производствѣ, соединяются въ огромныхъ сооруженіяхъ, въ осмазіяхъ. Въ то время

какъ у Мора по прежнему сохраняется отдѣльное домохозяйство патриархальной семьи,—у Верасса оно исчезаетъ. Въ осмазіяхъ, въ которыхъ соединяются болѣе чѣмъ тысячами лица обою пола, которыя распространяются и на деревню, а не сосредоточиваются исключительно въ городахъ, для отдѣльных домохозяйствъ вовсе нѣтъ мѣста, такъ что Верассъ ни однимъ словомъ не упоминаетъ о нихъ. Изъ трехъ ежедневныхъ трапезъ двѣ общія: завтракъ и обѣдъ; ужинъ можно устраивать или въ тѣсномъ семейномъ кругу, или же въ болѣе широкомъ кругу друзей. Но и въ этомъ случаѣ пища готовится только въ общественной кухнѣ осмазіи. вмѣстѣ съ тѣмъ женщина совершенно освобождена отъ завѣдыванія домохозяйствомъ; ея полная равноправность съ мужчиной находитъ себѣ выраженіе и въ одинаковости воинской повинности для обоихъ половъ; исключеніе—только одно: женщины не могутъ сдѣлаться чиновниками. Правда, Верассъ прямо нигдѣ не говоритъ объ этомъ; но одинъ тотъ фактъ, что чиновникамъ разрѣшено жить во многоженствѣ, повидимому достаточно ясно говорить о существованіи такого исключенія.

Севаріасъ, основатель государства севарамбовъ, преисполненный сознанія огромной роли, которую воспитаніе юношества играетъ существованія государства, съ самаго начала обратилъ свое вниманіе на этотъ предметъ. Поэтому онъ устроилъ общественныя школы, чтобы избранные, искусные учителя, свободные отъ предвзятости, вытекающей изъ любви или антипатіи, научали всѣхъ дѣтей безъ исключенія и направляли ихъ къ тому, чтобы ненавидѣть пороки и любить добродѣтели. Но онъ хочетъ, чтобы родители не могли оказывать при воспитаніи противодѣйствующихъ вліяній, и потому требуетъ, чтобы они, оказавши родительское попеченіе о своихъ дѣтяхъ въ первые годы ихъ жизни и проявивши свою родительскую нѣжность, отказывались отъ своего родительскаго авторитета и передавали его государству и чиновникамъ, политическимъ отцамъ отечества. Именно, когда дѣти достигаютъ семилѣтняго возраста, они получаютъ освященіе въ храмъ божества-солнца и называются съ этого времени „дѣтьми государства“. По окончаніи торжества ихъ отправляютъ въ общественныя школы и обучаютъ въ теченіе четырехъ лѣтъ чтенію, письму, танцамъ и искусству владѣть оружіемъ. Къ этому присоединяется трехлѣтнее обученіе земледѣлію въ осмазіяхъ, расположенныхъ въ деревнѣ. По истеченіи 14-лѣтняго возраста они изучали принципы грамматики и должны были избрать какое-нибудь опредѣ-

*) Hist. des sev. стр. 133.

**) Ib., стр. 170.

лениное ремесло. Если за время, назначенное для испытанія, они оказывались способными къ ремеслу, они пользовались самым заботливымъ руководствомъ соответствующихъ мастеровъ; въ противномъ случаѣ имъ предоставлялся выборъ между ремесломъ каменщика и поденщика. Только дѣти, обнаружившія недюжинныя способности, назначались къ занятіямъ искусствами и науками. Они освобождались отъ физическаго труда и получали воспитаніе въ особыхъ школахъ. Изъ числа ихъ избирали тѣхъ, которыхъ севарамбы посылали къ иностраннымъ народамъ другихъ континентовъ, для ознакомленія съ ихъ языками и съ прогрессомъ наукъ и искусствъ. Дѣвочекъ воспитываютъ точно такъ же, какъ мальчиковъ, только въ особыхъ осмазіяхъ. Онѣ изучаютъ ремесла, которыя наиболѣе соответствуютъ ихъ полу и не требуютъ большого физическаго напряженія.

Когда мальчику исполнится девятнадцать лѣтъ, а дѣвочкѣ шестнадцать лѣтъ, имъ позволяется думать о любви и о свадьбѣ. Молодежь встрѣчается на балахъ, на охотѣ, на военныхъ смотрахъ, на общественныхъ празднествахъ, и можетъ использовать всѣ эти случаи для ухаживанья, для объясненій въ любви и помолвокъ. „Въ собраніяхъ дѣвушекъ и юношей любовь играетъ свою великую роль“. Здѣсь Верассъ, галантный французъ, сыплетъ милыми и яркими, веселыми и умными изображеніями любовныхъ похожденій у севарамбской молодежи. Заключение браковъ рѣшаетъ только одна любовь, чистая, свободная отъ всякихъ холодныхъ разсудочныхъ соображеній, независимая отъ такихъ обстоятельствъ, какъ богатство, дворянство, высокое положеніе и т. д.; одна же любовь своимъ свѣтлымъ и согревающимъ пламенемъ, возбуждаемая поэзіей и музыкой, украшаетъ восемнадцать мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ молодежь добивается любви.

Браки моногамные; только для чиновниковъ допускается большее число женъ, чтобы дѣвушки, не нашедшіе холостяка, могли бы все-таки вступить въ бракъ благодаря выбору чиновника. Если бракъ въ теченіе пяти лѣтъ остается бездѣтнымъ, мужъ можетъ жениться опять или взять рабыню въ качествѣ наложницы. Величайшая честь для женщины — возрастить какъ можно больше дѣтей. Отъ Верасса не могло укрыться, что вслѣдствіе этого населеніе должно стремительно увеличиваться, и очень скоро наступитъ перенаселеніе. Но севарамбы предотвратятъ такое событіе путемъ расширенія своей территоріи и основанія колоній. Этимъ и для Верасса и для Мора разрѣшается проблема народонаселенія.

Обоихъ удовлетворяетъ тотъ фактъ, что для людей остается еще огромное изобиліе необработанной земли. Ихъ нисколько не озабочиваетъ, они не ломаютъ своей головы надъ тѣмъ, что дѣлать, когда вся необработанная земля нѣкогда будетъ культивирована.

„Правленіе въ Севарамбѣ монархическое, деспотическое и теліократическое, т. е. носителемъ высшей власти и авторитета является монархъ, единственный господинъ и собственникъ благъ всей націи,—и этотъ король и абсолютный государь есть солнце (оно же и богъ этого государства). Но если посмотрѣть на управленіе государствомъ съ человѣческой точки зрѣнія, то окажется, что это государство есть деспотическая собирательная монархія, перемѣшанная съ аристократіей и демократіей“. Вице-короля, представителя солнца, этого бога-монарха, избираютъ по жребію изъ числа четырехъ членовъ большого совѣта, намѣченныхъ послѣднимъ, это—аристократическая составная часть государственнаго устройства. Прямые народными выборами избираются представители осмазіи, такъ называемые осмазіонты, которые образуютъ общій совѣтъ; это — демократическая составная часть. Каждая восемь осмазіи представлены въ обыкновенномъ совѣтѣ (conseil ordinaire) однимъ представителемъ, бросмазіонтомъ. 24 старѣйшихъ бросмазіонтовъ дѣлаются сенаторами и образуютъ большой государственный совѣтъ, который помогаетъ вице-королю во всѣхъ дѣлахъ. Они называются севаробастами; правильнѣе всего сравнивать ихъ съ современными министрами. По одному севаробасту назначается для завѣдыванія военнымъ дѣломъ, строительнымъ дѣломъ, припасами, необходимыми для жизни, жертвами, школьнымъ дѣломъ, театральнымъ и т. д. Губернаторы провинцій и большихъ городовъ избираются изъ бросмазіонтовъ; но при нихъ, какъ и при сенаторахъ, тоже состоитъ особый совѣтъ. Кромѣ этихъ, важнѣйшихъ должностей, существуетъ еще рядъ должностей второстепенныхъ; изъ нихъ наибольшимъ почетомъ пользуется должность воспитателя дѣтей.

Съ магистратурой связанъ цѣлый рядъ преимуществъ. Чиновники пользуются правомъ имѣть нѣсколько женъ и держать известное число рабовъ для личныхъ услугъ. Кромѣ того, имъ предоставляется жилище, пища и одежда лучшія, чѣмъ для частныхъ лицъ.

Вице-королю, представителю солнца, принадлежитъ суверенная верховная власть. Она лучше всего характеризуется словами, въ которыхъ Севаріасъ, основатель государства, требуетъ отъ народа

признанія своего преемника, избраннаго по жребію. „Севаріасъ прежде всего изложилъ передъ народомъ, что самая главная обязанность подданныхъ заключается въ уваженіи, послушаніи и вѣрности, каковыя они должны оказывать суверенной власти; что, хотя ихъ голоса и согласіе ихъ были необходимы для учрежденія этой власти, они тѣмъ не менѣе не должны думать, будто ихъ воля главный источникъ верховной власти; что провидѣнію принадлежитъ несравненно важнѣйшая роль въ назначеніи князей, чѣмъ указамъ чиновниковъ, и что на нихъ слѣдуетъ смотрѣть здѣсь какъ на живые образы божества; что даже въ томъ случаѣ, если они неправильно исполняютъ свои обязанности, подданные все же не имѣютъ права отречься отъ нихъ; что небо часто становится на сторону несправедливыхъ дѣяній сувереновъ, чтобы наказать народы, если они своими пороками и проступками навлекли на себя дѣйствія небеснаго гуда; что они должны принимать мѣропріятія князей безропотно и не слушая мятежническихъ предложеній; что мятежъ есть не только отвратительнѣйшее изъ всѣхъ преступленій, но и величайшая глупость, ибо онъ, не создавая свободы для мятежниковъ, обыкновенно приводитъ ихъ къ еще болѣе суровому рабству, независимо отъ того, на какую сторону склоняется побѣда; что повиновеніе законной власти — не только обязанность подданныхъ, но и самый серьезный ихъ интересъ“ *). Но какъ согласовать съ этой декларацией божественнаго происхожденія королевской власти — съ ея абсолютностью нельзя сравнить даже власть Людовика XIV. — какъ согласовать съ этимъ наличность опредѣленныхъ мѣръ противъ плохихъ князей? Если, напр., вице-король преступаетъ основные законы государства или вообще править безбожно и тиранически, то въ первую очередь дѣлаются попытки вразумить его; но если всѣ попытки остаются безрезультатными, общій совѣтъ постановляетъ рѣшеніе: назначить опекуна надъ вице-королемъ, т. е. прибѣгаетъ къ фикціи, говорятъ, что король лишился разсудка. Короли, признаннаго сумасшедшимъ, держатъ въ его дворцѣ въ заточеніи до тѣхъ поръ, пока онъ не обратится на путь истинный. Это противорѣчіе проходитъ черезъ всю книгу и повторяется, между прочимъ, въ разсужденіяхъ о религіи. Верассъ сравниваетъ, напр., вице-короля севарамбовъ съ королями другихъ странъ; во всемъ, что касается полноты и твердости власти, сравненіе, конечно,

*) Hist. des sev. стр. 251.

оказывается рѣшительно въ пользу вице-короля. „Онъ — абсолютный господинъ всѣхъ благъ своей націи; никто изъ подданныхъ не можетъ отказать ему въ должномъ повиновеніи или прикрыться какой-либо привилегіей. Онъ даруетъ и беретъ, если это ему нравится; онъ ведетъ войну и заключаетъ миръ, если считаетъ это цѣлесообразнымъ. Весь міръ повинуетъ ему, и никто не дерзнетъ противодѣйствовать его волѣ. Ему не угрожаетъ опасность мятежей и народныхъ возстаній; никто не подвергаетъ сомнѣнію его власть... Ибо кто бы дерзнулъ возстать противъ солнца и его слугъ“ *). Но нѣсколькими страницами ниже говорится, что севарамбы привыкли повиноваться законамъ и тѣмъ охотнѣе подчиняются имъ, чѣмъ больше подвергаютъ ихъ испытанію своего разума и открываютъ при этомъ, что они справедливы и разумны. И уже въ совершенно комическомъ противорѣчіи съ этой теоріей всемогущества вице-королей стоятъ ихъ дѣйствительныя функціи. Все, что намъ рассказываетъ Верассъ объ ихъ правительственной дѣятельности, исчерпывается сооруженіемъ построекъ, дорогъ, водопроводовъ и т. д. Въ единственномъ случаѣ, когда четвертый вице-король, Думиста, сдѣлалъ попытку обратиться къ завоевательной политикѣ, совѣтъ съ величайшею энергіей выступилъ противъ него и разъ навсегда установилъ слѣдующій принципъ для внѣшней политики: никогда не вести завоевательныхъ войнъ, а въ тѣхъ случаяхъ, когда населеніе становится слишкомъ обширнымъ для данной территоріи, необходимую землю приобрѣтаетъ покупкою у сосѣдей. Вліяніе совѣта настолько обширно, что вице-король безъ его содѣйствія не можетъ ничего предпринять **). Такимъ образомъ всемогущество князя просто-напросто отрицается. Какъ же слѣдуетъ понимать эти діаметрально противоположныя заявленія Верасса?

Верассъ по отношенію къ политическимъ вопросамъ придерживается приемовъ, излюбленныхъ писателями восемнадцатаго вѣка, поскольку они выступали съ еретическими воззрѣніями. Они противопоставляютъ діаметрально противоположныя воззрѣнія — господствующія и новыя, — повидному, безпристрастно обосновываютъ ихъ и предоставляютъ читателю вычитывать между строками истинныя воззрѣнія автора. Многіе писатели, особенно трудливые по своей натурѣ, доходятъ даже до того, что въ діало-

*) Hist. des sev. стр. 275, 276.

**) Ib., стр. 354.

Изд. ред. журн. „Образование“.

гахъ съ новаторами сами защищаютъ—и какъ будто побѣдоносно—признанныя правила и идеи. Такимъ образомъ мы не сдѣлаемъ ошибки, если въ абсолютномъ вице-королѣ, представителѣ солнца, который кажется абсолютнымъ властителемъ, но, на самомъ дѣлѣ, совершенно зависитъ отъ совѣта министровъ,—если мы увидимъ въ этомъ замаскированную сатиру на „короля-солнце“, Людовика XIV, который въ такой же мѣрѣ считалъ себя абсолютнымъ и въ такой же мѣрѣ былъ въ рукахъ своего генеральнаго контролера и своихъ интендантовъ *). За такое пониманіе говорить, несомнѣнно, чрезвычайный успѣхъ книги и особенно новыя изданія ея въ послѣднія двадцать лѣтъ правленія Людовика XIV, когда начинаетъ выступать оппозиція противъ него и его системы.

Юстиція организована съ такою же простотой, какъ внутренняя политика. „Такъ какъ имъ ничто не принадлежитъ въ собственность, то у нихъ вовсе нѣтъ гражданскихъ процессовъ **). Слѣдовательно, остается лишь подсудность по уголовнымъ дѣламъ; судьями являются осмазіонты во всѣхъ случаяхъ, которые лежатъ въ предѣлахъ ихъ юрисдикціи, т. е. не выходятъ за границы осмазіи. При осмазіонтахъ состоятъ два помощника и три старѣйшины, которыхъ можетъ избирать обвиняемый. Въ томъ случаѣ, если стороны принадлежатъ къ различнымъ осмазіямъ, процессъ разбирается осмазіонтомъ и т. д. Верассъ различаетъ не менѣе четырехъ различныхъ судебныхъ инстанцій; здѣсь нѣтъ нужды подробно останавливаться на ихъ функціяхъ. Наказанія смертною казнью не существуетъ; напротивъ, существуютъ наказанія тюремнымъ заключеніемъ, суровой работой и тѣлесныя наказанія. Процессы, говоритъ Верассъ, оканчиваются быстро, потому что нѣтъ никакой пользы и выгоды растягивать ихъ до безконечности! Фактически Верассъ уже близокъ къ идеѣ Морелли, Мабли и другихъ утопистовъ,—къ идеѣ, что частная собственность является основою существующаго строя общества, съ его погоней за барышнемъ, со всѣми его недостатками.

Авторъ утопіи, скупой на подробности при изображеніи произ-

*) *Просперъ Маршанъ* (Dictionnaire historique, 1758, стр. 16) говоритъ: нѣкоторые были готовы „видѣть въ книгѣ Верасса только забавный романъ, другіе, съ такимъ же чистосердечіемъ, видѣли въ ней рассказъ о новомъ открытіи, третьи, глубже вникнувшіе въ дѣло, видѣли въ книгѣ опасное сочиненіе, которое, подъ покровомъ измышления, прямо направлено противъ религіи и правительства“.

**) Hist. des sev., стр. 318.

водственного процесса, съ большою точностью и детальностью рассказываетъ о религіи севарамбовъ, смѣси деизма и первобытнаго почитанія солнца *). Воззрѣнія по вопросамъ религіи, особенно же рассказъ объ основателѣ религіи, шарлатанѣ Струкарастѣ, навлекли на Верасса со стороны различныхъ авторовъ рѣшительно немотивированныя обвиненія въ атеизмъ. Здѣсь не мѣсто детально излагать религіозныя распри того времени, обрисовывать янсенизмъ и кальвинизмъ въ ихъ отношеніяхъ къ ультрамонтанству; поэтому мы ограничимся простымъ утвержденіемъ, что защищаемыя Верассомъ воззрѣнія представляютъ чистый деизмъ, основывающійся исключительно на познаніи разумомъ.

Обращеніе севарамбовъ въ христіанство было невозможно, „ибо они съ такою исключительностью полагаются на человѣческій разумъ, что ко всему, чему насъ учить наша вѣра, относятся съ полнымъ скептицизмомъ, если это не можетъ быть подкрѣплено разумомъ... Они говорятъ, что въ основѣ всего лежатъ естественныя причины, хотя бы дѣйствія, вытекающія изъ нихъ представлялись намъ изумительными и непостижимыми; что все въ природѣ совершается въ правильномъ порядкѣ, сообразно предрасположеніямъ (dispositions), лежащимъ въ предметахъ природы“ **). Съ деизмомъ связывается необыкновенная терпимость; она доходитъ до того, что въ опредѣленные времена года въ школахъ устраиваются большіе диспуты по религіознымъ вопросамъ, причемъ каждый можетъ совершенно свободно развивать свои воззрѣнія. Точно также, при избраніи на государственныя должности, религіозныя взгляды кандидата не играютъ никакой роли,—значеніе имѣетъ только его характеръ и его справедливость. Это заходитъ такъ далеко, что духовный не устра-

*) *Просперъ Маршанъ* (Dict. hist., стр. 15, прим. 67) замѣчаетъ по этому поводу: „Въ общемъ двѣ первыя статьи религіи севарамбовъ вполне согласуются съ тѣмъ, что рассказывается о религіи перуанцевъ, такъ что Севариаса можно считать просто копіей Манко Капака, перваго вика Перу и основателя этого государства. Объединивши индѣйцевъ, цивилизовавши ихъ и убѣдивши, что онъ сынъ солнца, этотъ принцъ училъ ихъ поклоняться въ глубинѣ души высшему, но невѣдомому богу Нахакама, т. е. душѣ или основѣ вселенной, а внѣшне почитать подчиненнаго ему, но видимому извѣстнаго бога,—солнце, своего отца“. Маршанъ ссылается поэтому на *Garcilasso de la Vega*, Histoire des Yucas, Liv. II, гл. I, II, III, стр. 109—130. Вообще было бы интересно подробнѣе прослѣдить вліяніе, оказанное описаніемъ перуанскаго государства Инковъ на авторовъ сочиненій по политикѣ. Что оно было очень значительно,—не подлежитъ никакому сомнѣнію: у всѣхъ націй мы встречаемся съ нимъ. Для примѣра укажемъ на утопію *James Burgh*: An Account of the first settlement, laws, form of government and police of the Cessares, Лондонъ 1764 г., стр. 34—37.

**) Hist. des sev., стр. 395.

няется отъ занятія гражданской должности потому только, что онъ духовный *). Духовный является такимъ же частнымъ лицомъ, какъ и всякій другой человѣкъ,—это необходимо вытекаетъ изъ принципа отдѣленія государства отъ церкви. Но въ государствѣ Севарамбіи неизбежно должны развиваться антагонизмы и противорѣчія, такъ какъ здѣсь все же существуетъ государственная религія, которая не только признана, но и поддерживается государством **). Слѣдовательно, священники уже по своему положенію являются чиновниками; предоставить же имъ еще и гражданскія должности—значить придти къ такому умноженію должностей, которое вообще говоря нецѣлесообразно.—Съ другой стороны, Верассъ позволяетъ своимъ священникамъ имѣть собственные воззрѣнія на религію, если только они внѣшне исполняютъ обязанности своей должности и живутъ какъ честные, приличные люди. Но вмѣстѣ съ этимъ весь культъ солнца превращался въ какой-то смѣшной фарсъ. Не хотѣлъ ли этимъ Верассъ показать, что съ теченіемъ времени всякую нерационалистическую религію, благодаря развитію сектъ, постигаетъ подобная судьба, и что она такимъ образомъ впадаетъ во внутреннее противорѣчіе съ самою собою? За такое пониманіе говорить его взглядъ на причины, благодаря которымъ становится возможной совмѣстная жизнь севарамбовъ, вопреки различіямъ вѣроисповѣданій: въ государственной религіи севарамбовъ, говоритъ онъ, больше философіи и доводовъ разсудка, чѣмъ вѣры; поэтому о религіи можно говорить у севарамбовъ съ несравненно большей свободой ***).

Сила книги Верасса вообще меньше обуславливается ея экономической, чѣмъ морально-философскою стороною. Наряду съ прекрасными идеями о религіи и терпимости можно поставить остроумное описаніе того вліянія, которое коммунистическій строй общества оказываетъ на развитіе характера, ума и тѣла его членовъ. Двумя основными чертами характера у севарамбовъ являются любовь къ истинѣ, связанная съ необыкновенною искренностью

*) Ib., стр. 379: „Поэтому онъ (священникъ) въ такой же степени членъ государства и въ такой же степени, какъ и другіе, принимаетъ участіе въ управленіи и въ гражданскомъ обществѣ“.

**) Hist. des sev., стр. 378: „существуетъ только одинъ внѣшній культъ, который позволенъ“.

***) Томасъ Моръ тоже приписываетъ своимъ утопикамъ государственный культъ; но такъ какъ всѣ согласны въ поклоненіи божественному существу, то государственный культъ нисколько не противорѣчитъ обрядамъ, которые усвоены отдѣльными сектами и совершаются членами послѣднихъ у себя на дому.

чувствъ, и благородное честолюбіе, направленное на то, чтобы дѣлать добро и завоевывать уваженіе окружающихъ,—честолюбіе, въ которое мудрымъ воспитаніемъ превращена первоначальная страстность ихъ темперамента. Постоянное взаимное общеніе гражданъ и гражданокъ,—на работѣ и во время отдыха, на празднествахъ и въ повседневной жизни—обуславливаетъ утонченную свободу нравовъ у севарамбовъ, у которыхъ стыдливая скромность счастливо соединяется съ искренностью и открытостью на словахъ и въ чувствахъ. „Они стараются завоевать себѣ всеобщую любовь и уваженіе, ибо только это служитъ средствомъ достигнуть почетнаго положенія. Поэтому и среди тѣхъ, которые добиваются должностей, наблюдается честное соревнованіе и серьезное размышленіе о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, ибо они опасаются, что иначе могли бы повредить своей репутаціи. Сплетни и клевета подлежатъ строгимъ наказаніямъ, и если кто-либо вздумаетъ обвинять согражданина, но не можетъ доказать своихъ обвиненій, онъ не только покрывается позоромъ, но и подвергается строгому законному наказанію“ *). Дѣтей приучаютъ говорить истину съ самаго малолѣтняго возраста; и такъ какъ на нихъ не воздѣйствуетъ ни бѣдность, ни надежда на барышъ, ни стремленіе понравиться своимъ начальникамъ, ни страхъ не понравиться имъ, то вовсе не удивительно, что среди нихъ совсѣмъ нѣтъ или же очень мало лжецовъ. Любовь и месть—единственные пороки, къ которымъ они больше всего склонны по самой своей природѣ; но первая, благодаря мудрому законодательству, приводитъ къ заключенію раннихъ браковъ; что касается мстительности, мудрое воспитаніе умѣетъ предотвращать ее: дѣти съ самаго ранняго возраста вступаютъ въ общеніе съ однолѣтками, и, такимъ образомъ, смирятся слишкомъ сильная гордость.

О севарамбахъ также можно сказать: прекрасная душа въ прекрасной оболочкѣ. „Они сильны и пользуются хорошимъ здоровьемъ; причины тому въ условіяхъ ихъ рожденія, въ характерѣ ихъ жизни и въ бодрости“ **). Въ условіяхъ рожденія,—потому что отцы и матери севарамбовъ, вступившіе въ бракъ исключительно по любви, любятъ другъ друга много сильнѣе, чѣмъ люди, вступившіе въ бракъ по другимъ причинамъ. Среди народовъ изстари распространено убѣжденіе, что дѣти любви много лучше,

*) Hist. des sev. стр. 230, 231.

**) Hist. des sev. стр. 232.

чѣмъ дѣти, зачатые съ неудовольствіемъ и даже съ отвращеніемъ. Потому-то эта идея и оказываетъ такое вліяніе на систему брака у многихъ утопистовъ; половой подборъ, не обращающій никакого вниманія на индивидуальную любовь, какъ у Кампанеллы, является единичнымъ исключеніемъ.—Въ характерѣ жизни севарамбовъ,—потому что они ведутъ разумную жизнь, не страдаютъ отъ голода и жажды; потому что они не предаются излишествамъ и занимаются всевозможными физическими работами, не зная въ то же время чрезмѣрнаго труда.—Въ ихъ бодрости и въ ихъ развлеченияхъ, потому что у нихъ нѣтъ ни заботъ, ни жадности, „снѣдающихъ души людей, вынужденныхъ каждый день заботиться о теперешнихъ или будущихъ нуждахъ“ *). У нихъ ни въ чемъ нѣтъ нужды, и больше всего они заботятся о томъ, чтобы, соблюдая надлежащую мѣру, пользоваться истинными радостями жизни. „Но все, что содѣйствуетъ здоровью севарамбовъ, въ меньшей мѣрѣ увеличиваетъ и красоту обоихъ половъ; и если тамъ не найдешь утонченной и нѣжной красоты нашего времени, напоминающей о восковыхъ куклахъ, зато среди нихъ видишь мужчинъ и женщинъ съ прекрасными и правильными чертами лица, нѣжною и чистою кожей, сильнымъ и округленнымъ корпусомъ, живымъ и свѣжимъ цвѣтомъ лица и мужественной, ясно свидѣтельствующей о здоровьѣ осанкой, какую рѣдко встрѣтишь у насъ“ **).

Было бы полезно и поучительно произвести болѣе подробное сравненіе между англичаниномъ Моромъ и Верассомъ и прослѣдить при этомъ, какимъ образомъ ихъ умы, до такой степени различно направленные, на краеугольныхъ камняхъ, заложенныхъ ихъ рѣзкою критикой, воздвигли идеальныя построенія, такъ сильно различающіяся между собою; но, при ограниченности мѣста отведеннаго намъ, мы должны удовольствоваться краткими намеками, разбросанными въ нѣкоторыхъ мѣстахъ.

*) Ib. стр. 293.

**) Hist. des sev. стр. 294.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Государственные романы и описаніе путешествій въ 17 и 18 вѣкѣ.

Подобно утопіи Мора Верассовская исторія Севарамбовъ вызвала во Франціи безчисленные подражанія *). Въ теченіе извѣстнаго періода литература была буквально затоплена описаніями мудрыхъ и добродѣтельныхъ народовъ, населяющихъ различныя но обыкновенно чрезвычайно плодородныя, избранныя природой мѣстности земного шара. Однако, большинство этихъ подражателей были лишены прежде всего той творческой фантазіи, которая въ такой высокой степени отличаетъ Верасса и благодаря которой его книга производитъ впечатлѣніе картины не вымышленнаго идеальнаго государства, а дѣйствительно существующей страны; кромѣ того, подражатели не были въ состояніи понять глубокую тенденцію прототипа. Аксессуары, описаніе путешествій становятся для нихъ главной задачей, имъ посвящается все больше и больше мѣста, между тѣмъ какъ изображеніе идеальнаго государства отступаетъ мало-по-малу на задній планъ, какъ нѣчто второстепенное. Приключенія нагромождаются на приключенія, кораблекрушенія на кораблекрушенія, пока, наконецъ, герой или герои предназначенные авторомъ къ посѣщенію земного рая, не достигаютъ покоя. Они переѣзжаютъ страну идеала изъ конца въ конецъ и затѣмъ снова садятся на корабль, аэростатъ, на гигантскую птицу или употребляютъ какое-либо иное средство транспортировки, чтобы вернуться на родину и рассказать удивленнымъ

*) Ср. Voyages imaginaires, X. Введеніе стр. 6—8.

землякам чудесную повесть о далеких землях,—здесь обыкновенно и слышит их авторъ. Въ другихъ случаяхъ мы имѣемъ цѣлыя новѣйшія Одиссеи, долгіе годы скитаній изъ страны въ страну, въ нуждѣ и нищетѣ, причемъ въ концѣ концовъ героя избавляетъ отъ бѣдствій сострадательная душа самого автора книги, или его друга, которые даютъ герою гостепріимный пріютъ или снабжаютъ его деньгами для возвращенія на родину, въ награду за что послѣдній, незадолго до своей смерти, оставляетъ имъ описаніе своихъ приключеній,—герои по большей части умираютъ, не успѣвъ вернуться въ отечество. Мы напрасно бы искали у подражателей того чувства мѣры, которымъ проникнуто введеніе къ труду Верасса. Рядомъ съ представителями этой погони за приключеніями, для которыхъ главное—введеніе и заключеніе, а изображеніе идеальнаго государства—только эпизодъ, стоятъ писатели другого типа, писатели, которые видѣли въ поэтической оболочкѣ лишь досадное препятствіе и низводили ее до размѣровъ 2—3-хъ страницъ, не рѣшаясь, однако, совершенно отбросить традиціонную форму. Если, такимъ образомъ, по внѣшнему расположенію матеріала, всѣ эти описанія путешествій поразительно сходны между собою, то не менѣе поразительно богатое разнообразіе въ самомъ ихъ содержаніи. Намъ показываютъ государства, гдѣ господствуютъ всѣ формы управления, начиная съ абсолютной монархіи до полной анархіи, и всѣ возможные типы смѣшенія этихъ формъ, начиная съ аристократическо-демократической монархіи до монархическо-аристократической республики; мы знакомимся съ желтыми, черными, бѣлыми людьми, съ великанами, карликами и обыкновенными дѣтьми рода человѣческаго, съ звѣрями въ человѣческомъ образѣ и людьми въ образѣ звѣриномъ; мы забираемся въ таинственныя нѣдра центральной Африки, высаживаемся на берегахъ Южнаго Океана, проникаемъ въ глубину земли, переносимся въ міровомъ пространствѣ съ луны на одну изъ планетъ и съ одной планеты на другую,—однимъ словомъ, здѣсь воплотилось все, что можетъ создать безудержная человѣческая фантазія, воплотилось въ образахъ, часто некрасивыхъ, грубыхъ и плоскихъ, часто эксцентричныхъ, но часто художественныхъ, гармонически прекрасныхъ *). Само собою разумѣется, среди огромнаго обилія этихъ продуктовъ двухвѣковой литера-

*) Сборникомъ такихъ путешествій является трудъ „Voyages imaginaires“ („Вымышленныя путешествія“) Paris. 1787—89 г.г. 36 томовъ съ тремя добавочными.

турной работы нашему разсмотрѣнію подлежатъ только тѣ сочиненія, которыя, съ одной стороны—пытаются подвергнуть серьезной критикѣ тогдашнее государственное и общественное устройство и, съ другой стороны, кладутъ въ основу своего государственнаго идеала коллективную форму собственности.

I. La Terre Australe.

(Австраійская земля).

Прежде всего намъ придется разсмотрѣть книгу „La terre australe connue“ (Новооткрытая восточная земля), появившуюся годъ спустя послѣ англійскаго изданія Верассовскаго труда, но еще до выхода въ свѣтъ его французскаго перевода, слѣдовательно, имѣющую несомнѣнно самостоятельное происхожденіе **). Описаніе путешествія во введеніи такъ же фантастично, какъ и мысль о существованіи гермафродитнаго народа, населяющаго пятую, неизвѣстную часть свѣта; однако, уже Баль обращаетъ вниманіе своихъ читателей на то, что въ книгѣ слѣдуетъ искать болѣе, чѣмъ она обѣщаетъ съ перваго взгляда. Онъ подчеркиваетъ утвержденіе автора, что австраійцы происходятъ не отъ Адама, а отъ нѣкоего Гермафродита („Андрогина“), который не утратилъ вмѣстѣ съ нашимъ библейскимъ праотцемъ состоянія первобытной невинности. Авторъ, выдвигая свою преадамитскую систему, противорѣчащую ученію католической церкви, избралъ эту фантастическую оболочку для того, чтобы обмануть бдительность цензоровъ ***). Въ соотвѣтствіи съ этимъ большую часть книги занимаютъ религіозныя изысканія, касаться которыхъ здѣсь не мѣсто; для насъ центръ тяжести лежитъ въ пятой главѣ, „государственное

*) Полное ея заглавіе гласитъ: „Новооткрытая Восточная (australe) земля, т. е. описаніе этой страны, невѣдомой доселѣ, ея правовъ и обычаевъ, составленное господиномъ Садеръ, съ присоединеніемъ разсказа о приключеніяхъ, испытанныхъ имъ на этомъ материкѣ, о событіяхъ его пребыванія тамъ въ теченіе тридцати пяти лѣтъ слишкомъ и о его возвращеніи“. Баль считаетъ авторомъ этого произведенія нѣкоего Габріэля Фуаньи, монаха-кордильера одного изъ Лотарингскихъ монастырей или какого-то бретонскаго дворянина, „великаго почитателя Лукреція“ („grand admirateur de Lucrèce“). Bayle, Dictionnaire Historique, 3-е изд. Книжечка пользовалась довольно значительнымъ успѣхомъ; упоминаемъ также ея переработку, едѣланную Ф. Паренетомъ: „Les aventures de Jaques Sadeur dans la découverte et le voyage de la terre australe à Paris 1692“.

**) Bayle, Dictionnaire Histor. III, стр. 2509, прим. 9. Онъ упоминаетъ еще, что и многіе другіе авторы подобнымъ же образомъ старались замаскировать свои идеи, между прочимъ, авторъ „Исторія Севарамбовъ“.—Ср. ученіе гармонистовъ въ Америкѣ.

устройство австралийцев и ихъ обычаи“ (de la constitution des Australiens et de leurs coutumes), и въ седьмой, „отношеніе австралийцевъ къ сей жизни“ (des sentiments des Australiens sur cette vie). Австралийцы представляютъ гермафродитный народъ, живущій въ полной невинности и потому не нуждающийся въ употребленіи какого бы то ни было платья. У нихъ нѣтъ никакого правительства, и они не знаютъ, что значить „мое“ и „твое“ *). Совмѣстность въ пользованіи всяческими благами проведена съ такою строгостью, что въ Европѣ мужъ и жена никогда не достигаютъ такой полной общности. Мы имѣемъ здѣсь передъ собою народъ, у котораго принципъ коллективизма осуществленъ во всей полнотѣ и притомъ безъ всякой государственной организаціи. Одинъ австралийскій старецъ, въ разговорѣ съ Жакомъ, или, собственно, Николаемъ Садеромъ, европейцемъ, выброшеннымъ при кораблекрушеніи на австралийскій берегъ, слѣдующимъ образомъ защищаетъ существующій въ этой странѣ строй. Садеръ говоритъ, что масса не можетъ жить безъ внѣшняго порядка, не приходя въ совершенно беспорядочное состояніе; между тѣмъ всякій внѣшній порядокъ неизбежно предполагаетъ начальника, которому остальные вынуждены подчиняться. Въ возраженіе на это австралиецъ развиваетъ слѣдующій рядъ мыслей. По самой природѣ своей человѣкъ рождается свободнымъ, и только путемъ отказа отъ человѣческой природы одинъ человѣкъ можетъ подчиниться другому, но при этомъ именно благодаря такому подчиненію онъ низводится до уровня животнаго. Такъ какъ цѣль всегда нѣчто высшее и болѣе благородное, нежели дѣйствующая причина, то человѣкъ не можетъ быть рожденъ ради службы (service) интересамъ другого человѣка. Его сущность состоитъ въ свободѣ и отнять у него свободу—это значитъ стремиться принудить его существовать безъ сущности. Человѣкъ, даже когда онъ заключенъ въ оковы и посаженъ въ тюрьму, можетъ утратить только внѣшнюю свободу передвиженія, но никоимъ образомъ не свою внутреннюю свободу. Поэтому, австралиецъ, руководящійся указаннымъ принципомъ, очень часто исполняетъ просьбы другихъ людей, но никогда ничего не дѣлаетъ только потому, что ему это приказываютъ. Слово „приказаніе“ ему неизвѣстно; онъ дѣлаетъ лишь

*) Они не знаютъ, что значить „мое“ и „твое“. La terre australe, изд. 1676 г., стр. 80.

то, что повелѣваетъ ему его разумъ, ибо разумъ его законъ, его правило, его единственный вождь *). При такомъ рѣзко проведенномъ индивидуализмѣ австралийцы естественнымъ образомъ не имѣютъ ни правительства, ни чиновниковъ. Защита страны противъ нападенія враждебныхъ сосѣдей осуществляется также безъ всякаго вождя или какого-либо начальника, но просто путемъ свободного соглашенія и союза всѣхъ жителей. Трудность управлять производственнымъ процессомъ обширнаго народа безъ всякихъ ограниченій единичной воли индивидуумовъ и безъ власти большинства надъ меньшинствомъ—авторъ устраняетъ съ своего пути самымъ простымъ способомъ: производственного процесса вообще не существуетъ. Богатая щедрость природы, благоприятный климатъ и ограниченность потребностей жителей дѣлаютъ его совершенно излишнимъ. Каждый имѣетъ равное право на плоды земные, а такъ какъ послѣдніе имѣются въ изобиліи и добываются безъ всякаго труда, до споровъ дѣло никогда не можетъ дойти. Также просто разрѣшается вопросъ о ростѣ народонаселенія у этого гермафродитнаго народа; и здѣсь проблема разрѣшается путемъ такой ея постановки, при которой проблематическій характеръ исчезаетъ самъ собой. Ростъ народа регулируется простымъ закономъ, по которому каждый австралиецъ долженъ дать обществу по крайней мѣрѣ одного ребенка, и такъ какъ австралийцы чувствуютъ отвращеніе къ половымъ эмоціямъ, дѣло обыкновенно ограничивается однимъ ребенкомъ. Станнымъ образомъ авторъ книги не замѣчаетъ, что этотъ законъ нарушаетъ принципъ безграничной свободы индивидуума.

Совмѣстная жизнь этихъ свободныхъ индивидуумовъ дѣлается возможной, благодаря равному для всѣхъ воспитанію, главная задача котораго состоитъ въ томъ, чтобы пробудить въ воспитанникахъ съ самаго ранняго дѣтства чувство полнѣйшаго равенства. Въ неравенствѣ воспитанія, какъ оно существуетъ въ европейскихъ странахъ, лежитъ источникъ всѣхъ споровъ и безпорядковъ. Ибо тотъ, кто знаетъ меньше, будетъ всегда подчиненъ тому, кто знаетъ больше, и будетъ чувствовать себя тѣмъ болѣе несчастнымъ, что по рожденію всѣ созданы равными и каждый сознаетъ себя таковымъ. Но у австралийцевъ, вслѣдствіе одинаковаго воспитанія, всѣ видятъ свою честь именно въ томъ,

*) La terre australe, стр. 107—108.

чтобы во всѣхъ отношеніяхъ быть равными; ихъ слава въ этомъ равенствѣ жизни и равенствѣ образованія *).

II. Жакъ Массе.

Въ книгѣ, рассказывающей о „путешествіяхъ и приключеніяхъ Жака Массе“ **), религиозный моментъ также выдвинутъ на первый планъ. Религія изображеннаго здѣсь народа является чистымъ деизмомъ. „Вѣрую“,—гласитъ его символъ вѣры,—„въ предвѣчно рожденную субстанцію, универсальнаго, безконечно-мудраго и справедливаго Духа, независимое и неизмѣнное Существо, сотворившее небо и землю“ ***). Несмотря на это, безсмертіе души не признается. Въ книгѣ не мало рѣзкихъ нападокъ на господствующую религію и представляющую ее католическую церковь; вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ, подобно Мелье, подвергаетъ ѣдкой критикѣ военную политику европейскихъ князей, провоцирующихъ войны по ничтожнымъ поводамъ, изъ честолюбія или отъ скуки, бичуетъ лицемеріе королей и духовенства, которое держитъ въ рабствѣ легковѣрный народъ, проповѣдуя, что милость Божія почіетъ на великихъ міра сего, и что безпощадная борьба противъ иновѣрія и еретичества угодна Богу; онъ говоритъ, наконецъ, о тупости народныхъ массъ, которыя до такой степени невѣжественны, что позволяютъ вести себя по пути къ гибели и уничтоженію человѣческаго рода ****).

Построенъ ли производственный процессъ идеальнаго народа на началахъ коллективизма или нѣтъ,—объ этомъ мы не узнаемъ ничего опредѣленнаго; однако, несмотря на то, что въ одномъ мѣстѣ книги говорится о непосредственномъ обмѣнѣ товаровъ, а въ другомъ—о мѣдныхъ деньгахъ, общая организація страны, ея деревень и городовъ заставляетъ все же предполагать коллективистическій способъ хозяйства. Страна раздѣлена на равные, окруженные со всѣхъ сторонъ каналами кантоны квадратной формы. Въ каждомъ кантонѣ имѣется одинъ судья и одинъ священникъ. Судьи административнаго округа, состоящаго изъ десяти кантоновъ, отъ времени до времени собираются на собраніе, которое

*) La terre australe, стр. 99.

**) Voyages et aventures de Jacques Massé, Bordeaux, 1710.

***) Voyages, стр. 157.

****) Voyages, стр. 219—220.

отправляетъ правосудіе и завѣдуетъ общей полиціей. Кромѣ того, имѣется еще „Assemblée illustre“, состоящая изъ депутатовъ, избираемыхъ десятью начальниками округовъ, и председателя-короля. Впрочемъ, остается неяснымъ, для чего въ сущности нуженъ этотъ послѣдній и вся „Assemblée“. Въ книгѣ дѣятельность короля состоитъ лишь въ томъ, что онъ смотритъ, какъ забѣзжій европеецъ дѣлаетъ часы, и отъ времени до времени беретъ за себя замужъ одну изъ красавицъ страны. Вообще общественныя отношенія идеальнаго народа отступаютъ на задній планъ передъ описаніемъ многочисленныхъ приключеній, испытанныхъ обоими героями во время путешествія туда и обратно.

III. Республика философовъ.

Посмертно изданный трудъ Фонтенеля низводитъ насъ изъ міра фантастическихъ приключеній Сандера и Массе въ область трезвыхъ отношеній. Въ своей „Республикѣ философовъ или исторіи аяойцевъ“ *), знаменитый писатель и философъ оставилъ намъ проектъ коммунистическаго государства,—работа, къ сожалѣнію, слишкомъ часто обнаруживающая, что она не была доведена до конца рукою автора. Этому обстоятельству приходится, конечно, прежде всего приписать тѣ противорѣчія, съ которыми мы встрѣтимся позднѣе въ нашемъ изложеніи. По внѣшней конструкціи трудъ обнаруживаетъ поразительное совпаденіе съ „Исторіей севарамбовъ“ Верасса. Здѣсь, какъ и тамъ, голландцы были пригнаны бурей къ берегамъ незнакомой имъ страны и самымъ радужнымъ образомъ приняты высоко культурными обитателями этой послѣдней. Совпаденіе простирается до мельчайшихъ деталей. Такъ, напр., у обоихъ писателей потерпѣвшіе кораблекрушеніе помѣщаются сначала внѣ города въ большомъ домѣ и должны передъ вступленіемъ въ столицу надѣть на себя платье, установленное обычаемъ страны для чужеземцевъ. Но сухой тонъ Фонтенелевской книги стоитъ въ непріятномъ противорѣчіи съ живою, одушевленною манерою Верасса. Столь же мало можно констатировать въ этомъ трудѣ прогрессъ по сравненію съ Верассомъ въ возрѣніяхъ на общественную жизнь, въ изображеніи коллек-

*) La République des Philosophes ou Histoire des Ajaoiens. Ouvrage posthume de M. de Fontenelle. Женева, 1768.

тивного производства, вытекающего из него распределения и отношений между полами. Только в области религии айаойцы шагнули дальше, а именно, в согласии с общим ходом развития религиозных воззрений 18 века, на место деизма, который мы находим у предшествующих утопистов, выступило пантеистическое преклонение перед природой.

У айаойцев нет культа, нет ни священных книг, ни храмов, ни алтарей, ни жрецов. Два принципа, вытекающие из простого здравого разсудка и самой природы и потому имѣющие неоспоримую очевидность, регулируютъ все ихъ чувства и взгляды.

Первый: „то, что само не существуетъ, не можетъ быть причиною бытія какой-либо вещи“,—а второй: „поступай съ твоими братьями-людьми такъ, какъ ты желалъ бы, чтобы они поступали съ тобою“.

Изъ перваго принципа айаойцы выводятъ свои взгляды на религію. Они почитаютъ только благую мать-природу, которая въ своемъ вѣчномъ бытіи даруетъ жизнь всемъ твореніямъ, въ которой все совершается въ необходимомъ порядкѣ. Вѣра въ верховное, невидимое существо, бытіе котораго никогда не можетъ быть доказано априори, совершенно чужда имъ. Къ чему, говорятъ они, этотъ длинный обходъ отъ невѣдомаго божества черезъ природу къ человѣку? Сама природа, какъ таковая, является творцомъ всего сущаго, въ томъ числѣ и человѣка. Природа — не личное существо, поэтому наивно пытаться умилостивить или разжалобить природу человѣческими моленіями. Законы природы неизмѣнны, круговоротъ ея движенія вѣчно совершается въ одномъ и томъ же порядкѣ и ничто не можетъ повернуть его на другой путь. Такъ какъ въ природы, такимъ образомъ, ничего нетъ, и всякое движеніе можетъ совершаться только въ ней, то, естественно, человѣкъ, какъ и все существующее, переходящъ, и душа его не есть субстанція. Разумъ, почитаемый отличительнымъ признакомъ человѣка отъ животнаго, по мнѣнію айаойцевъ, присущъ остальнымъ живымъ существамъ такъ же, какъ и людямъ. Разница между тѣми и другими лишь въ степени, а отнюдь не по существу. Человѣческій духъ—это лишь часть тончайшей и чрезвычайно подвижной матеріи, которая въ большей или меньшей степени присутствуетъ во всякомъ тѣлѣ, и господствуетъ во всей природѣ.

При такихъ философскихъ взглядахъ нетъ, разумѣется, мѣста

ни культу, ни жреческому сословію. По вечерамъ отецъ семейства произноситъ передъ членами семьи поученіе относительно обязанностей, лежащихъ на каждомъ добромъ гражданинѣ—таково богослуженіе айаойцевъ. И, несмотря на это, государство ихъ существуетъ, находится въ состояніи болѣе здоровомъ, проникнуто принципомъ болѣе чистой нравственности, чѣмъ какое-либо другое, гдѣ государственная церковь съ ея пышнымъ культомъ и многочисленнымъ духовенствомъ поддерживаетъ одну изъ существующихъ религій.

Островъ Айао раздѣленъ на шесть округовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ собственную столицу и нѣкоторымъ образомъ составляетъ отдѣльную республику. Айао, самый большой изъ этихъ округовъ, раздѣленъ на шесть треугольниковъ, которые въ свою очередь составлены изъ такого же количества кварталовъ. Каждый кварталъ вмѣщаетъ отъ шести до восьми сотенъ домовъ (длинные одноэтажные зданія съ позолоченными или покрытыми кожей плоскими крышами), въ каждомъ изъ которыхъ находятъ пріютъ двадцать семействъ. Базисомъ всего государственнаго устройства, какъ и у Мора, является семья, состоящая въ данномъ случаѣ изъ отца, такъ наз. минха, его двухъ женъ и дѣтей. Каждые двадцать отцовъ семей, занимающихъ совместно одинъ домъ, избираютъ двухъ минхистовъ, управляющихъ всемъ домомъ. Срокъ службы послѣднихъ ограниченъ двумя годами, причемъ ежегодно избирается одинъ минхистъ. Сорокъ минхистовъ изъ двадцати соседнихъ домовъ выбираютъ двухъ минхискоа. Эти представители городского квартала, въ количествѣ восьмидесяти человѣкъ, имѣютъ собственный домъ собраній, гдѣ и ведутъ все свои дѣла. Они выбираютъ изъ гражданъ, уже занимавшихъ должность минхискоа, двухъ минхискоа-адоэ, составляющихъ городской совѣтъ. Каждый изъ шести городовъ избираетъ на шесть лѣтъ по четыре старѣйшихъ и мудрѣйшихъ согражданъ изъ бывшихъ минхискоа-адоэ, собраніе которыхъ является сувереннымъ совѣтомъ всей страны. Переизбраніи должностныхъ лицъ рѣдки, ибо задача конституціи состоитъ въ томъ, чтобы по возможности все граждане достигали почетныхъ постовъ, и чтобы чувство честолюбія, пробужденное надеждой на почетныя должности, доставляемая только заслугами, поддерживало гражданъ въ ихъ безпорочной и добродѣтельной жизни. Въ рукахъ этихъ четырехъ классовъ чиновниковъ находятся все дѣла управленія, полиціи, юстиціи, точно такъ же, какъ и высшее руководство въ области производства и распределения.

Важнейшая должность—минхискоа-адоэ, на обязанности которого лежит управление всѣмъ округомъ. Минхискоа-адоэ ведутъ точную запись рождений и смертности; точный кадастръ всѣхъ земель своего округа и прилежащихъ къ нему деревень, куда заносятся данныя о количествѣ эксплуатируемыхъ земель и пропорціональномъ соотношеніи различныхъ культуръ; они же регистрируютъ всѣхъ, занятыхъ въ ремеслѣ и искусствѣ, подводятъ итоги валовому обороту производства, сообразно чему опредѣляется число лицъ, требующихся для каждой данной профессіи. Кромѣ того, минхискоа-адоэ заботятся о равномерномъ распредѣленіи избытковъ различныхъ деревень, о перевозкѣ продуктовъ въ города и уравниваютъ производственный процессъ между отдѣльными округами. Они надзираютъ далѣе за общественными зданіями, школами, больницами, за жилищами рабовъ, безъ которыхъ, по примѣру Мора и Верасса, не могла обходиться ни одна утопія того времени, за общественными магазинами, засѣдаютъ въ судѣ, разбирающемъ всѣ жалобы и ходатайства частныхъ лицъ, однимъ словомъ, ведутъ жизнь полную труда и заботъ. Собственно судебная власть находится въ рукахъ минхискоа, полномочія которыхъ дѣйствуютъ въ очень широкихъ рамкахъ, вплоть до права обращать гражданъ въ рабство. Несмотря на утвержденіе автора, что должность адоэ-реци, члена верховнаго совѣта, сопряжена съ большими трудами и заботами, такъ какъ на его обязанности лежитъ надзоръ за управленіемъ шестью городами и ихъ областями, мы не можемъ признать за этою должностію особеннаго значенія. Верховный совѣтъ завѣдуетъ военнымъ дѣломъ, финансами и налогами, постройкой новыхъ путей сообщенія и новыхъ зданій и, въ случаѣ недостаточнаго урожая, что впрочемъ бываетъ очень рѣдко, уравниваетъ потребление продуктовъ производства между отдѣльными округами.

Во главѣ государственнаго совѣта не стоитъ никакого президента, и засѣданія его, совершенно такъ же, какъ и у современныхъ анархистовъ, совершаются безъ предѣдателя.

Авторъ, столь обстоятельно знакомящій насъ съ государственнымъ устройствомъ айаойцевъ, является въ такой же степени лаконичнымъ въ изображеніи производственного процесса этой благословенной природою страны. Причина понятна: нѣтъ ничего легче, какъ построить схему конституціи, создать столько-то и столько-то классовъ чиновничества и размѣстить сообразно такой классификаціи должности, существующія на родинѣ автора; даже

наименѣе талантливые утописты обыкновенно разрѣшали эту часть своей задачи не безъ нѣкотораго успѣха. Однако, здѣсь еще нѣтъ большой заслуги: истиннымъ пробнымъ камнемъ каждой утопіи является изображеніе производственного процесса.

Понялъ-ли авторъ тенденціи развивающагося крупнаго производства, замѣтилъ-ли и оцѣнилъ-ли онъ кроющіеся въ его нѣдрахъ зародыши обобществленія, сумѣлъ-ли довести эти зародыши въ своемъ мозгу, какъ въ теплицѣ, ускоряющей естественное развитіе, до полной зрѣлости, воплотить-ли ихъ въ своей картинѣ идеальнаго государства? Вотъ тѣ вопросы, съ которыми слѣдуетъ приступать къ оцѣнкѣ работы утописта, они даютъ критерій для того, чтобы опредѣлить значеніе данной утопіи въ исторіи развитія общественной мысли. Если мы приложимъ этотъ масштабъ къ книгѣ „Республика философовъ“, то увидимъ, что по сравненію съ Верассомъ она не знаменуетъ никакого прогресса и скорѣе, наоборотъ, является значительнымъ шагомъ назадъ. Риеуя производственный процессъ, книга обнаруживаетъ такое полное непониманіе принциповъ коллективизма, такіа рѣзкія противорѣчія, что мы склонны возложить ответственность за это не на автора Фонтенеля, а на неизвѣстнаго издателя труда.

„Мое и твое неизвѣстно на островѣ Айао, однако, не все является предметомъ общаго владѣнія. Никто не пользуется землею на правѣ частной собственности. Вся земля принадлежитъ государству, которое руководитъ ея обработкой и распредѣляетъ продукты между отдѣльными семействами“ *). Главную роль въ производствѣ играетъ, конечно, земледѣліе. Имъ занимаются молодые супружескія пары, которыя немедленно послѣ свадьбы оставляютъ городъ и поселяются въ деревняхъ, въ мѣстахъ, указанныхъ имъ минхискоа-адоэ. Эти деревни пользуются нѣкоторымъ самоуправленіемъ, онѣ выбираютъ минхистовъ и минхискоа совершенно такъ же, какъ отдѣльные дома и округа городовъ; но эти чиновники зависятъ отъ городскихъ минхискоа-адоэ и обязаны ежемѣсячно давать послѣднимъ отчетъ о своей дѣятельности. Въ каждомъ городѣ и въ каждой деревнѣ имѣются хлѣбные склады и магазины. Изъ деревень необходимые запасы зерна и другихъ продуктовъ направляются въ города и помѣщаются въ этихъ складочныхъ мѣстахъ въ количествѣ, соответствующемъ потребности въ нихъ.

*) La République, стр. 70.
Изд. ред. журн. „Образованіе“.

Средства существованія, сложенные въ обширныхъ кладовыхъ города, распределяются между его кварталами. Минхискоа раздѣляютъ продукты между домами, минхисты между отдѣльными семьями. Такой раздѣлъ имѣетъ мѣсто каждые 4 дня. Подобный же модусъ установленъ и для предметовъ народнаго одѣянія. И здѣсь минхискоа-адоэ заботятся о приготовленіи достаточнаго количества матерьяловъ, которые затѣмъ сообразно потребности распределяютъ среди населенія минхискоа или минхисты. Изготовленіе платья находится въ рукахъ женщинъ; портныхъ на Айао не существуетъ *). „Остальные предметы меньшей важности“—мы цитируемъ это мѣсто цѣликомъ, чтобы показать его вопіющее противорѣчіе,—„какъ мебель, башмаки, кухонная утварь, шляпы, приобретаются путемъ обмѣна. Этотъ обычай приводитъ къ тому, что каждый усердно занимается своей профессіей, чтобы не имѣть ни въ чемъ недостатка. Кромѣ того, они обыкновенно почитаютъ за удовольствіе предупредительно удовлетворять потребности другъ друга, какъ это въ обычаѣ среди людей, являющихся другъ другу братьями, признающихъ одну общую мать, которой они обязаны всеѣмъ своимъ существованіемъ, такъ что, напримѣръ, обитатели одного и того же дома, если они занимаются различными ремеслами, тотчасъ же предлагаютъ необходимый предметъ всякому, кто испытываетъ въ чемъ-либо нужду, оставляя за собой справедливое право попросить его при случаѣ о чемъ-либо другомъ; часто также случается, что частный человекъ, нуждаясь въ какомъ-нибудь предметѣ, находитъ его у другого, который не имѣетъ нужды ни въ чемъ томъ, что онъ могъ бы ему предложить въ видѣ возмездія, и все же получаетъ нужный предметъ. Однимъ словомъ, они находятъ удовольствіе въ томъ, чтобы услуживать другъ другу, и такое настроеніе господствуетъ среди всеѣхъ обитателей острова **). Еще въ большемъ противорѣчій со всеѣмъ, что говорится въ предшествующихъ главахъ о производствѣ и географическомъ расположеніи страны, стоитъ непосредственно примыкающій къ нимъ отдѣлъ о горномъ дѣлѣ на Айао. Какъ и вся остальная земля, рудники принад-

*) Объ изготовленіи необходимаго платья особыми должностными лицами, какъ утверждаетъ Клейнвехтеръ („Die Staatsromane“, стр. 68), нѣтъ и рѣчи. Дѣло идетъ лишь о доставленіи матерій, а не готоваго платья, въ опредѣленные мѣста. Ср. La République, стр. 73, 78, гдѣ, какъ у Мора, говорится: „Каждая женщина снабжаетъ платьемъ свое семейство.“

**) La République, стр. 74—75.

лежать государству и каждый айаоецъ по крайней мѣрѣ разъ въ жизни отправляется туда, чтобы посмотреть на чудеса природы и взять *отсюда* съ собою столько, сколько ему требуется; при чемъ изъ текста не ясно, беретъ ли онъ отъ чудесъ природы, или отъ чего-либо другого. Жители этого, седьмого округа, Калюки, который появляется здѣсь внезапно, неизвѣстно откуда, (на стр. 33 и др. мѣстахъ существуетъ только шесть округовъ), обрабатываютъ преимущественно металлы, такъ какъ въ ихъ распоряженіи находится слишкомъ мало годной для земледѣлія почвы. Они обмѣниваютъ эти металлы на товары, которые привозятъ имъ путешественники изъ другихъ округовъ и кромѣ того каждые семь мѣсяцевъ отправляютъ опредѣленное количество металловъ въ магазины другихъ пяти городовъ *). Попытка распутать сплетеніе противорѣчій, содержащихся въ этомъ и предшествующихъ мѣстахъ, была бы напраснымъ трудомъ; съ другой стороны, является ли авторомъ труда Фонтенель или кто-либо другой, было бы въ высшей степени несправедливо думать, что при составленіи книги онъ не замѣтилъ этихъ, болѣе чѣмъ плоскихъ противорѣчій вслѣдствіе простой несообразительности. Итакъ, вычеркнемъ просто на просто эти страницы, тѣмъ болѣе, что тяжелый стиль ихъ не соответствуетъ простому языку другихъ мѣстъ, и такимъ образомъ установимъ единство въ той, во всякомъ случаѣ очень бѣдной, картинѣ, которой удовольствовался авторъ, рисуя намъ производство айаойцевъ.

Каждый айаоецъ долженъ жениться на двадцатомъ году и непременно на двухъ женахъ. Какой мудрый законъ! восклицаетъ авторъ, питавшій вообще къ женщинамъ чувство страха, смѣшаннаго съ презрѣніемъ; между обѣими женами, продолжаетъ онъ, неизбѣжно должно возникнуть горячее соперничество изъ-за любви ихъ супруга и онъ наперерывъ будутъ стараться избавить его отъ всего, что могло бы доставить ему непріятности, безпокойство и заботы, которыя столь обычны въ странахъ, гдѣ часто властвуетъ въ домѣ скорѣе жена, чѣмъ бѣдный мужъ, жизнь котораго представляетъ сплошной рядъ непріятностей и является настоящимъ адомъ **). Предшествующее браку сватовство и церемоніаль послѣдняго мы можемъ опустить, такъ какъ авторъ за-

*) La République, стр. 75—76.

**) См. La République, стр. 112, гдѣ, какъ мы видимъ, вопреки Клейнвехтеру защищается двоеженство.

имствовалъ изображеніе ихъ у Верасса. Испытаніе дѣвушки, изслѣдованіе, не утаиваетъ ли она какихъ-либо обезображивающихъ тѣло пороковъ, совершается по образцу Моровской утопіи, однако, съ небольшими варіантами, характерными для утонченнаго восемнадцатаго вѣка. Моръ передъ заключеніемъ брака наивно показываетъ другъ другу обоимъ будущихъ супруговъ въ полной наготѣ; для нашего автора это уже слишкомъ голо! У него заботливая мать выводитъ свою дочь, одѣтую въ платье поверхъ рубашки изъ тончайшаго газа. Во время обрученія послѣ того какъ всѣ вопросы, требуемые церемоніаломъ, получили удовлетворительный отвѣтъ, чиновники, обязанные присутствовать при этомъ актѣ, а также отецъ невѣсты, отступаютъ на минуту назадъ, и мать, снимая съ дочери верхнее платье, позволяетъ своему будущему зятю увидѣть сквозь газъ всѣ прелести, которыми природа наградила ея дочь *). Дѣти, происходящія отъ такихъ браковъ, воспитываются, каждый по особому, въ большихъ школахъ, которыхъ имѣется по двѣ въ каждомъ изъ шести городовъ страны. Они начинаютъ свое обученіе на шестомъ году жизни и съ этого возраста все дальнѣйшее воспитаніе беретъ на себя государство. Программа не представляетъ ничего новаго. Мы находимъ здѣсь снова соединеніе техническаго труда съ духовнымъ и тѣлеснымъ развитіемъ, что является отличительной чертой воспитательныхъ программъ всѣхъ утопистовъ, и отъ нихъ воспринято позднѣйшими социалистами. Ученики, достигшіе опредѣленнаго возраста, отправляются днемъ изъ школы въ городъ, для того чтобы изучать ремесло у мастеровъ—обыкновенно своихъ отцовъ,—и каждый вечеръ возвращаются назадъ въ школу. Дѣвочки воспитываются такимъ же образомъ, съ тою лишь разницею, что начиная съ пятнадцатаго или шестнадцатаго года ихъ съ особенной заботливостью готовятъ къ обязанностямъ будущихъ матерей семейства и обучаютъ главнымъ образомъ веденію домашняго хозяйства, лежащаго исключительно на женщинахъ. Все воспитаніе ихъ направлено къ тому, чтобы культивировать такіе качества, которыя наиболѣе способны сдѣлать ихъ пріятными и достойными любви будущаго супруга. Поэтому считается совершенно излишнимъ учить ихъ писать, тѣмъ болѣе, что онѣ ни въ какомъ случаѣ не могутъ принять участіе въ управленіи страной.

Вся культура айаойцевъ покоится, какъ на базисѣ, на рабствѣ

*) См. *La république*, стр. 114.

аборигеновъ, жребій которыхъ далеко не принадлежитъ къ числу пріятныхъ. Айаойцы завладѣли островомъ путемъ завоеванія и при этомъ покончили съ большею частью его кореннаго населенія; только ничтожному числу его обитателей они даровали жизнь, для того, чтобы въ будущемъ употреблять ихъ въ качествѣ рабовъ. Эти послѣдніе вмѣстѣ со всѣмъ своимъ потомствомъ являются собственностью государства. Для того, чтобы предотвратить слишкомъ сильный приростъ населенія рабовъ, избытокъ ихъ дѣтей въ началѣ убивали, а потомъ стали экспортировать на берега Китая и тамъ сбывать. Рабы живутъ въ специальныхъ рабочихъ домахъ, куда они запираются за часъ до солнечнаго захода; сношенія съ рабами другихъ кварталовъ имъ строго запрещены. Весь этотъ не гуманный рабскій строй хозяйства, при изображеніи котораго авторъ несомнѣнно находился подъ влияніемъ съ одной стороны, Спарты съ ея илотами, съ другой стороны, порабощенія негровъ въ Америкѣ, не находится въ согласіи съ остальными учрежденіями государства, такъ какъ айаойцы далеко не ведутъ жизнь лѣннихъ, праздныхъ рабовладѣльцевъ, возлагающихъ все бремя труда на многочисленныхъ государственныхъ рабовъ, но, какъ разъ наоборотъ, сами являются прилежными тружениками, какъ въ земледѣліи, такъ и въ ремеслѣ.

IV. „Австралійскія открытія“ и „Письмо одной обезьяны“ Рестифа.

Отъ Фонтенеля къ Рестифу! *) Изъ міра сухой трезвости въ міръ безбрежной фантазіи—таковъ прыжокъ, который намъ приходится сдѣлать, для того, чтобы перейти къ послѣднему утопическому путешествію и, въ то же время, присоединить послѣднее звено къ цѣпи описанныхъ уже нами коллективистическихъ романовъ 18-го столѣтія. Мошь называетъ Рестифовскую „*La découverte australe*“ совершенно сумасшедшей книгой **); Клейнвехтеръ

*) Николай Эдмъ Рестифъ (де-ла-Бретоннъ) родился 23 октября 1734 г. въ Саси (въ Бургоньѣ). Свою раннюю молодость онъ провелъ въ родной деревнѣ, гдѣ отецъ его обрабатывалъ землю, затѣмъ поступилъ въ Оксерръ въ ученики къ типографу и, наконецъ, направился въ Парижъ, гдѣ и провелъ свою въ высшей степени дѣятельную, полную превратностей жизнь, сначала въ качествѣ наборщика, а затѣмъ типографа. Онъ умеръ въ Парижѣ 3 февраля 1806 года.

**) Mohl, *Die Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften*, Erlangen 1855, I, стр. 198.

говорить о ней, какъ о четырехтомномъ безуміи съ небольшою крупницей серьезной мысли въ послѣднемъ томѣ *), авторъ „Schlaraffia politica“, разумѣется, повторяетъ безъ дальнѣйшихъ разсужденій это мнѣніе **). Только въ одномъ пунктѣ нашъ авторъ заслужилъ одобреніе Моля и остальныхъ двухъ критиковъ, а именно въ томъ, что онъ считаетъ необходимою извѣстную переходную стадію, для того чтобы радикально преобразовать современный общественный строй Европы, покоящейся на частной собственности и конкуренціи. Если бы эти господа дали себѣ трудъ повнимательнѣе ознакомиться съ Рестифомъ, они легко убѣдились бы, что послѣдній относился къ предлагаемой имъ программѣ общественной реформы въ высшей степени серьезно, настолько серьезно, что даже въ своихъ романахъ не могъ избѣжать критики существующаго общества, указывая на свой идеальный строй, какъ на единственное лѣкарство, единственное средство спасенія отъ пороковъ и недостатковъ, развѣдающихъ больно общественный организмъ; имъ не пришлось бы ломать голову, разгадывая намѣренія автора, такъ какъ онъ самъ съ величайшею обстоятельностью излагаетъ намъ задачи, преслѣдуемые его книгой. Въ своей извѣстной автобіографіи „Monsieur Nicolas“ („г-нъ Николай“), онъ даетъ точныя указанія относительно тѣхъ цѣлей, которыми онъ задался, составляя книгу. „За исключеніемъ исторій Викторина, „Découverte australe“ ***)) есть физическій романъ... Базисъ физической системы покоится на идеѣ, что первоначально имѣлось только одно животное и что это единственное существо никогда не произвело бы болѣе одного вида, если бы земля повсемѣстно имѣла одну и ту же почву и температуру. Но такъ какъ отдѣльныя мѣста земной почвы нѣсколько различались между собою, и земной шаръ производилъ во веѣхъ точкахъ своей поверхности животныя и растительныя организмы, то неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого явился тотъ фактъ, что живыя существа въ отношеніи ихъ физическаго строенія и духовныхъ склонностей стали отличаться другъ отъ друга, хотя и сохранили почти незамѣтные переходы. При возникновеніи жизни, въ эпоху, когда наша планета отдѣлилась въ видѣ кометы отъ тѣла солнца-отца,

*) Kleinwächter, Die Staatsromane, стр. 24.

**) Schlaraffia politica, Leipzig, 1892 г., стр. 212.

***)) Полное заглавіе гласитъ: La Découverte australe par un homme volant ou le Dédale français; nouvelle très philosophique, suivie de la Lettre d'un Singe etc. Imprimé à Leipsick, et se trouve à Paris.

зародыши, представлявшіе расплавленную, клокочущую, почти кипящую массу, образовали живыя существа, которыя были смѣсю различныхъ породъ, каковы, напр., альбиносы и т. п.... Всѣ живыя существа перемѣшивались между собою съ цѣлью оплодотворенія; но мало-по-малу произошли отсюда различные виды... Изслѣдовать духовную сторону было гораздо легче, при чемъ я давалъ различнымъ народамъ воззрѣнія, нравы и обычаи такъ, какъ представляла ихъ мнѣ моя философія. Это можно видѣть въ ученіи, исповѣдуемомъ моими Меганатагонцами, идеи которыхъ вполне соотвѣтствуютъ природѣ“ *).

Внѣшняя оболочка моральнаго романа, исторія Викторина, представляется на нашъ взглядъ сотканной изъ чрезмѣрно фантастическихъ приключеній, но она вполне соотвѣтствовала духу того времени, когда перспективы, развернутыя вновь открытымъ мореплаваніемъ, заставили закружиться головы очень многихъ людей. Фантастическій мозгъ Рестифа былъ страстно увлеченъ идеей видѣть человѣка господиномъ воздушнаго океана, и онъ съ особеннымъ упорствомъ настаиваетъ на этой мечтѣ **). Любовь, эта „всепобѣждающая богиня“, служенію которой Рестифъ посвятилъ всю свою жизнь, наталкиваетъ въ его романѣ одного крестьянскаго юношу на изобрѣтеніе летательнаго аппарата. При помощи изобрѣтенной имъ могучей летательной машины онъ основываетъ маленькую колонію на недоступномъ плато, переноситъ туда рядъ лицъ, въ томъ числѣ и священника, необходимый скотъ и другіе предметы, и, наконецъ, похищаетъ, приготовивъ такимъ образомъ все къ ея приему, повелительницу своего сердца, дочь своего сеньера. Подъ управленіемъ послѣдней маленькая, но быстро растущая колонія ведетъ въ высшей степени счастливую жизнь.

*) Monsieur Nicolas ou le Coeur-humain dévolée, publié par lui même, т VIII, стр. 4719—22.

**) Несомнѣнно на Рестифа оказали вліяніе какъ практическія попытки воздухоплаванія, такъ и различныя книги, въ которыхъ высказывалась мысль объ осуществимости человѣческихъ полетовъ. Прежде всего слѣдуетъ назвать книгу Перъ Гальена «Искусство воздухоплаванія» (L'art de naviger dans les aires, 1755 г.). Въ 1772 году аббатъ Дефоржъ построилъ летающій снарядъ, который былъ описанъ въ тогдашнихъ журналахъ. Не подлежитъ, наконецъ, сомнѣнію вліяніе романа Les hommes volants, par Pierre Wilkins. Paris, 1763 г. Последняя книга имѣетъ цѣлый рядъ рисунковъ, изображающихъ летающихъ людей въ различныхъ стадіяхъ ихъ полета. Но Рестифъ идетъ дальше книги Вилькинса. Въ то время какъ у Вилькинса летающіе люди рождаются съ особой летательной перепонкой, у Рестифа это обыкновенные смертные, поднимающіеся на воздухъ при помощи особаго аппарата. Заслуживаетъ еще упоминанія, что Рестифовскій механизмъ состоитъ изъ мотора, подражающаго крыльямъ птицы, и парашюта.

„Какая восхитительная республика!“ — восклицает въ восторгѣ нашъ поэтический авторъ. „Итакъ, для человѣческаго счастья необходимо только, чтобы люди соединялись для совмѣстной жизни въ небольшомъ количествѣ! Тамъ не было пороковъ, тамъ было царство всѣхъ добродѣтелей... Каждый живетъ въ другомъ точно такъ же, какъ и въ самомъ себѣ... Нѣтъ ни эгоистическихъ интересовъ, ни пороковъ... Порокъ былъ бы тамъ простою глупостью: а человѣкъ можетъ быть порочнымъ лишь въ томъ случаѣ, если общественная система, среди которой онъ живетъ, настолько плоха, что порокъ создаетъ преимущество... Каждое общество, ограниченное по размѣрамъ въ такой степени, что всѣ члены его равны между собою, знаютъ другъ друга и имѣютъ нужду другъ въ другѣ, по необходимости счастливо и добродѣтельно: вотъ гдѣ лежитъ узелъ вопроса. Я не знаю, нашелъ ли его до сихъ поръ хоть одинъ моралистъ“ *). Когда населеніе плато слишкомъ разрослось, Викторинъ и его сыновья, также научившіеся летать, переносятъ избытокъ жителей со всѣми ихъ пожитками на одинъ изъ острововъ Южнаго Океана. Отсюда летающая семья предпринимаетъ рядъ путешествій, дающихъ Рестифу случай для его естественно-историческихъ разсужденій. Во время одной изъ такихъ поѣздокъ Рестифъ попадаетъ въ страну пататонцевъ и, предводительствуемый ими, въ страну мегапататонцевъ, государство которыхъ и есть обѣтованное идеальное государство **).

Мораль мегапататонцевъ рѣзко эвдемонистична. Всѣ ихъ усилія направлены къ тому, чтобы устранить всѣ непріятныя ощущенія и дать просторъ всѣмъ пріятнымъ воспріятіямъ, которыя, не нарушая интересовъ ближняго, не могутъ ни слишкомъ изнѣжить органы тѣла, ни притупить ихъ. У нихъ господствуетъ такимъ образомъ принципъ, что цѣль общежитія — наибольшее счастье его фактическихъ членовъ; и вся ихъ мораль сводится къ тому, чтобы найти самый короткій и свободный путь къ счастью. Но что придаетъ этой морали ея необычайную прочность, такъ это то обстоятельство, что она не предоставлена, какъ въ Европѣ, на благоусмотрѣніе каждаго отдѣльнаго члена общества. Благодаря равенству и общности во всемъ, ея дѣйствіе становится однороднымъ и публичнымъ. Равенство подрѣзываетъ въ корнѣ

*) La Découverte etc. I, стр. 140, 141.

**) La Découverte etc. III, стр. 480 и сл.

всякіе пороки. Слѣдующій краткій законъ содержитъ въ себѣ основы ихъ общественной морали.

1. Будь справедливъ по отношенію къ брату твоему, т. е. не требуй отъ него ничего и не дѣлай ему ничего такого, чего ты самъ не пожелалъ бы дать другимъ или снести отъ нихъ.

2. Будь справедливъ по отношенію къ животнымъ, т. е. обращайся съ ними такъ, какъ ты желалъ бы, чтобы высшія существа обращались съ тобою.

3. Среди равныхъ все должно быть общимъ.

4. Каждый пусть работаетъ для общаго блага.

5. Пусть каждый принимаетъ въ этомъ благѣ одинаковое участіе.

Таковы немногіе законы, вполне достаточные тамъ, гдѣ царствуетъ равенство; только среди народа угнетателей и рабовъ необходимы многочисленные законы, чтобы оправдать и поддержать несправедливость, неравенство и тираннію незначительнаго меньшинства.

У мегапататонцевъ никто не можетъ присвоить что-либо въ свою исключительную собственность, всѣмъ принадлежитъ все. Молодежь работаетъ и ведетъ полезную и дѣятельную жизнь, старики отдыхаютъ и обыкновенно на нихъ лежитъ лишь руководящая роль въ производствѣ. Такъ какъ работаютъ, такимъ образомъ, всѣ, трудъ каждаго отдѣльнаго лица не великъ. Наоборотъ, работа доставляетъ лишь удовольствіе, ибо всѣ отдѣльные члены общества трудятся не до полного истощенія силъ, а лишь настолько, насколько это необходимо для упражненія членовъ и поддержанія въ нихъ ловкости и силы. Поэтому здѣсь тѣлесная работа способствуетъ развитію духа, вмѣсто того, чтобы препятствовать ему, какъ у европейцевъ, гдѣ вслѣдствіе господствующаго неравенства каждый неизбежно несчастенъ: одинъ, — потому что онъ обремененъ работой, — другой, — потому что у него нѣтъ никакого занятія. Въ Европѣ всѣ должны быть большими дураками, такъ какъ работники находятся въ положеніи скота, а бездѣльники тупѣютъ отъ утонченныхъ и экстравагантныхъ страстей. Мегапататонцы, наоборотъ, имѣютъ полную возможность развиваться сообразно дарованіямъ каждаго.

День раздѣленъ на двѣ части: двѣнадцать часовъ сна и отдыха и двѣнадцать часовъ общественной дѣятельности; въ теченіе первой половины дня люди принадлежатъ себѣ и своему семейству, въ теченіе второй — отъ шести утра до шести вечера — обществу.

Работа продолжается четыре часа; затѣмъ всѣ сходятся въ большихъ столовыхъ для обѣда, приготовленнаго другими гражданами. Затѣмъ наступаетъ полтора часовая промежутокъ, являющийся необходимымъ при жаркомъ климатѣ.

Послѣобѣденное время вплоть до ужина посвящается разнообразнымъ общественнымъ удовольствіямъ, по окончаніи которыхъ каждый вмѣстѣ съ своею женою и дѣтьми возвращается домой и проводить остальные часы дня въ кругу своего семейства.

Работы распредѣляются среди гражданъ, сообразно способностямъ каждаго, представителями кварталовъ, при чемъ даже философы обязаны выполнять ежедневно четырехчасовую ручную работу, прежде чѣмъ они получаютъ право отдаться своимъ частнымъ занятіямъ. Обычай часто перемѣнять родъ занятій каждаго, увеличивая такимъ образомъ привлекательность труда, является характерной особенностью утопіи Рестифа, и мысль эта, насколько мы знаемъ, впервые была высказана именно Рестифомъ и лишь впоследствии воспринята Фурье, въ системѣ котораго она играетъ выдающуюся роль. „Никто не принуждается выполнять одну и ту же работу, наоборотъ, граждане поощряются къ перемѣнѣ занятій, и лишь тотъ, кто самъ требуетъ этого, дѣлаетъ одно и то же“. Болѣе трудныя ремесла, которыя выполняются внѣ дома и требуютъ сравнительно значительной силы, лежатъ на обязанности мужчинъ, болѣе легкія внутри дома на обязанности женщинъ. Такимъ образомъ у меганатагонцевъ работа—радость, игра и игры служатъ имъ поученіемъ.

Отношенія половъ регулируются въ Меганатагоніи, вообще говоря, очень свободомыслящимъ законодательствомъ, — обстоятельство, которому Рестифъ приписываетъ полное отсутствіе случаевъ нарушенія супружеской вѣрности. Всякій бракъ можетъ быть разрушенъ по истеченіи двухъ лѣтъ съ момента его заключенія; мотивируется это тѣмъ, что дитя, могущее родиться отъ брака въ теченіе перваго года, вскармливается матерью въ теченіе втораго, и, слѣдовательно, въ этотъ періодъ послѣдняя не способна къ новымъ брачнымъ отношеніямъ. Мужчины же имѣютъ право уже въ теченіе того времени, когда жены ихъ кормятъ грудью, снова жениться на комъ-либо изъ свободныхъ дѣвушекъ страны. Всѣ не вышедшія замужъ, точно такъ же, какъ беременныя и кормящія грудью женщины, живутъ въ обширныхъ домахъ, отдѣленные отъ остальныхъ согражданъ.

Дѣти тотчасъ же послѣ отнятія отъ груди поступаютъ въ руки

государственныхъ воспитателей, избираемыхъ изъ выдающихся гражданъ того и другого пола. Сословіе воспитателей самое высшее изъ всѣхъ; имъ услуживаетъ каждый, они имѣютъ почетныя мѣста на общественныхъ празднествахъ. Молодые люди женятся какъ только достигаютъ зрѣлости. У дѣвушекъ брачный возрастъ начинается на 25 году, такъ какъ меганатагонцы — народъ богатый; мужчины ихъ созрѣваютъ окончательно лишь къ 50 годамъ и живутъ до 220 лѣтъ. Картина положенія женщины носитъ на себѣ печать болѣзненно развитой галантности Рестифа. Женщина для него представительница низшаго пола, она подчинена мужчинамъ, хотя и не въ качествѣ рабыни, какъ это имѣетъ мѣсто у иныхъ народовъ. Съ дѣтства дѣвочку учатъ, что она принадлежитъ мужчинамъ, а мужчина отечеству; въ танцахъ и изящныхъ играхъ она развиваетъ свою грацію, однимъ словомъ все рассчитано такъ, чтобы сдѣлать ее возможно болѣе совершеннымъ предметомъ удовольствія мужчины. Надъ этимъ низменнымъ представленіемъ о значеніи женщины Рестифъ, проводившій большую часть жизни среди дочерей веселья изъ среды высшей аристократіи и изъ нѣдръ народа, никогда, собственно говоря, не могъ подняться.

Летающіе люди, въ высшей степени пораженные учрежденіями меганатагонцевъ, рѣшаются ввести ихъ на своемъ островѣ. Однако, Викторинъ ясно видѣлъ, что эта реформа не можетъ быть совершена сразу при томъ колоссальномъ различіи взглядовъ, которое существуетъ между европейцами и меганатагонцами, поэтому онъ совѣтовалъ своимъ внукамъ—самъ онъ, удрученный годами, уже устранился въ это время отъ правительственныхъ дѣлъ — совершенствовать законы мало-по-малу, постепенно приближая ихъ къ идеалу и, такимъ образомъ, шагъ за шагомъ преобразовать государственную и общественную организацію въ коллективистическую. Съ этою цѣлью былъ изданъ цѣлый рядъ законовъ, важнѣйшіе изъ которыхъ таковы:

1. Всѣ блага находятся въ общемъ пользованіи. Работы распредѣляются равномерно. Но, принадлежащія къ нынѣ живущему поколѣнію должны остаться при тѣхъ ремеслахъ, которыми каждый доселѣ занимался и которыя на будущее время должны считаться всѣ одинаково почетными.

3. Всѣ дѣти безъ различія званія и общественного положенія родителей обучаются искусствамъ и ремесламъ, сообразно наклонностямъ каждаго.

4. Дабы скорѣе осуществились общность имуществъ и равенство доходовъ, все покупаемое у частныхъ людей должно покупаться на средства общины, и товары должны быть оплачиваемы производителямъ не по цѣнности затраченнаго труда, а въ соответствии съ реальной потребностью работника.

5. Рабочее время ограничивается шестью часами.

7. Долги и прочія денежные обязательства теряютъ свою силу, однако, каждый можетъ удержать за собою занимаемый имъ домъ, съ тѣмъ, чтобы онъ имѣлъ, гдѣ жить съ женою и дѣтьми.

11. Должностныя лица должны быть лишь „устаи закона“; возможность гражданскихъ процессовъ почти цѣликомъ уничтожается предшествующими законами, уголовныя же должны сократиться до минимума, такъ какъ жадность является причиной почти всѣхъ человѣческихъ преступлений.

Къ „*Découverte australe*“ Рестифъ присоединилъ въ качествѣ приложения „Письмо одной обезьяны къ существамъ ея вида“ (*Lettre d'un singe aux êtres de son espèce*), гдѣ онъ съ тѣдой ироніей изображаетъ шиворотъ на выворотъ господствующій въ Европѣ способъ одѣянія. На этотъ разъ не европеецъ, заброшенный случайностями бурь на берега чужихъ странъ, рассказываетъ по возвращеніи, что онъ пережилъ, но обезьяна, помѣсь павіана и негрятки, попавшая въ Европу, а именно во Францію, сообщаетъ оттуда своимъ товарищамъ, и не объ идеальномъ государствѣ, а объ земномъ адѣ. Критика, которой эта обезьяна подвергаетъ учрежденія французскаго государства и общества, преисполнена горечи и приобретаетъ особенную остроту именно благодаря тому, что въ данномъ случаѣ критическимъ пожемъ оперируетъ обезьяна. Цезарь Малакескій—таково имя ученаго представителя четверорукихъ—не находилъ словъ, чтобы превознести передъ своими сородичами то естественное состояніе, въ которомъ они ведутъ свою счастливую жизнь, и противопоставляетъ ему ужасающія бѣдствія жизни культурныхъ людей. Люди доставляютъ другъ другу больше вреда, нежели они когда-либо доставили всѣмъ разнообразнымъ животнымъ, вмѣстѣ взятымъ, ибо они употребляютъ свой разумъ лишь съ цѣлью изыскать все то, что ихъ самихъ способно сдѣлать несчастными. Прежде всего у нихъ установлено, что они, существа, принадлежащія къ одному и тому же виду, въ дѣйствительности не равны между собою, но раздѣляются на владѣющихъ всѣмъ и не имѣющихъ ничего. На чемъ основано это раздѣленіе? Я этого не знаю!—патетически воскли-

каетъ павіанъ, но вершина безсмыслицы достигается благодаря тому, что, по ихъ же собственному ученію, всѣ они происходятъ отъ одного человѣка, причемъ это же самое ученіе, какъ бы нарочно для того, чтобы отнять всякое оправданіе у неравенства, гласитъ, что и по другимъ соображеніямъ они должны считать другъ друга братьями и нѣкоторымъ образомъ членами одной и той же семьи. Ибо религія предписываетъ имъ милосердіе, взаимное дружелюбіе и раздѣленіе всѣхъ благъ, воспрещая сильнымъ возвышаться надъ своими братьями и слабымъ преклоняться передъ кѣмъ бы то ни было изъ людей, какъ передъ Верховнымъ Господиномъ и Отцомъ. И несмотря на это, люди,—братья между братьями,—установили въ своей средѣ это варварское чудовищное неравенство. Последнее создано богатствомъ, избыткомъ собственности на средства существованія, имѣющимъ въ свою очередь корень въ жадности, этомъ пороѣкѣ человѣческой души. „Вы“ пишетъ Цезарь своимъ обезьянамъ, „вы не смогли бы удержать презрительнаго смѣха или крика негодованія, если бы услышали тѣ аргументы, которыми люди стараются оправдать и удержать существующее у нихъ неравенство. Богачи рукоплещутъ этому строю, такъ какъ благодаря ему всякія работы, даже самыя непріятныя, выполняются безропотно; кто сталъ бы, спрашивать они съ усмѣшкой, отправлять эти и подобныя имъ тяжелыя работы, не видя интендантовъ и прокуроровъ, предназначенныхъ господствовать надъ работниками или ихъ внуками“. Нельзя представить себѣ противорѣчія болѣе необъяснимаго, чѣмъ этотъ конфликтъ между положительнымъ закономъ и моралью. Последняя воспрещаетъ месть, процессы, исключительную собственность и даже предписываетъ любить враговъ; первый покровительствуетъ процессамъ, предписываетъ враждебныя нападенія на ближняго, освящаетъ исключительную собственность. У нихъ имѣются законы, приговаривающіе къ смерти ихъ бѣднаго брата, если послѣдній для спасенія своей жизни возьметъ что нибудь у того, кто имѣетъ слишкомъ много. Сколько усилій духа и тѣла, сколько жестокости, сколько крови стоитъ человѣчеству его богатство! Люди убиваютъ самихъ себя работой; мучительныя заботы поглощаютъ ихъ; они кляузничаютъ, теряютъ на издержкахъ процесса болѣе, чѣмъ стоитъ тотъ предметъ, изъ-за котораго они спорятъ. Однимъ словомъ, законъ исключительной собственности, этотъ запрещенный религіей законъ, является источникомъ всѣхъ человѣческихъ бѣдствій; благодаря ему человѣкъ, царь природы, часто

спускается ниже обезьяны. Невѣроятною глупостью со стороны человѣка было предписать себѣ этотъ законъ, неизбѣжно приводившій во все время къ нищетѣ и вырожденію огромныхъ массъ, не дѣлая въ то же время истинно счастливыми даже богатыхъ и сильныхъ. А вѣдь если бы царствовала братская любовь и общность благъ, это великое единство сердецъ и чувствъ, предписанное религіей, — все наслаждались бы счастьемъ, которое въ настоящее время знаютъ лишь животныя въ тѣхъ мѣстахъ, куда не проникъ еще человѣкъ. Таковы то эти люди, которыхъ вы, обезьяны, считаете счастливыми и удивляетесь имъ, какъ совершеннымъ существамъ: они подкарауливаютъ другъ друга, берутъ въ плѣнъ, заковываютъ въ цѣпи; они бросаютъ другъ друга въ темницы, куда не проникаетъ дневной свѣтъ, они истязаютъ другъ друга плетями, вырываютъ языки, прижигаютъ раскаленнымъ желѣзомъ; они вѣшаютъ, колесуютъ, сожигаютъ, разсѣкаютъ на куски, сажаютъ на колъ другъ друга; они разрываютъ другъ другу животы, убиваютъ другъ друга топорами, выкалываютъ другъ другу глаза... и почему все это? потому что одни владѣютъ всеми предметами, а другіе благодаря этому вынуждены отнимать силою или хитростью часть ихъ у первыхъ“.

Среди людей существуютъ бѣдняки, которые являются или преступниками—и тогда ихъ вѣшаютъ или колесуютъ—или же слишкомъ слабы и трусливы для преступленій, и тогда они занимаются ремесломъ нищаго или какимъ-либо другимъ. „Съ тѣхъ поръ, какъ я пришелъ въ разумъ, я не могу привыкнуть равнодушно видѣть бѣдныхъ людей!“ Что такое бѣднякъ? Немущее существо, стоящее безконечно ниже насѣкомыхъ, птицъ, крысъ и мышей; изолированное существо, лишенное правъ на все въ мірѣ; существо, у котораго ограбили его социальныя богатства и которое потеряло уже природныя богатства, могущія доставить ему первыя. И до этого дошло разумное созданье предназначенное природой для господства! Ставъ жалкимъ, какъ послѣднее изъ животныхъ, это гордое творенье не обладаетъ уже болѣе свободой выискивать себѣ пропитаніе въ рѣкахъ, кишачихъ рыбой, въ поляхъ или лѣсахъ. Посреди изобилія, въ которомъ задыхаются его ближніе, оно погибаетъ отъ холода и нищеты! Оно не можетъ, оно не смѣетъ протянуть руку къ виноградной лозѣ, чтобы освѣжить свое пересохшее горло, не смѣетъ сорвать плодъ съ дерева, чтобы не умереть съ голоду. Такъ бѣдствуетъ это жестокое, прожорливое созданье. Но этого еще мало! Люди создали законы.

отнимающіе воздухъ и свободу у несчастныхъ, которые ничего не имѣютъ, отнимающіе только за то, что они бѣдны. „Увидѣвъ бѣдняковъ“,—здѣсь нашъ павіанъ пускается въ область государственнаго права,—„которые не извлекаютъ никакой выгоды изъ социальнаго порядка, я былъ увѣренъ, что по крайней мѣрѣ имъ предоставляется естественная свобода, что социальный контрактъ можетъ быть расторгнутъ, хотя бы въ томъ случаѣ, если онъ перестаетъ приносить пользу одному изъ контрагентовъ. Итакъ, пусть богачи, владѣющіе всеми богатствами, живутъ неизмѣнно въ обществѣ, но для чего общество бѣдняку, котораго оно довело до гибели?—Ясно, что бѣднякъ долженъ имѣть право выйти изъ общества! Такъ думалъ я, но какъ я обманулъ! Люди требуютъ чтобы бѣднякъ оставался въ томъ самомъ обществѣ, которое лишаетъ его всехъ благъ,—мало того, они требуютъ, чтобы онъ любилъ и почиталъ это общество, чтобы онъ до самой смерти несъ на себѣ иго невыносимаго труда,—а если онъ отказывается, они запираютъ его въ темницу. Каждый богачъ имѣетъ священное право на услуги и почтеніе бѣдняка и, такъ какъ ни одинъ законодатель не опредѣлилъ границъ этого права, богачъ употребляетъ все усилія, чтобы расширить его возможно больше, требуетъ у бѣдняка услугу за услугою, мучаетъ его, обираетъ, унижаетъ и оскорбляетъ“.

Эта краткая выдержка изъ „Писъма обезьяны“ показываетъ, думается намъ, достаточно ярко, съ какой энергіей и силой нападалъ Рестифъ на тогдашнее общество. Жестокое обращеніе съ рабами—неграми; нелѣпость юриспруденціи, умножающей преступления, вмѣсто того, чтобы напасть на самый ихъ источникъ, уменьшая поводы къ нимъ; противорѣчіе между закономъ и религіей; общественные предрасудки въ обычаяхъ и модахъ; непостижимая нелѣпость и позорная жестокость войны; непростительная небрежность въ дѣлѣ воспитанія; однимъ словомъ, врядъ ли существовало во Франціи 18 вѣка хоть одно общественное или государственное учрежденіе, которое бы онъ не подвергъ своей сатирѣ и критикѣ и не объявилъ бы безсмысленнымъ и вреднымъ для общества. Краеугольнымъ камнемъ истиннаго общественнаго порядка является для него равенство и братство, связанное съ общностью имущества (communauté). „Цѣль этого писъма“, говорить онъ самъ, „идетъ еще дальше; оно стремится показать богатымъ, которые одни только его прочтутъ, что ихъ право собственности несправедливо, поскольку они злоупотребляютъ

имъ; что это лишь условное и случайное право, а отнюдь не естественное“. „Письмо“, наивно прибавляет авторъ, „направлено лишь къ тому, чтобы сдѣлать богачей болѣе человѣчными и справедливыми“ *).

V. Телемахъ Фенелона.

Сочиненія Рестифа вводятъ насъ уже во вторую половину XVIII вѣка; но чтобы покончить съ первымъ періодомъ въ исторіи утопическихъ идей во Франціи, мы должны еще разъ возвратиться къ концу XVII вѣка и остановиться на нѣкоторыхъ заявленіяхъ Фенелона и на его знаменитомъ произведеніи, „Телемахъ“ **). Мы уже имѣли случай упомянуть, что Фенелонъ, вопреки или, быть можетъ, благодаря его высоко-дворянскому происхожденію, стоялъ до извѣстной степени въ оппозиціи къ политикѣ Людовика XIV и его двора, и былъ даже за свою оппозицію высланъ изъ Парижа въ Камбре. Фенелонъ былъ воспитателемъ герцога Бургонскаго; для него-то и былъ первоначально предназначенъ „Телемахъ“, пролагающій путь для новой манеры описаній вымышленныхъ путешествій. Книга подробно трактуетъ объ условіяхъ существованія, о задачахъ и обязанностяхъ монарховъ; для насъ въ данномъ случаѣ она представляетъ интересъ лишь постольку, поскольку, описывая дорожныя приключенія Телемаха, Одиссея

*) La Découverte australe T. IV, стр. 133.

**) Фенелонъ—родился въ 1651 году въ замкѣ Фенелонъ (въ провинціи Перигоръ), умеръ въ 1715 году,—происходилъ изъ высоко-дворянской фамиліи и съ юнаго возраста предназначался къ духовному званію. Въ 1675 году онъ былъ постриженъ и скоро получилъ широкую извѣстность, какъ церковный ораторъ. Въ качествѣ воспитателя герцога Бургонскаго, внука Людовика XIV, Фенелонъ составилъ для своего ученика рядъ разсказовъ: „Les aventures de Aristonous“, „Les dialogues des morts“ и „Телемаха“. Задачей его воспитательской дѣятельности было образовать изъ своего питомца *roi philosophe*, короля-философа. Непримиимый противникъ протестантовъ, онъ восхвалялъ отмену Нантскаго Эдикта; крупный вельможа, онъ считалъ справедливымъ удерживать низшіе классы въ бѣдности и зависимости, но, съ другой стороны, онъ до чрезвычайныхъ размѣровъ развилъ благотворительность въ своемъ діоцезѣ Камбре. Онъ былъ противникомъ абсолютной монархіи, которой онъ противопоставлялъ королевство, ограниченное сильнымъ дворянствомъ и генеральными штатами. Политика Фенелона рѣшительно неоригинальна, его оппозиція противъ Людовика XIV была слабой и мало серьезной. Его мягкая, чувствительная натура дѣлала возможнымъ соединеніе пламенной любви и благотворительности съ суровостью и даже съ жестокостью по отношенію къ иначе вѣрующимъ.—Въ первый разъ его „Телемахъ“ появился въ 1698 году, вопреки его волѣ; съ того времени вышло безчисленное множество изданій и переводовъ.

сына, разыскивающего своего отца, она даетъ изображеніе двухъ общинъ, Бетики и Саленты; въ одной изъ нихъ строй основанъ на общинномъ землевладѣніи, въ другой—сохраняется раздѣленіе на классы и такое распредѣленіе имуществъ въ предѣлахъ различныхъ классовъ, которое соответствуетъ силѣ отдѣльныхъ семействъ.

Почти всѣ жители въ Бетикѣ земледѣльцы или пастухи; ремесленниковъ среди нихъ почти совсѣмъ нѣтъ; всѣ искусства считаются бесполезными, расслабляющими и опасными для нравовъ. Жители Бетики полагаютъ, что съ возрастаніемъ потребностей и средствъ для ихъ удовлетворенія среди людей должны развиться зависть и ненависть, честолюбіе и жадность; потому они съ отвращеніемъ относятся къ утонченной культурѣ и считаютъ пріятную простоту и безыскусственность лучшей гарантіей счастья. Всѣ они живутъ вмѣстѣ, не дѣля своей земли; каждая семья управляется старшиной, который является истиннымъ королемъ. Всѣ блага у нихъ общія; плодовъ съ деревьевъ и полей, молока съ луговъ такъ много, что, при умѣренности и безпритязательности жителей, нѣтъ нужды дѣлить ихъ. Не имѣя сепаратныхъ интересовъ, которые одинъ могъ бы выставить противъ другого, они живутъ во взаимной, ничѣмъ не нарушаемой, братской любви. Отказъ отъ суетныхъ богатствъ и пустыхъ удовольствій поддерживаетъ среди нихъ миръ, единство и свободу. Всѣ они свободны и равны. У нихъ ничто, кромѣ опытности, приобретаемой съ возрастомъ, не даетъ права на отличія. Въ той благословенной богами землѣ никогда не прозвучитъ ужасный и ненавистный голосъ обмана, насилия, клятвопреступленія, сутяжничества и войны *).

Не такъ просты, не такъ идилличны условія, сложившіяся въ Салентѣ. Пристрастіе къ великолѣпію и честолюбіе короля Идомена привели страну къ краю гибели; тогда Менторъ, другъ и совѣтникъ Телемаха, беретъ на себя задачу дать странѣ новое устройство и положить въ основу ея дальнѣйшаго развитія устойчивыя и разумныя принципы. Онъ раздѣляетъ населеніе на семь классовъ и устанавливаетъ для каждаго изъ нихъ характеръ жилища, одежды, меблировки и пищи, равно какъ и размѣры собственности для каждой семьи. Въ каждомъ классѣ всякая семья должна владѣть такимъ количествомъ земли, какое абсолютно необходимо, чтобы пропитать всѣхъ своихъ членовъ; законъ, постановляя,

*) Les aventures de Télémaque, книга VIII.

чтобы эта предѣльная мѣра не превышалась, дѣлать невозможнымъ для дворянства обогащаться на счетъ бѣдности. Такимъ образомъ, у каждаго будетъ земля, но всегда только немного земли. Въ Салентѣ объ общинной собственности не можетъ быть и рѣчи; тамъ, какъ и во Франціи, ведется торговля, существуютъ различные классы и неограниченная королевская власть; единственное ея преимущество передъ французской заключается въ томъ, что ея носители достаточно разумны для того, чтобы слѣдовать совѣтамъ философски образованнаго государственнаго челоѣка.

Въ обѣихъ конституціяхъ—въ конституціи Саленты и Бетики—находить себѣ ясное выраженіе реакціонная мысль Фенелона: въ интересахъ нравственности и счастья людей необходимо задерживать развитіе искусствъ и промышленности. Искусство и промышленность въ наблюденіяхъ Фенелона представляются неразрывно связанными съ пороками жадности и честолюбія и съ безпощаднымъ господствомъ эгоизма. Даже болѣе, Фенелонъ не останавливается передъ тѣмъ, чтобы разсматривать искусство и промышленность, какъ причины этихъ пороковъ и широко распространенной бѣдности. Поэтому онъ знаетъ только одно средство: возвратъ къ естественному состоянію; послѣднее же, въ противоположность Руссо, писавшему черезъ полѣка послѣ него, представляется ему не въ видѣ блужданія одинокаго автономнаго индивидуума по первобытнымъ лѣсамъ, а въ формѣ невинной жизни пастуховъ и земледѣльцевъ. Идея возврата къ природѣ позднѣе нашла дѣланное, фальшивое выраженіе въ пасторальныхъ высшихъ классовъ и въ пасторальной литературѣ XVIII вѣка, а въ преувеличенно аскетической формѣ, враждебной всякому развитію, встрѣчается даже въ позднѣйшія времена у цѣлаго ряда утопистовъ. Поэтому очень любопытно выслушать, какъ отзывался объ идеальномъ государствѣ „Телемаха“ одинъ французскій утопистъ, жившій столѣтіемъ позже и теперь совершенно забытый. „Его (Фенелона) прекрасная душа отражается въ законахъ, которые Идомея даетъ Салентѣ; но во всей своей красотѣ обнаруживается она, когда онъ вкладываетъ въ уста Адоама изображеніе нравовъ Бетики. Здѣсь чувствуется, что для Фенелона, ревностнаго и послѣдовательнаго христіанина, руководимаго пламенной любовью къ челоѣчеству и къ истинѣ, что несчастьемъ для него было занятое имъ положеніе: оно дѣлало невозможнымъ для него вскрыть истинный источникъ людскихъ стра-

даній... И вотъ мы видимъ, какія необыкновенныя, но тщетныя въ то же время усилія употребляетъ онъ, чтобы примирить въ Салентѣ такіе гетерогенные, діаметрально противоположные элементы, какъ рабство—и челоѣческое счастье... Мы понимаемъ тогда, что его идеи должны бы были принять совершенно противоположное направленіе, что ему не слѣдовало бы проводить почти непреступную границу между семью различными классами; что же касается счастливыхъ и мирныхъ жителей Бетики, доброму Фенелону не слѣдовало бы дѣлать изъ нихъ маленькій народецъ, стоящій въ полной зависимости отъ милости своихъ сильныхъ сосѣдей. Дальше, Фенелонъ не обрекъ бы этотъ народъ застою послѣ первыхъ шаговъ въ развитіи искусствъ,—въ то время, какъ всѣ окружающія націи сохраняютъ возможность развиваться, приобрѣтаютъ, такимъ образомъ, непреодолимое вліяніе на Бетику и неизбежно передаютъ ей всѣ пороки, порождающіе несчастья челоѣчества“ *).

VI. „Путешествія Кира“ Рамсея.

Изъ безчисленныхъ подражаній, вызванныхъ „Телемахомъ“ Фенелона, изъ всѣхъ героевъ античнаго міра, которыхъ французскіе авторы заставляли объѣзжать всѣ части свѣта, мы должны вкратцѣ упомянуть только о двухъ: это путешествія Кира у Рамсея **) и Телефа у Пешмежэ ***). Въ первой книгѣ интересъ для насъ представляетъ только противопоставленіе Аѳинъ и Спарты и примыкающая къ нему критика общности имуществъ. Рамсей произноситъ уничтожающій приговоръ надъ государственнымъ устройствомъ Ликурга, на людей, которые, подобно лакедемонянамъ, воспитываются только для войны и не знаютъ никакого другого труда, никакой науки, никакой профессіи, кромѣ изощренія въ челоѣкоубійствахъ, — на такихъ людей нельзя смотрѣть иначе, какъ на враговъ всякой общественности ****). Въ противо-

*) La philosophie du Ruvarebohni, II, стр. 116, 118.

**) Рамсей, Андре Мишель, родился въ 1686 году, умеръ въ 1743 году. Въ 1703 году, благодаря сочиненіямъ Фенелона, онъ обратился въ католическую вѣру и сдѣлался ея горячимъ приверженцемъ, что сказалось и въ области политики. Это доказываютъ его сочиненія: «Essai philosophique sur le gouvernement civil», Лондонъ 1721, и книга «Les voyages des Cyrus» Парижъ. 1727.

***). Téléphe par Pechmeja. Лондонъ и Парижъ. 1784.

****) Ramsay, Les Voyages etc., I, стр. 165.

положность спартамъ, онъ потомъ съ энтузіазмомъ возвеличиваетъ Аѳины, городъ частной собственности и потому творца всякой культуры, искусства,—короче, всего того, благодаря чему жизнь стоитъ того, чтобы жить. Когда Рамсей влагаєтъ въ уста самого Солона изложеніе исторіи солововскаго государственнаго устройства, онъ, несомнѣнно, имѣетъ въ виду утопистовъ и восхваляемое ими равенство и общность имуществъ. Солонъ нашелъ, что первый и главный источникъ зла, отъ котораго страдалъ аѳинскій народъ, заключается въ избыткѣ народной власти, въ господствѣ легкомысленныхъ талантовъ, которые стремятся слить всѣ сословія подъ тѣмъ предлогомъ, что люди всѣ рождены равными, и проповѣдуютъ химерическое равенство лишь для того, чтобы господствовать самимъ. Первымъ шагомъ Солона было, поэтому—подвергнуть строгому наказанію всѣхъ, кто распространялъ въ народѣ глупыя теоріи равенства. Онъ доказалъ потомъ, что естественное равенство представляетъ химеру, основанную на поэтическихъ сказкахъ, что съ окончаніемъ золотого вѣка неравенство сдѣлалось необходимымъ, и что, наконецъ, патріархальный режимъ долженъ быть прообразомъ для всѣхъ правительствъ. Короче говоря, Солонъ у Рамсея начинаетъ свою дѣятельность прямо съ опроверженія всего того, что представлялось другимъ законодателямъ утопистовъ непреложными истинами. Но, съ другой стороны, онъ видитъ вторую причину бѣдствій аѳинянъ въ чрезвычайномъ неравенствѣ собственности: она скопилась въ рукахъ немногихъ въ колоссальныя богатства, а подавляющія массы населенія ввергнуты въ бездны нищеты; но онъ не считаетъ общность имуществъ, какъ у спартамцевъ, средствомъ спасенія. Такъ какъ Солонъ удерживаетъ частную собственность, то единственные средства помощи, предложенныя имъ, сводятся къ прощенію долговъ, къ упрощенію безчисленныхъ законовъ, которые, всегда оставаясь признакомъ деморализаціи, со всѣхъ сторонъ ограничивали жизнь аѳинскаго гражданина, и къ реформѣ воспитанія дѣтей.

VII. „Телефъ“ Пешменѣ.

Пешменѣ въ своемъ „Телефѣ“ въ очень рѣзкой формѣ нападаетъ на частную собственность и право наслѣдованія *). Онъ

*) Жанъ Пешменѣ родился въ 1741 году, умеръ въ 1785 году. Онъ принималъ участіе въ конкурсѣ на лучшую хвалебную рѣчь о Кольберѣ (1773 г.), но премію

возвеличиваетъ законодательство Миноса, „который поровну распредѣлилъ богатства и создалъ святую свободу“, и восхваляетъ въ напыщенныхъ выраженіяхъ счастье Крита, принявшаго законы Миноса. Телефъ—таково имя полубога, отбывающаго свои годы ученія и странствованій,—видитъ въ Малой Азіи всю землю въ собственности немногихъ богатыхъ гражданъ, которые пожираютъ всѣ плоды ея, украшаютъ себя ея цвѣтами и, не чувствуя ни состраданія, ни угрызений совѣсти, омываются потомъ бѣдняковъ. Напротивъ, на Критѣ Телефу кажется, что онъ попалъ въ земной рай. Здѣсь нѣтъ частной собственности и права наслѣдованія. Родителямъ не позволено обезпечивать своихъ еще не существующихъ дѣтей колоссальными имуществами, которыя даютъ тѣмъ ненавистное право на трудъ ограбленныхъ массъ. На Критѣ не увидишь, чтобы цѣлыя поколѣнія были обречены при самомъ своемъ рожденіи на презрительное отношеніе къ себѣ и на рабство, а маленькая кучка гражданъ уже отъ колыбели вознаграждалась за мнимыя заслуги своихъ отцовъ и авансомъ оплачивалась за услуги, которыя она, быть можетъ, окажетъ нѣкогда государству. Низкое происхожденіе, занятія полезными и трудными ремеслами не считаются на Критѣ своего рода преступленіемъ, которое наказуется презрѣніемъ и позоромъ, и торжествующая праздность уже не требуетъ себѣ почестей и поклоненія.

Мы закончили обзоръ перваго періода въ исторіи утопізма во Франціи; онъ охватываетъ XVII и первое двадцатилѣтіе XVIII вѣка. Къ изложенію идей величайшаго французскаго утописта Верасса у насъ непосредственно примыкаетъ изложеніе нѣкоторыхъ государственныхъ романовъ XVIII вѣка, такъ какъ они несомнѣнно возникли подъ вліяніемъ Верасса и, что касается содержанія идей, едва ли представляютъ что-либо новое. Смертью Людовика XIV и полнымъ банкротствомъ его внутренней и вѣншей политики открывается новая эра. „Что можетъ спасти насъ, если мы выйдемъ изъ этой войны (войны изъ-за испанскаго наслѣдства), выйдемъ, не получивши хорошаго урока“, восклицаетъ

получилъ Неккеръ. Другъ Рейналя, онъ сотрудничалъ съ послѣднимъ при составленіи книги „Histoire philosophique du commerce des Européens dans les deux Indes“ („Философская исторія европейской торговли съ обѣими Индіями“). Въ 1784 году явился его „Телефъ“, имѣвшій огромный успѣхъ, но скоро забытый. Въ томъ же году напечатаны нѣмецкій и англійскій переводы книги.

Фенелонъ. И вотъ война изъ-за испанскаго наслѣдства привела къ банкротству всѣхъ: королевскую власть, дворянство, крестьянъ; единственнымъ классомъ, который пережилъ бури войны, не расплатившись за нее кореннымъ потрясеніемъ, жизнеспособность котораго и способность къ развитію не только сохранились, но и усилились, классомъ, которому суждено было спасти Францію, но иначе, чѣмъ думалъ Фенелонъ,—этимъ классомъ была буржуазія, для которой начиналась теперь самая блестящая эра. Не удивительно, что мыслители и передовые борцы буржуазіи обращаютъ все свое вниманіе на Англію, страну буржуазіи, что отсюда они, на первыхъ порахъ, заимствуютъ свое оружіе для борьбы противъ стараго порядка,— заимствуютъ до тѣхъ поръ, пока не приобрѣтаютъ способности выковать собственное, болѣе острое. Точно также и всѣ утописты XVIII вѣка—Морелли, Маблі, Рестифъ, Бабефъ и т. д.,—воспитались на идеяхъ буржуазіи XVIII вѣка; изъ ея философіи, политики, экономіи, они дѣлаютъ выводы, ведущіе къ отрицанію буржуазнаго „естественнаго порядка“, *ordre naturel*, какъ „неестественнаго“. Общественному строю, который буржуазія возвыщаетъ и защищаетъ въ многочисленныхъ сочиненіяхъ, какъ естественный, а слѣдовательно и неизмѣнный, идеальный строй,—защищаетъ потому, что онъ былъ выраженіемъ ея классовыхъ интересовъ,—этому строю утописты противопоставляютъ новый общественный строй, который на первыхъ порахъ также претендуетъ на то, что онъ одинъ—сообразный съ природою строй. Наконецъ, идея, что буржуазный строй необходимая подготовительная стадія для болѣе совершеннаго, завершаетъ развитіе утопизма въ XVIII вѣкѣ.

40672

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Глава I.	1— 21
Общественныя противорѣчія въ XVI и XVII вѣкѣ	1
1. Кальвинизмъ и лига	9
2. Эпоха Фронды	11
3. Людовикъ XIV	17
4. Политика хлѣбной торговли при старомъ порядкѣ	
Глава II.	22— 59
Крестьяне и сельское хозяйство	22
1. Крестьяне	57
2. Сельское духовенство	
Глава III.	60— 82
Жанъ Мелье	
Глава IV.	83— 97
Промышленность въ XVI и XVII вѣкѣ	
Глава V.	98—118
Верассъ	119—150
Глава VI.	
Государственные романы и описаніе путешествій въ XVII и XVIII вѣкѣ	119
1. La terre Australe (Австралійская земля)	121
2. Жакъ Массе	124
3. Республика философовъ	125
4. „Австралійскія открытія“ и „Письмо одной обезьяны“ Рестифа	133
4. Телемахъ Фенелона	144

- Германъ Гельмгольцъ, Характеристика Дюбуа-Реймона. Ц. 30 к.
Людвигъ Берне и Генрихъ Гейне, Характеристика Г. Брандеса. Перев. съ нѣм. П. Морозова Ц. 60 к. (съ 2 портр.).
Рабочій трудъ въ Западной Европѣ. Проф. Г. Геркнера, Перев. съ нѣм. Ц. 3 р.
Вопросы современной эстетики. Проф. І. Фолькельта. Пер. съ нѣм. Н. Штрупа. Ц. 75 к.
Чудеса земного шара. Общедоступныя бесѣды по землѣвѣднію Германа Клейна съ 95 рис. Пер. съ нѣм. подъ ред. Н. Березина. Ц. 1 р.
Нравственность и воспитаніе. Ф. Тома, перев. съ франц. Е. Леонтьевой, Ц. 30 к.
„Фаустъ“ Гете. Опытъ характеристики проф. Л. Шепелевича. Ц. 30 к.
Исторія новѣйшей философіи проф. Г. Геффдинга, пер. съ нѣм.—Ц. 2 р.
Исторія политической экономіи проф. Кона и проф. Филипповича. Пер. съ нѣм. Ц. 50 к.
Наши органы чувствъ и внѣшній міръ. Очеркъ В. Л. Розенберга. Ц. 30 к.
Университетскія и социальныя поселенія. У. Ризона перев. съ англ. подъ ред. проф. Д. М. Петрушевскаго Ц. 80 к.
Лондонскія школы и начальное образованіе въ Англіи. П. Мижуева. Ц. 50 к.
Успѣхи астрономіи въ XIX стол. К. Покровскаго съ 94 рис. ц. 1 р. 20 коп.
-

„БИБЛИОТЕКА ФИЛОСОФОВЪ“

Имѣются въ продажѣ первые семь выпусковъ.

- ГЕРБЕРТЪ СПЕНСЕРЪ. О. Гауппа, перев. съ нѣм. подъ редакціей А. Острогорскаго, ц. 50 к.
ФРИДРИХЪ НИТЦШЕ какъ художникъ и мыслитель, проф. А. Рилиа, перев. съ нѣм. З. Венгеровой, 2-е изд. ц. 50 к.
ЖАНЪ ЖАКЪ РУССО и его философія, проф. Геффдинга, пер. съ нѣм. Л. Давыдовой, ц. 50 к.
ИММАНУИЛЬ КАНТЪ его жизнь и ученіе проф. Паульсена пер. съ нѣм. Н. Лосскаго, ц. 1 р.
ПЛАТОНЪ. В. Виндельбанда, пер. съ нѣм. А. Громбаха, ц. 50 к.
ВУНДТЪ его философія и психологія, Эдмунда Кенига, пер. съ нѣм. С. Штейнберга, ц. 50 к.
А. ШОПЕНГАУЕРЪ, проф. І. Фолькельта съ портр., ц. 1 р.
Т. КАРЛЕЙЛЬ, П. Гензеля, съ портр., ц. 50 к.
ДЖ. СТ. МИЛЛЬ. С. Зенгера, съ портр., ц. 50 к.
-

Выписывающіе изъ редакціи (Спб., Моховая. 33), за пересылку не платятъ.

40672

Открыта подписка на 1902 годъ
на педагогическій, литературный и научно-популярный
журналъ

„ОБРАЗОВАНИЕ“

Съ 1902 года вводится отдѣлъ **беллетристики**, участіе въ которомъ общали: **К. С. Баранцевичъ, А. Вербицкая, В. Вересаевъ, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, И. Н. Потапенко, Скиталецъ, Н. Танъ, Н. И. Тимковскій, Е. Н. Чириковъ** и др.

Объемъ журнала увеличенъ на $\frac{1}{3}$ безъ измѣненія подписной цѣны.

Задачи журнала: 1) содѣйствовать самообразованію и расширенію знаній, путемъ ознакомленія въ общедоступныхъ статьяхъ и сочиненіяхъ съ основными вопросами знанія въ различныхъ его областяхъ, съ новѣйшими теченіями въ литературѣ и наукѣ; и 2) **выяснять общественное значеніе вопросовъ образованія (преимущественно народнаго) и ихъ связь съ жизнью.**

Кромѣ статей научно-популярныхъ, литературныхъ и общепедagogическихъ (числомъ болѣе 120 за годъ), ежемѣсячные отдѣлы:

Изъ области знаній (Научныя бесѣды). **На Западѣ.** Новыя теченія въ литературѣ и жизни за границей.—Письма изъ-за границы отъ постоянныхъ корреспондентовъ журнала. **Изъ иностранныхъ журналовъ** (пересказъ наиболѣе интересныхъ статей). **Изъ жизни и литературы** (статьи по поводу различныхъ литературно-общественныхъ явленій текущей жизни). **Изъ русскихъ изданій** (выдержки изъ газетъ и журналовъ о наиболѣе интересныхъ текущихъ событіяхъ). **Критика и библиографія** (на этотъ отдѣлъ обращено особое вниманіе. Письма изъ провинціи. (Сообщенія спеціальныхъ корреспондентовъ о различныхъ явленіяхъ въ сферѣ народнаго образованія).—**Хроника.** (Текущія замѣтки о важнѣйшихъ фактахъ русской общественной жизни, преимущественно въ отношеніи къ народному образованію).—**Статистика образованія** въ Россіи и за границей.

Цѣна за годъ 6 р. съ перес., полгода—3 р.

Журналъ допущенъ въ народныя библіотекы-читальныя.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ: С.-Петербургъ, Моховая ул., 33.

Редакторъ-издатель **Александръ Острогорскій.**